ПАМЯТИ ВЛАДЫКИ СЕРГИЯ ПРАЖСКОГО

R.B.R.
NEW YORK

ПАМЯТИ ВЛАДЫКИ СЕРГИЯ ПРАЖСКОГО

Составитель Ольга Р.-Х.

R.B.R.
NEW YORK

ПАМЯТИ ВЛАДЫКИ СЕРГИЯ ПРАЖСКОГО
Составитель Ольга Р.-Х.

PAMIATI VLADYKI SERGIA PRAJSKOGO
(In Memory of the Bishop Sergius of Prag)
Compiled by Olga R.-H.

ISBN 0-934927-02-2

Published by R.B.R., Inc.

Владыка Сергий Пражский

1881-1952

ОГЛАВЛЕНИЕ

Воспоминания

Записи из бесед владыки Сергия

От составителя

Публикуемые здесь воспоминания в течение долгих лет собирал Сергей Александрович Маллой, многолетний секретарь и верный почитатель памяти владыки Сергия. Незадолго до своей кончины он переслал нам собранные материалы, часть которых для публикации не предназначалась. Мы включили все, как-либо дополняющее образ Владыки. Приносим извинения тем авторам, чьи воспоминания были напечатаны ранее, но источник публикации остался нам неизвестен.

Благодарим всех, кто помог выходу сборника, тех, кто знал Владыку лично или узнал о нем спустя годы после его кончины. Особая благодарность организации «Духовные книги в Россию» (R.B.R., Inc.) за финансовую поддержку, которая сделала выход сборника реальностью.

О. Р.-Х.

ВОСПОМИНАНИЯ

Ник. Андреев

Владыка Сергий (Пражский)

К двадцатипятилетию кончины — 18.XII.77

На любительском снимке, лежащем передо мною, могила владыки Сергия, утопающая в цветах, и на белом восьмиконечном кресте дощечка с четкой надписью: Сергий, архиепископ Казанский и Чистопольский, 1881-1952. Снимок этот (а также и фотография Владыки, по-видимому, сороковых годов) был вывезен моей покойной матерью из Эстонии в конце пятидесятых. Как и многие, кому выпало счастье общения с Владыкой, она запомнила его навсегда и была предана его чистой памяти до последнего своего дня. По многочисленным свидетельствам, тысячи верующих скорбели по поводу его смерти в Казани и в тех местах, где он прошел как монах, архимандрит, с 1921 года епископ Бельский (назначенный Святейшим Синодом во главе с патриархом Тихоном); с 1922 года — высланный из Польши — он оказался в Праге, где стал горячо любимым епископом, входившим в юрисдикцию митрополита Евлогия в Париже; в 1946 году он был, по решению патриарха Алексия, перемещен в Вену с возведением в сан архиепископа, а оттуда в 1948 году — в Берлин и в 1950 году в Казань. Таким образом, из тридцати одного года архиерейского служения двадцать четыре года связаны у него с Прагой, — поистине он владыка Сергий Пражский, а в миру Аркадий Димитриевич Королев, родился в Москве на Большой Пресне и крещен в церкви Иоанна Предтечи на Средней Пресне, в которой шестьдесят пять лет спустя служил как архиепископ Венский и экзарх патриарха Московского в Средней Европе.

Как и почему он воздвиг в сердцах столь многих «нерукотворный памятник» себе? Почему утвердился он в памяти как «избранный» среди многочисленных «званных», какими была полна первая эмиграция и, в частности, ее пражское ответвление с рядом блестящих представителей и русской науки, и российской общественности, и русской литературы? На эти вопросы ответило много людей, хорошо знавших Владыку. Их ответы собрали. К сожалению, сборник этих воспоминаний не опубликован. А он заслуживал бы этого, хотя бы просто как эхо общественного мнения об одном из скромнейших и в то же время влиятельнейших иерархов нашей православной церкви*.

Я знал Владыку с 1927 по 1945 годы. По обстоятельствам моей жизни и отчасти благодаря увлеченности моего отца русскими церковными напевами и распевами мне немало приходилось соприкасаться с церковными кругами, и я получил яркое и ясное представление о монашеском быте. Я начал с двух городских монастырей (мужского и женского) в «богоспасаемом граде Торжке», затем было посещение Коневецкого монастыря на Ладожском озере, дважды пребывание на «дивных островах» Валаамской обители и ее скитов (описанное мною в ревельской газете «Последние известия»), неоднократные посещения женского монастыря в Пюхтицах в Эстонии и Псково-Печерского монастыря (историком которого суждено мне было стать позднее).

В свете этого моего «опыта» знакомства с многими представителями русской церкви и, в частности, православными иерархами (не менее девяти) мне представляется, что «секрет» влияния владыки Сергия лежит в его исключительной — органической — доброжелательности в отношении любого человека, попавшего в круг внимания епископа. Эта доброжелательность сразу всеми чувствовалась и производила «бальзамическое впечатление» на людей. Она сочеталась у него с проницательностью («в душу заглянул и без обиды») и с действенной готовностью архипастыря оказать духовную (и всяческую

* Настоящее издание — запоздалое исполнение этого пожелания.

иную) поддержку каждому, кто в ней нуждался. В Владыке воплощались доброта и человечность Православия. Именно поэтому он смог включить в свою огромную паству людей столь разнообразных социальных и культурных уровней. Все чувствовали его заботливое сердце и утверждающую силу его веры. Сочетание всех этих начал и создавало тот ореол вокруг Владыки, который покорял даже маловерующих и равнодушных, — можно было бы назвать несколько знаменитых имен, которые в конце концов признали духовный и нравственный авторитет пражского епископа.

Всматриваясь в его жизнь, мы особенно отмечаем душевное смирение, с которым он переносил трудности своего церковного служения посреди политических бурь, обостренных общественных, а иногда и национальных страстей. Он проявил немало такта, защищая «свою церковь» от различных «давлений» (об этом стоит вспомнить, но, конечно, вне сжатых пределов этой статьи).

Владыка Сергий был низкого роста, сложен скорее нескладно, с огромной, казалось, головой, с длинной бородой и с сияющими очами, передающими непрестанное движение его души. Пражские остряки смеялись, что «кряжистость» Владыки отлично врисовывалась бы в циклы Рериха о языческо-христианской Руси. Владыка, однажды услышав об этом, засмеялся: «Обращенный язычник уже не жрец в березовой роще, так вот и до епископа может добрести... Вот так, то-то...» Он улыбался всем, любил смеяться и дружески шутить, никогда никого не задевая.

Во время богослужения Владыка совершенно преображался: перед нами был князь церкви, воодушевленный, устремленный, даже величественный. Его манера произносить молитвы, ясность чтения текстов, общая возвышенность стиля его служения неизменно покоряли и увлекали молящихся. И навсегда врезались в память его великопостные службы и особенно Пасхальная заутреня с потрясающим чтением Слова Иоанна Златоуста, когда христианское ликование превращалось в устах епископа Сергия в исповедание христианской веры: «...Где, аде, твоя победа? Воскресе Христос, воскресе...».

Удивительно умел Владыка исповедывать. В рамках моего собственного опыта я вспоминаю исповедь у него на Страстной неделе 1945 года, за два дня до начала пражского восстания. Ясно, что мы не могли знать будущего, но прозорливо Владыка вливал в мою душу веру в Промысел и возбуждал доверие к соборному единению верующих; в советских тюрьмах, которые уже ожидали меня — меньше, чем через три недели, — я не раз втайне благодарил Владыку за «бальзам», укрепивший меня благодаря почти часовой его речи на этой последней встрече-исповеди.

Он слыл «простым» и мог чудесно разговаривать с «неискушенными в книжной премудрости» (выражение Ремизова). Живо помню, как в 1929 году при посещении Эстонии Владыка (перед тем принимавший участие в «международном» съезде Русского Студенческого Христианского Движения в Печерах) приехал в Таллин и захотел посмотреть знаменитые рыбные ряды на Русском рынке: успех был необыкновенный — торговцы, в большинстве своем причудцы или принаровцы, мгновенно признали в нем знатока: «Вот это архиерей: в рыбке толк понимает!». С большим трудом удалось Владыке отказаться от рыбных даров, но все же ему, узнав от меня адрес, где епископ остановился, поднесли какие-то рыбные чудеса.

Владыка окончил Московскую духовную академию в 1906 году. Принял монашеский постриг в 1907 году в Яблочинском монастыре на Холмщине и там же проходил различные послушания, преимущественно просветительного характера. В 1908 году рукоположен в иеромонахи. В 1914 году возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем того же монастыря. В 1916 году, по словам самого Владыки, «с горестью покидали мы Холмщину при наступлении немцев. По окончании войны я снова вернулся в монастырь, уже под польским владычеством. Монастырь был разорен, и снова приходилось его устраивать». Но Бог повел его вскоре дальше на Запад, в Прагу.

По-видимому, весь непростой жизненный и церковный опыт молодого тогда епископа поставил перед его сознанием основную проблему современной церкви: как установить подлинный контакт с паствой, как сделать церковь неотъемлемой частью жизни современных русских людей? Отсюда специальное вни-

мание Владыки к теме «общения» и даже к «подвигу общения» в его писаниях и проповедях. Как раз на упомянутом съезде в Псково-Печерском монастыре в 1929 году он увлек молодежь не только своей искренностью, но и «психологическим реализмом» своей аргументации. Собрание происходило около древнего монастырского колодца, и рядом стояло «било», заменявшее колокола в самый ранний период существования обители. И было ощущение, что речи Владыки с призывом не отказываться от «труда общения» так же теперь существенны, как и в свое время были жизненно важны и это «било», и этот «кладезь» посреди монастырского двора.

Вся «политика» Владыки в Праге сводилась к непрестанному — личному — общению епископа с верующими и равнодушными. На его знаменитых «четверговых чаях» за несколько часов проходило иногда до двухсот посетителей. Большинство из них уходили с чувством умиротворенности и душевной радости, сознания себя какой-то частицей «соборного единства», возглавляемого епископом. Учрежденное им подворье вблизи от храма Св. Николая «впитывало» после службы немалое количество богомольцев (особенно к концу войны). Владыка непрестанно «ходил по приходу», всюду стараясь утешать горе, посещать больных, соборовать умирающих, но принимал также ближайшее участие и в радостях своих духовных детей (свадьбы, крестины, именины, успехи в учении, получение ученых степеней, юбилеи...). Он неизменно присутствовал на русских общественных празднествах, начиная со Дня Русской Культуры.

Он был поистину «скор на ногу и легок на руку», «милостив сердцем, ясен разумом и горяч верою». В нем был «огонь веселый», как метко написал о нем Петр Николаевич Савицкий, ученый, думая о Владыке на лесоповалах концентрационного лагеря в Мордовии.

Владыка Сергий был и остается для нас, знавших его, явлением духовного созидания и мудрого и доброго водительства в «житейском море». Память о нем, как об одном из воодушевленных и радостных деятелей нашей современности, останется сияющей.

Новое Русское Слово (Нью-Йорк), 7.VIII.1977.

Автобиография

Родился в Москве 18 января 1881 г. на Большой Пресне и крещен в церкви Иоанна Предтечи на Средней Пресне (где впервые служил как Архиепископ Венский и экзарх Патриарха Московского в Средней Европе в воскресенье 3/16 ноября). Отец мой, Дмитрий Леонтьевич Королев, умер 24 апреля, когда мне было три месяца. Мать моя, Марья Алексеевна, рожденная Рожкова, осталась вдовой с шестью детьми — три сына: Михаил, Василий, Аркадий и три дочери: Екатерина, Елена, Ираида. Елена, ныне здравствующая, крестница Маргариты Алексеевны Андреевой. У матери было еще два пасынка: Сергей и Дмитрий. Сергей Дмитрич — мой крестный, а крестная — Ольга Алексеевна Рожкова.

Начальное образование я начал в городском училище на Плющихе, где мы недалеко жили и где умер мой крестный. После этого мы перебрались жить в провинцию, сначала в село Селино Дмитровского уезда, а потом поселились в маленькой усадьбе того же уезда в версте от Обольянова, Никольское-Горушки тож, имение Олсуфьевых, ныне именуемое Подъячево, по имени писателя Семена Павловича Подъячева, который там жил.

В Обольянове была школа, построенная Олсуфьевыми, над учениками которой они имели большое попечение и лучших из них продвигали в учебные заведения. Двое из таких учеников были моими старшими товарищами по духовному училищу и по семинарии.

Высококультурная обстановка жизни, проникнутая гуманистическими идеалами (постоянным гостем здесь был Лев Николаевич Толстой с семьей), не могла не оказывать влияния на молодые души учащихся. Прекрасный священник и причт, благолепность богослужения и церковный хор, в котором при-

нимали участие учащие и учащиеся, давали благоприятную атмосферу религиозному семени, заложенному в душах. Не принадлежа к духовной семье, живя в Москве, по окончании сельской школы я предназначался к поступлению в коммерческое училище. Но, оставаясь в провинции, я должен был поступить в ближайшее учебное заведение, каковым за отсутствием гимназии было духовное училище в Дмитрове, куда меня и определил имевший обо мне заботу как о своем ученике по школе учитель ее, Егор Егорович Каменев. Он был женат на моей сестре Елене, и я храню о нем благодарную память. Взносом за обучение в духовном училище я обязан незабвенной Наталии Михайловне, которая так мудро всегда умела помогать нуждающимся родственникам. Учение в духовном училище, несомненно, давало пищу к укреплению религиозного семени.

В 1896 г. я поступил в Вифанскую семинарию близ Троице-Сергиевой лавры. Туда переходили все ученики, оканчивавшие Дмитровское духовное училище. Вифанская семинария по своему местоположению была своеобразна. Расположенная в роще над прудом недалеко от стен монастыря на пути к Гефсиманскому скиту и к монастырю Черниговской Божией Матери, вдали от городского шума, она давала особый отпечаток своим питомцам.

Каждодневной прогулкой послеобеденной было хождение в скит или к Черниговской, а в весеннее время окружающий эту местность лес был местом и учебы, и отдыха. Хотя меня и окружали монастыри, но непосредственного желания поступить в монастырь у меня не было. Мое внимание привлекали монашествующие в их педагогической и воспитательной работе.

По окончании семинарии в 1902 г. я поступил в Московскую Духовную Академию, которая находилась в стенах Лавры, и к мощам преп. Сергия мы ходили за благословением каждый день.

Молодежь ищет не только идеалов, но и жизненного осуществления в тех или иных конкретных примерах. На втором курсе мое внимание привлек бывший тогда ректором Петербургской Академии епископ Сергий Страгородский, который пользовался большими симпатиями студентов и которого я

потом не раз навещал в Петрограде. Этот архиерей производил сильное впечатление на мою молодую душу, но это не решило моего окончательного шага, хотя мысль о монашестве предносилась мне, но не в ясных формах.

По окончании Академии, в ожидании места, я поехал погостить к своему старшему другу по Академии в Яблочинский монастырь Холмской епархии. Он там был наместником монастыря (Серафим Остроумов, впоследствии епископ). Тогдашний епископ Холмский Евлогий собирал в этот монастырь образованных монахов ввиду просветительного характера этого монастыря на западной окраине. Здесь уже было несколько женских монастырей такого просветительно-благотворительного типа, где около высокоинтеллигентных монахинь собирались желавшие послужить народу образованные русские женщины. В этих монастырях были школы разного типа, приюты, показательные хозяйства, больницы для окружающего населения. Желание владыки Евлогия было и из мужского монастыря сделать подобного типа монастырь, который, помимо молитвенного уставного богослужения, удовлетворял бы и нужды местного русского населения. При этом монастыре были учительская школа, школа псаломщиков, сельско-хозяйственная и ремесленная.

Прибыв в Яблочинский монастырь с его особыми задачами и повидав владыку Евлогия, произведшего на меня особое впечатление (он мне живо напомнил владыку Сергия), я не задумался перед решением остаться в монастыре и был владыкой Евлогием зачислен штатным послушником монастыря с назначением законоучителем второклассной школы, а потом был назначен законоучителем и в школу псаломщиков.

Многогранная жизнь монастыря, очевидно, была в тон моего общительного характера, и стихия монастыря, как просветительно-миссионерского, с его многообразной деятельностью вовне, закрепила мою волю к принятию монашества, на что я и согласился по предложению владыки Евлогия. 7/20 июня 1907 года я был пострижен в монашество владыкой Евлогием и им же вскоре был рукоположен в иеромонахи. Я оставался в монастыре, проходя разного рода послушания, преимущест-

венно просветительного характера. Был наместником монастыря, а в 1914 г. был назначен настоятелем и возведен архиепископом Евлогием в сан архимандрита с назначением благочинным монастырей.

Жизнь в монастыре с его многообразной деятельностью для дела святого Православия не только в Холмщине, но и в Галичине и Карпатской Руси, под мудрым и благостным водительством владыки Евлогия, была счастливейшим временем моей жизни. Владыка Евлогий был воистину отец своей пастве, знал не только пастырей, но и овец, и глашал их по имени. С горестью покидали мы Холмщину 1/14 августа 1916 г. при наступлении немцев.

По окончании войны я снова возвратился в монастырь уже под польским владычеством. Монастырь был разорен, и снова приходилось его устраивать. В 1920 г. Священным Синодом в Москве во главе с Патриархом Тихоном я был назначен, а в 1921 г., 4 апреля, был посвящен в епископа Бельского, викария Холмской епархии, и назначен управляющим ее.

В апреле 1922 г. в связи с вопросом об автокефалии Церкви был вывезен поляками за пределы государства — в Чехию и оказался в пределах управления митрополита Евлогия. Был назначен им настоятелем храма в Праге для обслуживания нужд русских людей, потом был его викарием на Австрию и Венгрию и оставался в Праге до 1946 г.

Митр. Евлогий:

Чехословакия

До приезда в Прагу преосвященного Сергия из Польши, откуда его выслали (так же, как и архиепископа Владимира) за отказ подписать унизительный конкордат, прочной церковной организации при священниках о. Стельмашенко и о. Г. Ломако у нас в Праге не было. Владыка Сергий, чуждый всякого властолюбия, от настоятельства уклонялся, но я все же убедил его взять приход в свои руки.

В самом начале своего служения в Праге преосвященному Сергию пришлось выдержать тяжелую борьбу с некиим архимандритом Савватием, чехом, получившим образование в Казанской Духовной Академии и оставшимся на русской церковной службе смотрителем духовного училища. С наступлением революции он перекочевал на родину, в Прагу, и, конечно, мечтал сделаться настоятелем нашего пражского прихода.

Однако наша русская колония с ним не ладила, и о. Савватий направил свою деятельность в другую сторону. При помощи чешского деятеля Червина и своих друзей он составил петицию к Вселенскому Патриарху об образовании самостоятельной национальной православной чешской Церкви, для чего вместе с Червиной поехал в Константинополь. Там его посвятили в епископы «всея Чехии», а Червину в протопресвитеры. Явившись в Прагу в звании епископа, он стал теснить преосвященного Сергия. Храм св. Николая правительство оставило в общем пользовании нашего прихода и еп. Савватия. И вот, бывало, придет преосвященный Сергий служить, а еп. Савватий, отстранив его, становится на настоятельском месте. Владыка Сергий смиренно становится сбоку. Это положение продолжалось недолго: на выборах чешской православной об-

щины еп. Савватий не получил достаточного количества голосов — и он остался не у дел, а православных чехов возглавил еп. Горазд, принявший посвящение от Сербского Патриарха. Хотя нашим искренним другом мы считать его не могли, но все же он не допускал тех форм вторжения в наш приход, как это делал его предшественник.

Приходская жизнь под водительством владыки Сергия забила ключом. Скромный, простой, смиренный, преосвященный Сергий обладает редким даром сплачивать вокруг себя людей самых противоположных: знатные и незнатные, ученые и неученые, богатые и бедные, «правые» и «левые» — все объединились вокруг него в дружную семью.

Владыка Сергий живет убого, в одной комнатке на 4-м этаже, у старушки-чешки. Эта скромная квартира привлекает многих. По четвергам владыка Сергий устраивает «чай», на столе появляется самовар. Кто-кто на этих «четвергах» только не перебывал! Молодежь — студенты — забегают к нему, иногда и без приглашения, подкрепиться или переночевать. Гостеприимный Владыка отличный хозяин: на кухне у старушки-чешки он сам и грибы солит, и варенье варит, и рыбу маринует. Можно встретить его и на базаре с огромным черным мешком в руках. Кто из его друзей не знает этого примечательного мешка, столь хитроумного устройства и столь необычайной емкости, что в нем помещается кипящий самовар? Приятный сюрприз иногда для хозяев, когда владыка Сергий приходит в гости... Помню, приехали мы с архиепископом Владимиром как-то раз в Прагу и остановились у преосвященного Сергия. В комнате тесно: мы, кроме нас студенты (ночевать пришли), посреди комнаты стол с самоваром, с посудой — как на ночлег устроиться? Ничего, устроились! Мне предоставили кровать, высокопреосвященному Владимиру — диван, владыка Сергий лег под столом, а студенты на полу в передней. Неудивительно, что пражский приход ожил, когда во главе его стал пастырь, который живет только для других, совсем не думая о себе.

При владыке Сергии в Праге образовалось Братство под покровительством известного политического деятеля Крамаржа. Жена Крамаржа (недавно скончавшаяся, рожденная

Абрикосова, из семьи московских богачей) была его председательницей. Она и секретарь Братства Миркович хотели, чтобы Братство заменило приход. На это согласиться нельзя было: в приходе выборное начало сочетается со строго проведенным иерархическим началом, а в Братстве не так: выборный председатель Братства — лицо, наделенное широкими полномочиями. После некоторых неприятных недоразумений, много испортивших крови владыке Сергию, госпожа Крамарж и Миркович из Братства ушли. За время их участия в этой организации Братством была построена на русском участке кладбища церковь Успения Божией Матери — очень красивый, художественной архитектуры храм, украшенный мозаикой и иконописью. 〈...〉

Благодаря личному авторитету преосвященного Сергия среди русских и симпатий к нему чешского общества положение наше в Чехословакии, хоть юридически и неопределенно, фактически устойчиво. Пока — храмы наши, и вопрос о том, на правах ли собственности или по праву владения они считаются за нами, просто не ставится. Всем этим положением мы обязаны преосвященному Сергию, который среди чехов поддерживает движение в пользу Православия.

У владыки Сергия отличный помощник — его правая рука — архимандрит Исаакий, воспитанник нашего Богословского института. Умница, дипломат, самоотверженный работник. На всех общественных собраниях, где нужно сказать хорошую речь, чтобы она произвела впечатление, выступает о. Исаакий.

Из книги *Путь моей жизни* (1947).

Н. С. Арсеньев

* * *

Всей русской эмиграции в Праге были хорошо известны уютные четверговые собрания за чашкой чая у отечески доброго епископа Сергия. В сравнительно небольшой комнате, в которой епископ спит, внедрены два больших, под углом стоящих стола. Вокруг этих столов сидит одновременно человек 20-25 гостей; одни приходят, другие уходят; за день перебывает человек 200. Всякий с радостью идет к епископу, для каждого у него есть привет. В бедной беженской обстановке такое радушие: на всех хватает чаю и варенья и еще чего-нибудь к чаю (так, например, всех угощал он в изобилии чудным куличом в разгар войны на Пасхе 1943 года), а прежде всего всякий чувствует себя здесь как дома, и самый одинокий, заброшенный беженец здесь не одинок. Здесь встречались и старые и малые, профессора и студенты, инженеры и писатели, матери семейств и гимназисты, русские эмигранты, постоянно жившие в Праге, и проезжие. На самое ценное и важное здесь, дающее закваску всему и создающее эту атмосферу непринужденного радушия, это — центральная личность епископа, которая около двадцати пяти дет объединяла вокруг себя духовно русскую Прагу.

У епископа был не только высокий дар любвеобильного и радостно-подбадривающего, сострадательного и заботливого и отечески уютного общения с людьми. У него была своя — религиозно-укорененная — *философия общения*. Исходя из свободно излучающейся, вдохновенной стихии любви — евангельской любви к людям, он писал о «подвиге общения» и сам осуществлял этот свободный и радостный подвиг. Его мысли для нас интересны, во-первых, потому, что они *вытекают из жизни*, будучи лишь формулировкой того, что является духов-

ным содержанием богатого подлинного опыта духовного, и, во-вторых, они глубоко характерны. Это не только личные мысли епископа Сергия, это — мысли Церкви: так Церковь, истинно понятая Церковь, которая есть место молитвенного и братского общения и служения друг другу больших и малых, слабых и сильных, думает о себе и о каждом из членов своих. Этот «подвиг общения» вытекает из того вдохновенного *зрения любви*, которое видит духовную ценность, внутреннее, сокрытое духовное лицо, духовное богатство каждого члена, каждого человека, каждого из «малых сих». ⟨...⟩

Заключает свои мысли (изданные в 1938 г. маленькой брошюрой под заглавием «О подвиге общения». Мысли из бесед епископа Сергия. Прага*) епископ Сергий следующими словами: «Надо уметь освещать наши взаимоотношения светом Христовой истины, чтобы они приносили нам благо. Отыскивая общее нам Божеское, мы становимся соработниками Божьими на земле. Работая Господу, мы как бы преображаемся, входим в область бытия света, и в нашей преображенности отображается свет и слава Божья, и сам Господь утверждается в нас: "Идеже бо еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их" (Мф. XVIII, 20)».

В мыслях епископа Сергия естественный дар общения, который такую большую роль сыграл, например, в истории русской умственной культуры, получает свое религиозное обоснование и просветление. Это то, что составляло вдохновляющий импульс и всего религиозного мышления и всей жизни Хомякова с его учением о «соборности». И здесь, на этой просветленной, высшей плоскости, этот высший дар становится вместе с тем и подлинно, в глубоком смысле, народным, ибо общение в Церкви, объединяя всех: великого и малого, ученого и неученого, старого и молодого в одном организме, в одной великой жизни, было вместе с тем и истинно народным общением. Недаром самым «народным» в жизни русского народа был праздник Пасхи, Светлое Воскресение, с этим всеохватывающим и ра-

* См. перепечатку в конце книги.

достным порывом торжествующей и победной любви: «Радостию друг друга обымем. Рцем, братия, и ненавидящим нас, простим вся воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых».

Из книги *Из русской культурной и творческой традиции* (1959).

* * *

А «Русская Прага», то есть Прага сосредоточенной русской эмигрантской работы на фоне невероятной архитектурной красоты с ее потрясающе величественными Храдчанами*, дворцовым холмом над рекой и всей «Малой Страной» дворцов богемской знати эпохи Возрождения или барокко, церквами и монастырями, с великолепными садами, общественными и частными, при дворцах магнатов! Помню сады в стиле итальянского барокко XVII века при доме-дворце графов Врба — с террасами, расположенными друг над другом, причем ступеньки с террасы на террасу шли через таинственные базальтовые гроты с бьющими в глубине источниками. Мой старый дядя (кузен моего отца), который почти всю эмиграцию прожил в Праге и был одним из вдохновителей и руководителей национальной — культурной и общественной — работы русской эмиграции в Праге, дергал меня за рукав, когда мы проходили по этим старым улицам или улочкам мимо этих дворцов или остатков этих дворцов (где-нибудь внутри какого-нибудь фабричного двора) со словами: «Смотри, какой дворец, какая изумительная литая чугунная решетка!» Впрочем, дворцы на Малой Стране под Храдчанами, из которых выселены были потомки их прежних владельцев, оставались нетронутыми в своей архитектурной красоте. А этот знаменитый мост через Влтаву и статуя Карла IV Люксембургского, Короля Богемского и Императора Священной Римской Империи — довольно несуразная, длинная-

* Чешское название этого знаменитого дворца-замка почему-то по-русски передавалось как «Градчин».

предлинная фигура, но любимая чехами — на площади перед этим мостом...

И на фоне этой величественной красоты и этой насыщенности историей и старой культурой (причем в Праге особенно ярко выступало взаимодействие, а подчас и антагонизм разных исторических факторов: Чешская Королевская власть, Священная Римская Империя средних веков и времен контрреформации, богемские могущественные и часто высококультурные чешские магнаты, очень значительное по богатству и числу еврейство и иезуитский орден — каждый из этих факторов оставил яркие архитектурные памятники о себе), на фоне этих скрещивающихся влияний (итальянского Ренессанса, германского Средневековья) создался уютный, скромный по внешности, но чрезвычайно плодотворный и оплодотворенный *оазис* русской культуры в эмиграции, русской научной, воспитательной профессорской деятельности и прилежной студенческой работы, русской церковно-общественной жизни.

Центрами этой работы были: русские приходы, возглавляемые святым старцем — епископом Сергием Пражским, Русский Профессорский Дом, Кондаковский Семинар по изучению древнецерковного искусства Православного Востока и ряд отдельных личностей, действующих уже не только как ученые исследователи и как преподаватели молодежи, но и как духовные воспитатели подрастающих поколений, отдавшие себя на служение русской культуре в эмиграции и идее Свободной России. Из деятелей Русского Профессорского Дома назову наугад — и в первую очередь — Павла Ивановича Новгородцева, одухотворенного борца за права духа и неутомимого борца против марксизма, и историков: двух братьев Вернадских, Максимовича, Пушкарева, историка русского языка академика Кульмана, автора замечательной книги о Гончарове проф. Ляцкого, философа проф. Лапшина, специалиста по Достоевскому проф. Бема, проф. Ломшакова, знаменитого исследователя древнерусского и византийского церковного искусства проф. Кондакова и потом молодого доцента из его семинара (теперь известного профессора Кэмбриджского университета) Н. Андреева, молодого историка (исследователя русской монархи-

ческой идеологии XVI-XVII вв.) доцента Мстислава Шахматова и т.д.

Я назвал лишь некоторые имена — или особенно известные, или тех, с которыми я встречался в Праге. А в центре всей этой жизни стоял человек, имевший силу *духовно* пригреть, укрепить, наставить и направить на духовное служение Богу, людям и будущей России, человек, оставивший незабвенный след в знавших его людях, — уже названный выше епископ Сергий Пражский. Какая покоряющая, активная, смиренная, *веселая* доброта! В голодное время он поднимался рано-рано и шел с мешком на рынок, покупал полный мешок овощей и фруктов, варил свеклу и картошку у себя дома, а потом в том же мешке на спине разносил вареную картошку, томаты, яблоки, груши по больницам — своим всеми заброшенным клиентам, молодым и старым, и подкармливал их. Навещал он и одиноких больных стариков на их квартирах.

По четвергам он устраивал чайный прием у себя в своей комнате (она же и спальня, и приемная). Тут стояли под прямым углом два довольно длинных стола, за которыми усаживалось человек 20-25. Около двухсот человек перебывает за день. Тут были и пироги, и многочисленные сорта варенья. Ему это привозили или присылали из деревни, и он все «скармливал», особенно угощал он голодающих — стариков, учащуюся молодежь. Как он молился в церкви! И сам был такой некрасивый, и слуха никакого, а молился так, что плакали и находили утешение. У него была даже своя излюбленная идея — впрочем, глубоко евангельская — о благодати общения.

Другими носителями этой благодати общения были очень близкий друг епископа Сергия князь Петр Дмитриевич Долгоруков, тоже человек безграничной доброты и активного милосердия, так же как и его жена княгиня Антонина Михайловна. От них веяло теплотой и светом. «Наши святые князья» — как называли их в Праге. И они усиленно подкармливали приходившую к ним к чайному столу учащуюся молодежь — пирогами, которые им посылала из деревни та прежняя молодежь, которую они прежде подкармливали за таким же чайным столом.

Таким же центром притяжения для русских людей была и Ольга Михайловна Врангель. Она хлопотала за находившихся в особенно тяжелом материальном положении (у нее были некоторые связи и огромная энергия), мирила, или старалась примирить, разные церковные направления или юрисдикции. Она сияла тихим светом доброты, простоты и скромности (при очень большом уме и сердечном такте — «уме сердца» и подлинном чувстве юмора).

И многих из тех, кого я встречал, можно бы было назвать. Я назвал тех немногих, воздействие которых было более широким.

⟨...⟩ Вот эти семена истинного христианства сеялись в Праге — и епископом Сергием с его замечательными сотрудниками, о. Васнецовым (сыном художника) и архим. Исаакием, и П.И. Новгородцевым, и проф. Кондаковым, и многими другими — в сердца русского молодого поколения, собиравшегося здесь из разных стран. Великое дело сделала Русская Прага. Не могут эти семена пропасть бесплодно.

Из кн. *Дары и встречи жизненного пути* (1974).

* * *

Летом мы приезжали в Дубицу, готовились к экзаменам, учили лекции на так называемой Шведской горке под тенистым дубком. Вдруг в монастыре произошли большие перемены: назначен был в Яблочинский монастырь архимандрит Иосиф и наместник Серафим, а вскоре после них приехал и отец Сергий. Ученые монахи-академики заинтересовали всех. С их приездом начались преобразования в монастыре: вместо переправочной лодки перевозчика, которого приходилось звать с другого берега и ждать, построен был мост через Буг. Мы стали чаще ходить в монастырь.

Отец Сергий был настоящий монах по своей природе, из любви к христианской жизни, без каких бы то ни было притязаний, усилий, колебаний. Он только что окончил московскую Духовную Академию. Ему было всего 25 лет. Вижу его оком прошлого сейчас таким, каким его первый раз увидела. Молодой, веселый, так хорошо улыбается, что кажется — давно-давно его знаешь. «Будете с нами играть в крокет?» — спрашиваем мы. Он улыбается, но ничего не отвечает. Больше таких глупых вопросов мы не задавали, а вместе с тем видим, что он не обиделся, не рассердился, и на душе становится лучше. Он совсем свой, не осуждает нас словами, но вместе с тем мы видим, что он стоит духовно где-то высоко над нами. Начинаем его сразу уважать. 25 лет — и уже монах! Это первое впечатление о его доброте, веселости, расположенности к людям навсегда осталось у нас. Улыбка его и выражение глаз, как у хорошего, доброго маленького ребенка, успокаивали и умиляли. Небольшого роста, коренастый и очень подвижный, он нравился нам еще своим красивым лицом. Чудные вьющиеся кашта-

новые волосы обрамляли довольно полное бледноватое лицо, а глаза — громадные, светло-карие с большими ресницами — сияли как звезды.

Отец Сергий не обладал таким пылким красноречием, блестящей дикцией и яркой мимикой, как отец Серафим. Говорил проповеди просто, без всякой витиеватости, но простой народ, крестьяне любили его больше всех. «Он говорит понятно и за сердце хватает, — сказала мне как-то баба-соседка, — а отец Серафим — тот прямо до Бога живой лезет!». Эти слова меня поразили, потому что я «бегала» за отцом Серафимом, который своими громадными черными глазами, закрыванием и открыванием их производил сильное впечатление на дачниц. У отца Сергия никакой рисовки не было, он был скромен, приветлив и всегда радостен. Дамам нравились отец Иосиф и отец Серафим, а отца Сергия все любили. На него нельзя было обижаться. Он все делал и говорил именно так, как обстоятельства того требовали: прямо, коротко и просто.

⟨...⟩ Как-то в Варшаве пришел к нам после обеда отец Сергий. Мы угощали его чаем с вареньем, печеньем, но вода для чая кипятилась в кухне на примусе. «Как можно пить чай без самовара? Это преступление!» Эти слова были так искренни, что нам весело стало и смешно. Если бы это кто-нибудь другой сказал, мы бы обиделись. Он обладал чистотой и прямотой помышлений без всякого лукавства. Это проявлялось во всем — и в мелочах житейских, и в крупных делах. Эти чистота и прямота происходили от радости найденного смысла жизни. В нем обитали вечная детская доброта и преданная любовь к Церкви. Он был радостно православен; в нем осела вечность радостно православного чувства: незлобивость и всеобъемлющее чувство долга. ⟨...⟩ У отца Сергия все было ясно, он весь был одна цельная натура, преисполненная любви к людям и ко всему, созданному Творцом любви. Эта ласковость и снисходительность привлекали к нему всех безотчетно.

Когда он молился, он молился с любовью к тому, о ком он молился. Перед отъездом на фронт моего мужа он молился о «беспакостном путешествии», и, внимая его голосу, сердцем я твердо знала, что муж останется жив, и успокоилась. Служа

молебен, он был не только передатчиком молитв, но и сам весь растворялся в молитве с искренним усердием и простотой.

Отец Сергий не обижался на невнимание к нему. Когда я приехала из России в 1925 г., владыка Сергий написал мне ласковое письмо и прислал свою карточку. Много-много лет я ему не отвечала, не в силах была взяться за перо, боясь задохнуться от массы счастливых воспоминаний, от горести сравнения их с безотрадностью переживаемого. Когда тяжело заболела моя дочь, я ему написала, и он тотчас же ответил мне, утешая, и сам пошел разыскивать лекарство для нее.

Когда умер митрополит Евлогий, владыка Сергий писал мне, что идет по стопам своего отца, как тот ему завещал. В нем не было колебаний, он знал всегда, что надо делать без мудрствований лукавых. При известии о его смерти глубокая, но светлая печаль наполнила душу. И после смерти его незабвенный облик сияет той же задушевностью, простотой и праведностью, как и при его жизни, во дни его молодости.

Есть люди как цветы прекрасные, смотришь на них — любуешься, радуешься красоте их, с любовью ухаживаешь за ними, отдыхаешь душой, на них глядя, знаешь, что в них красота настоящая, неподдельная, легко на душе становится, и сам становишься лучше. Но таких людей мало. Большинство окружающих нас мрачны и лукавы, двоедушны и себялюбивы. Душа съеживается при соприкосновении с такими людьми, страх овладевает мыслями и чувствами, и сам становишься хуже и мрачнее, и кажется, что хороших людей нет на свете. И вдруг воспоминание озаряет прекрасный лик святого человека, «и как-то весело, и плакать хочется». Плакать, что его уже нет в живых, и весело, что он живет и будет жить вечно.

«Мы неграмотны, никаких канонических правил не знаем, мало молитв знаем, но сердцем всегда безошибочно чуем, какой настоящий архиерей, какой живоцерковник», — говорила еще в Советской России одна из баб, отстаивая гонимого настоящего архиерея. Владыку Сергия всякий, кто его слышал или видел, считал настоящим архиереем, таким, каким он должен быть. Он был кроток и мудр бессмертной мудростью вечной истины, потому никогда не поддавался ни на какие политические ухищ-

рения, стоял выше их, любя больше всего и прежде всего Святую Православную Церковь. Не ненавидя своих врагов, он скорбел о них. Он был великим миротворцем по своей природе и потому, обличая кого-нибудь, никогда словами не оскорблял его, открывая в человеке то хорошее, что уничтожало противоположное ему скверное. В нем не было ни капли гордыни, он не считал себя выше других. Он любил Бога всем сердцем, всей душой и всем помышлением своим, и ближнего, как самого себя. И эта любовь его после его физической смерти светит духовным пламенем всем, кто его знал и любил.

Он не был отвлеченным схоластиком, он любил жизнь, и подвиг свой нес среди людей, любил общество, был доступным всякому, но вместе с тем всегда чувствовалось его духовное превосходство. Он внушал к себе безграничное уважение. Он светил своим светом доброты сердечной молодым и старым русским и многим иностранным людям. И сподобил его Господь в конце дней своих освятить многострадальный народ русский там, на Родине, своей неисчерпаемой любовью, своими ласковыми словами, ласковым взглядом. Если таких, как владыка Сергий, найдется еще несколько праведников, то никогда не погибнет та страна, которая создала их.

Декабрь 1953 г.

* * *

Горсть воспоминаний

Я увидел владыку Сергия впервые на фотографии в статье газеты *Руль*, по поводу открытия в Праге русского юридического факультета. Молодой, красивый, с пышными волосами, он мне показался Владыкой, полным архиерейского величия. И какое же я испытал удивление, когда через несколько лет, приехав в Прагу, я чуть ли не в первый день посетил владыку Сергия в его архиерейских «покоях», из скромной одной комнаты, где больше всего места занимал длинный стол и старинного чешского образца диван, с которого уже была снята памятная надпись «просят не садиться». Так охраняла свою мебель ставшая позже известной всем русским, и не только в Чехии, как «тетичка Франтишка» хозяйка владыки Сергия, пенсионерка, в прошлом хористка Народного театра в Праге. Владыка, да простит мне покойный, совсем не показался мне архиереем, а скорее батюшкой, да еще не городским, а деревенским. Настолько он был прост и скромен в своем, даже не монашеском черном, а синеватом подряснике, без обычного у монахов ремня и без каких-либо знаков епископского звания. Это мне бросилось в глаза тем более, что я только что, несколько дней перед этим, распрощался в Константинополе с владыкой, тогда архиепископом Анастасием (Грибановским), у которого я некоторое время был секретарем. Какая огромная противоположность владык, между прочим, учителя и ученика, поскольку владыка Сергий учился в духовной семинарии, где ректором был тогда еще в сане архимандрита владыка Анастасий.

Один — «мудрейший», как он, с легкой руки, кажется, митрополита Антония (Храповицкого), был известен в русских православных кругах, замкнутый, как бы застегнутый на все пуго-

вицы, по-видимому, никогда не снимавший с себя рясы и даже панагии, ушедший и углубившийся в себя. Недаром он свою большую книгу воспоминаний назвал *Беседы с сердцем*. Парижский, известный в прошлом журналист и писатель, посетивший его, когда он был в Иерусалиме в качестве главы Русской православной миссии, назвал его архиереем византийского стиля.

Другой — владыка Сергий, как истый москвич, человек с широким русским сердцем и душой нараспашку. Бесконечно радушный и гостеприимный. Вся его жизненная философия, благобытие, как он любил выражаться, сводилась к общению с людьми. Без этого он не представлял своей жизни. Двери его покоев, кажется, никогда не закрывались, и кто бы к нему ни пришел, богатый или бедный, знатный или простолюдин, какая-нибудь старушка Татьянушка из Замоскворечья, по замужеству попавшая в Прагу, был гостем и не уходил, не отдохнув душой, не отведав монастырского обеда или вкусного чая с вареньем, часто собственного приготовления. В Праге была тогда очень большая русская колония и очень разнообразная по своим политическим устремлениям. Были в ней в небольшом количестве монархисты, были социал-демократы, кадеты, евразийцы, члены союза «Крестьянская Россия», но больше всего было социалистов-революционеров. Владыка Сергий всегда умел стоять над этими разделениями и потому пользовался у всех неизменным уважением. Любопытно, что, когда умирала «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, она выразила желание, чтобы была похоронена кем-либо из подведомственного владыке Сергию духовенства. И владыка Сергий поручил это одному из лучших своих священнослужителей. Надо ли говорить, как любили владыку Сергия люди верующие и церковные. Особенно это чувствовалось в дни великих праздников — Рождества Христова, Христовой Пасхи, а также в день именин владыки Сергия 5-го июля, когда у него перебывали обычно все прихожане, верующие и почитатели Владыки.

Коренной москвич, Владыка больше десяти лет прожил в Польше, в Яблочинском монастыре св. Онуфрия. Оттуда он привез любовь к колядкам, которые там поют в храмах, когда верующие подходят к Кресту. Не мог он себе отказать в радости

слышать колядки при богослужении в Праге в день Рождества Христова. Покойный регент хора др. Ф. Ф. Никишин всегда разучивал колядки, и потом хор прекрасно их исполнял. А потом еще Владыка услаждал гостей пением этих колядок. До сих пор звучат громогласно им воспевавшиеся: «Христос родился, Бог воплотился, ангелы ликуют, чудо, чудо воспевают»...

Как истинно пастырь добрый, Владыка знал всех своих пасомых по имени. И, конечно, в домах большинства своих прихожан он бывал, и не раз, посещал он и тех, которые жили вне Праги — по городам и весям республики. Всюду он был желанным гостем, ибо приносил с собой радость. ⟨...⟩

Доброту владыки Сергия знали и, несомненно, чувствовали и чешские дети. Сколько раз можно было слышать в трамвае или автобусе из их уст, что с ними едет «Микулаш». Своей бородой, обличьем он напоминал им Святителя Николая. Радушие и гостеприимство Владыки даже знали стены огромного храма Св. Николая, когда после пасхального ночного богослужения Владыка устраивал розговины для богомольцев из деревень и с окраин Праги, которые до утра были лишены возможности вернуться домой. Расставлялись посреди храма большие столы, появлялся самовар и разные пасхальные яства. Сколько раз можно было видеть на этом торжестве веры и любви случайно попавших нищих и бездомных из местных людей, которые уходили потом тоже согретые щедрым сердцем Владыки.

Владыка был большой молитвенник и очень любил совершать богослужения, хотя совершение их в огромном Николаевском соборе, особенно зимой, было великим испытанием. Храм не отапливался, и в нем было холоднее, чем на дворе. Позже, когда Николаевский храм перешел в чешские руки и оставались у русских только домовая церковь, руками Владыки созданная, и церковь кладбищенская, ни одна не вмещавшая всех верующих, Владыка, чтобы не лишать богомольцев по крайнее мере в большие праздники архиерейского богослужения, не вменял себе в тягость всенощное бдение совершать в обоих храмах непосредственно одно за другим. А кто хотя бы раз был на богослужении Владыки в пасхальную заутреню, у того воспоминания о нем оставались на всю жизнь.

Владыка мало сказать радовался, его душа, исполненная духовного веселия, поистине ликовала, и это невольно передавалось всем верующим, когда он не только с солеи, но и проходя по всему огромному собору, заполненному до отказа, приветствовал верующих словами «Христос Воскресе!». А каким вдохновенным было у Владыки чтение огласительного слова Св. Иоанна Златоуста: «Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего славного торжества...». Много раз приходилось слышать от верующих, что в чтении сего слова Владыка был и остался непревзойденным. К сожалению, он не был одарен музыкальным слухом, но любил «дьяконствовать», любил, между прочим, провозглашать многолетие, и нередко в конце он срывался и получалось неблагозвучно. Друзья, гораздо младше его, советовали ему «не разносить», и Владыка смиренно соглашался и держался этого совета.

Не был Владыка и оратором. Но каким полным христианского пафоса было всегда его слово причастникам в день Великой Субботы с призывом нести умиротворенность и мир от Чаши Христовой в свои дома, в семьи и во взаимные отношения с людьми. А слово его в заполненном Николаевском храме на панихиде по случаю кончины Святейшего Патриарха Тихона было поистине вдохновенным.

Владыка был по-детски непосредственен. Как-то приехала в Чехию из Лондона одна русская художница. Ей хотелось познакомиться с владыкой Сергием. Пришли к нему в редкий для него момент, когда у него никого не было, он что-то читал. Сразу появился самовар. Владыка выразил желание, чтобы Нина Вл. зарисовала именно этот момент чаепития. Художница не осталась довольна своим рисунком и даже не хотела показывать его Владыке. Но Владыка был настойчив. И что же дальше? Казалось, стоило бы запечатлеть именно этот момент: художница, чтобы не отдать рисунок, пустилась бежать вокруг стола, а Владыка — за ней. И все это у него получилось так естественно и непринужденно. Какой бы другой архиерей позволил себе заниматься таким спортом и ни у кого не вызывать осуждения?

А вот другой, несколько иной штрих, характеризующий владыку Сергия. К пишущему эти строки, врачу в городе недалеко от Праги, Владыка нередко, особенно летом, приезжал отдохнуть от пражской суеты и от жары, которую он переносил плохо. У врача, конечно, с утра обход больных, нужные операции. А в 12 часов, час чешского обеда, Владыка уже готов с обедом и как настоящий кулинар начинает объяснять, что картофель лучше варить очищенный, стоит придать соус и получается второе, а вода из-под картофеля дает основу самого вкусного супа с вермишелью и томатом.

При одном таком его приезде он так увлекся воспоминаниями о своих семинарских и академических наставниках, что были пропущены все автобусы и поезда, а Владыке надо было попасть домой. Было решено, что остановим первый автомобиль. Им оказался грузовой, возвращающийся налегке. Автомобиль высокий и без лестнички. Владыка с небывалой легкостью, как настоящий спортсмен, хорошо подтянулся, и нужна была совсем небольшая помощь, чтобы он оказался на месте. Потом написал, что ехалось чудесно...

В заключение воспоминаний хочется отметить еще одну черту личности владыки Сергия. Своими чудесными глазами и всем своим внешним видом Владыка располагал к себе людей, вселял в себя доверие даже тем, которые приближались к нему как недруги. В последний день войны, когда многие из верующих оставались в подворье, по наущению кого-то были приведены в подворье три красноармейца, чтобы произвести обыск, так как, якобы, из окна подворья был произведен выстрел, которым был ранен красноармеец. Начался тягостный обыск. Очередь дошла и до Владыки. Но на нем он и кончился. Стоило ему сказать слово, посмотреть своими благостными глазами, как красноармейцы сразу поверили, что из подворья не могли падать пули. И через несколько минут те же красноармейцы, к смущению приведших их, сидели рядом с владыкой Сергием за столом, угощались пасхальными яствами и ушли, одаренные Владыкой красными яичками, символом истинно христианского приветствия, исполненного любви ко всем.

И другая встреча — тоже с красноармейцами. По дороге с вокзала, в городке около Праги, из домика, где красноармейцы веселились, будучи гостями жившего там грузина, и попивали тамошнее вино, один красноармеец, по-видимому, привлеченный никогда не виденным необычным одеянием человека, поспешно подошел к Владыке, что-то много говорил и пересыпал свои слова «красноречием». Владыка смутился и, видно, в молитве, да умолкнут уста того, поцеловал панагию, и бравый красноармеец, как малое дитя, тоже поцеловал панагию, смолк и, со словами «заходите как-нибудь к нам», удалился.

Так сильно было обаяние владыки Сергия, и потому да будет память о нем в род и род.

* * *

Впервые встретилась я с владыкой Сергием в сентябре 1924 г. на съезде Русского Студенческого Христианского Движения в Пшерове (Чехия). Незадолго до этого, выйдя замуж во Франции, я должна была тотчас же расстаться с мужем, служившим библиотекарем у президента Масарика. Только через месяц после свадьбы я смогла встретиться с ним, когда он с большим трудом выхлопотал мне визу в Чехию как делегатке съезда. Владыка был осведомлен о всех волнениях, сопровождавших мое водворение в Праге, и встретил меня, еще растерянную от всех впечатлений и переживаний, с такой отеческой лаской, которую я никогда не забуду. Преподавая мне свое благословение, он с веселой улыбкой говорил: «Ну вот, ну вот и хорошо, что теперь соединились! Господь да благословит вас!». С этим благословением и началась наша семейная жизнь в Праге. Жили мы вблизи св. Николаевской церкви, где совершал службы владыка Сергий, зачастую просто иерейским чином, не всегда имея опытных для архиерейского служения прислужников. Церковь была холодная, нетопленная, иконостас был переносной, который по окончании службы приходилось убирать, т.к. помещение церковное было общим для русских и чехов. Владыка Сергий терпеливо и смиренно переживал все возникавшие трудности и преодолевал их своим миролюбивым, незлобивым сердцем.

Не обладая ни большим проповедническим даром, ни особым музыкальным слухом, он своим литургическим вдохновением умел поднимать церковные службы на большую высоту и часто поражал нас своими неожиданными «экспромтами».

Как сейчас помню одну Рождественскую службу, когда перед устроенными посреди церкви яслями Владыка начал вдруг запевать колядки, которые он, вероятно, певал в бытность свою в

Холмщине, призывая подпевать ему и присутствующую в церкви студенческую молодежь. Сначала робко, неуверенно подхватили песню молодые голоса, а затем громко и радостно огласились мрачные церковные своды ликующими славословиями народившемуся Божественному Отрочати. Умел владыка Сергий одушевлять и окрылять религиозное чувство в душах молодежи.

Простота жизни Владыки не знала границ. Он сам ходил на базар, носил с собой свой неизменный «мешец», откуда иногда вынет то яблочко, то пряник, чтобы сунуть в руки попавшемуся навстречу малышу.

Снимал владыка Сергий небольшую комнату у пожилой чешки, которую он называл «тетичка» и которую сыновне оплакивал, когда она скончалась. За чайным столом у Владыки всегда было полно народу, и своими шутками и веселым непринужденным обращением он умел создавать уютную, сердечную атмосферу, которая для многих одиноких студентов заменяла потерянный родной кров.

Осенью 1925 г. мы с мужем покинули Прагу, переехав в Париж, и продолжали встречаться с владыкой Сергием во время его наездов во Францию. Он любил моих родителей и навещал их в Кламаре, где мой отец был священником. Однажды, 26 января (ст. стиля), когда мы с сестрой собрались у родителей, чтобы отпраздновать день ангела ее мужа Аркадия (они незадолго до этого повенчались), раздался стук в дверь. В комнату быстро вошел, почти влетел, несмотря на свою полноту, владыка Сергий и, ни с кем не здороваясь (а о его приезде во Францию мы даже не знали), прямо направился к углу с иконами. Там он начал служить молебен преп. Аркадию, имя которого ему было дано при крещении, о чем мы только в этот день узнали. Мужа сестры он до тех пор не знал, и то внимание, которое он оказал ему своим посещением и молитвой, было для всей нашей семьи знаком его благословения семейной жизни молодых супругов.

В 1938 г. мы с мужем и пятилетней дочкой были проездом в Праге, возвращаясь со съезда в Прикарпатской Руси, и всех троих Владыка заботливо устроил у себя на подворье, окружив нас вниманием и лаской. По окончании войны удалось не-

сколько раз принимать его у себя, даже лечить каким-то лекарством от простуды. С улыбкой журил он раз меня, что не умею хорошо варить варенье.

В последний его приезд в Париж в 1946 г. видела его только во время совершения им служб в Аньере и на Сергиевском подворье, и, когда подошла к нему и сказала: «Как жалко, Владыка, что не везет нам нынче принять Вас у себя», он как-то отрывисто и с какой-то затаенной скорбью ответил: «И не повезет». Тогда я не поняла его слов, подумала даже, что он чем-то недоволен, и только через несколько дней узнала, что он переводится в Вену и покидает нас навсегда. Последние его слова, сказанные мне, оказались пророческими.

Ирина Астрау

* * *

Пражский епископ Сергий пользовался общей любовью своей паствы. Строгий к себе и своим монахам, был он поразительно добр и всепрощающ к небольшим слабостям пасомой им студенческой молодежи. Ему можно было все рассказать по душе и быть уверенным, что Владыка все поймет и простит. Доброты он был совершенно необыкновенной.

Прекрасно помню, как в лютый мороз был он приглашен к ужину у одних друзей, и вдруг узнали, что Владыка без носков. Присутствовавшие дамы переполошились. В срочном порядке была проведена операция покупки носков, которые и были Владыке на следующий же день доставлены. Каково же было удивление всех, принявших участие в этом маленьком заговоре, когда обнаружилось, что Владыка их не носит! Через приближенных к нему, так называемых «церковных мальчиков», постарались узнать причину. Она была как нельзя проста: в самый день получения подарка к епископу пришла за помощью бедная семья, и он ей тут же отдал и подаренные носки, и еще кое-что из своих скудных средств. О перчатках я и не говорю: их Владыка никогда не носил, даримые, понятно, передавал нуждающимся и уверял, что без перчаток в мороз куда теплее, ибо можно беспрепятственно греть руки одна о другую. Добро, которое он делал в смысле помощи и заботы, не охватить и не пересказать. Для всей студенческой молодежи был он символом истинно христианской любви к ближнему и никогда не брезгал приглашением в дома своих прихожан, как в зажиточные, так и в скромные.

Как сейчас вижу его за круглым столом, на котором весело шумит пузатенький самоварчик и где по четвергам собирались и

стар и млад. Для всякого у него было и приветливое слово, и шутка, и умение отлично подбодрить кого надо. Он сам добродушно подтрунивал — самоварчик толстенький и Владыка толстенький. Отчего он был таким — совершенно неизвестно, так как почти круглый год он постился и в пище всегда был умерен. Но для гостей на столе всегда стояла масса яств, приносимых по преимуществу приглашенными, но и от себя Владыка неизменно ставил сладкую булочку. Был он чист сердцем и смеялся так заразительно, что невозможно было удержаться от смеха.

Вот наступает суббота. Полусвободный день, казалось бы, молодежь тянет в кино, на танцы или в театр... Нет, большая часть их прежде всего спешит на вечерню. Торопишься, бывало, ведь и по субботам работать приходилось, задержишься на несколько минут у старинных часов, чтобы посмотреть, как 12 апостолов, а за ними Иисус Христос, проходя за узкими окошечками, благословляют народ, потом обогнешь площадь, где Ян Гус взирает со своего пьедестала, и вот уже перед глазами наша пражская церковь Святого Николая Угодника. Попадаешь как раз к началу вечерни, и сразу охватывает то чудное чувство, которое всегда испытывали на службах Владыки.

К его монастырским напевам надо было привыкнуть, но, раз привыкнув, уже все другое казалось не таким, не настоящим.

В храме, освещенном красивой хрустальной люстрой — дар Императора Александра III, — всегда полно молящихся. Молятся о здравии близких, о предстоящем экзамене, о ком-то заветном, но молятся все.

Уезжая из Праги в далекую и неведомую тогда Аргентину, мы, конечно, пошли попрощаться с владыкой Сергием, и я как сейчас вижу его доброе лицо над перилами лестницы и благословляющую руку.

С тихой грустью услыхали мы о кончине этого праведника. Воспоминания о Праге встали перед глазами, а также о посещении Яблочинского монастыря, где в свое время служил Владыка

и где старые монахи — уже при поляках — с любовью шепотом о нем нам рассказывали и передали для него пучок любимой им травы, который я и привезла ему в Прагу.

В день его кончины горячо помолюсь об упокоении его светлой души истинного христианина.

* * *

Владыка Сергий, столько праздничных и светлых воспоминаний соединено с ним в жизни русских в Праге. Вот пасхальная заутреня: Владыка в светлом облачении выходит христосоваться с прихожанами, для всех у него есть ласковое и приветливое слово.

Не было семьи, где бы его приход не был праздником. Три случая особенно врезались в мою память.

В одной семье готовились к свадьбе младшего сына. И тут, за несколько дней до венчания, произошла размолвка между семьями. Жених и его родители очень хотели, чтобы таинство было совершено владыкой Сергием, невеста же хотела и настаивала на своем духовнике. Семья жениха была в большом волнении, как бы не обидеть Владыку, но невеста была так настойчива, что пришлось сдаться.

Несмотря на торжественный момент венчания в храме св. Николая, родители жениха, да и сам жених чувствовали себя как-то неловко, и атмосфера была напряжена.

Но венчание окончено, жених и невеста обменялись поцелуем, и в этот момент вышел из алтаря епископ Сергий со словами: «А сейчас помолимся за новобрачных и за их родителей». И тут начался торжественный молебен, рассеявший все сомнения и опасения. Владыка Сергий понял все и со свойственным ему тактом и пониманием сразу успокоил всех! А когда после окончания молебна молодые подошли к кресту, он весело произнес: «А все-таки вы не спрятались от меня!» Настроение сразу поднялось, и празднование прошло весело, одним из почетных гостей был владыка Сергий.

Второй случай. Одна прихожанка перенесла тяжелую операцию. Вечером того же дня дети, сын и дочь, пришли узнать о состоянии матери. Положение было плохое, у больной стала

подыматься температура, и боли были нестерпимыми, а тут еще соседка по палате скончалась, так что и физически, и морально больная очень страдала. Дети немедленно, несмотря на поздний час, отправились к владыке Сергию, у которого как раз было заседание. Узнав, в чем дело, Владыка извинился перед всеми и повел детей в соседнюю комнату, где коленопреклоненно долго молился и делал поклоны. Сын и дочь ушли с полным убеждением, что матери станет лучше, да оно так и случилось, и дело пошло на поправку.

Третий случай показывает всю доброту и отзывчивость этого большого пастыря. 12-го сентября (новый стиль) день святого Александра Невского. С утра лил дождь без остановки и без просвета. Один из прихожан, именинник в этот день, поправлялся в деревне под Прагой от тяжелой болезни, чуть не унесшей его. Ждать посетителей было, конечно, нельзя, кто же в такую погоду отважился бы ехать поездом и затем идти пешком по грязным и мокрым улицам деревни. Но вот в передней раздался стук, и все в недоумении переглянулись, побежали открывать и увидели владыку Сергия под большим зонтом в мокром одеянии и с веселой улыбкой: «А где тут именинник? Надо его поздравить и помолиться всем вместе!». Сколько света и радости внес он своим посещением! И когда, принесши больному надежду и спокойствие душевное, он собрался уходить, выглянуло прохладное осеннее солнышко. Благодарило ли оно его за его доброту и отзывчивость?

И еще одно трогательное воспоминание. Было принято перед началом учебного года отслужить молебен в маленьком чешском городке в 120 км. от Праги. Учебное заведение (горная академия) было трудное, работать студентам приходилось много. Развлечений не было никаких, и действительно надо было иметь известную отвагу, чтобы на шесть лет запереться в этом городке. Приезд владыки Сергия в этот городок был всегда желанным, и студенты готовились с радостью к этому событию.

Наконец настал день церковной службы. Владыка прибыл из Праги, и после всенощной ему было предложено отужинать в одной русско-чешской семье, куда пришли и студенты. Но случилось, что хозяйка позабыла и о посте, и о том, что

владыка Сергий не ел ничего скоромного в это время, да и вообще не ел мяса.

Вот подали суп из курицы, и на лицах приглашенных было видно недоумение. Как же поступить? Как будет реагировать владыка Сергий? Но со свойственным ему тактом и, главное, чтобы не обидеть хозяйку, которая была уже готова расплакаться, Владыка взял ложку, съел свою тарелку супа со словами: «Всякое даяние благо и всяк дар совершен есть». Так он вышел блестяще из неловкого положения. И, съев суп, он от другой еды отказался под предлогом, что вообще вечером он не ужинает. А уж как благодарна за его тактичный поступок была семья, пригласившая его!

* * *

Всегда помню и всегда люблю... Но умею ли любить?.. Портрет его висит на стене моей комнаты, но разве это все?

Вспоминаются студенческие годы — они всегда хороши. Пусть и голодные, пусть и холодные, полные неизжитых еще впечатлений от революции. Полные заблуждений и исканий... В церковь ходила мало, иконы мне были не нужны.

И вот пришла болезнь — сердце — долгое лечение, бесконечное лежание. Условия жизни были плохие. Жила я в холодной мансардной, буквально, клетушке; крошечное оконце было лишь в потолке, как на чердаке. Была, правда, рядом комната побольше, но в ней помещались (тоже в тесноте) моя мать и братья. Очень я томилась и страдала.

Как-то раз никого не было дома, я лежала одна. И вдруг слышу решительный стук в дверь соседней комнаты. Не успела и опомниться, как стук повторился, а затем через соседнюю комнату пронеслось что-то большое, широкое и прямо в мою каморку. Владыка Сергий... Осмотрелся, скользнул взглядом по стенам, ища образ и не найдя, широко перекрестился, повернувшись к репродукции Рафаэлевской Мадонны, и могучим голосом произнес несколько молитв, какие в таких случаях произносят. Позади Владыки раздался высокий, тонкий голос его келейника: «Исполла эти деспота».

Владыка стремительностью своею внес волну жизни и света в мою унылую, полутемную комнатушку и прежде всего, конечно, в мою поблекшую, тоскливую жизнь. Я была поражена, испугана: как он пришел ко мне, как нашел адрес едва (только по церкви) знакомой девицы? Правда, его келейник был студентом и знал меня немного больше, чем Владыка. Владыка был малоречив и произнес тогда с интервалами приблизительно следующее: «Да, да, вот так, больны, ну ничего, Господь посылает

нам испытания. Да, вот. За все благодарите Господа. И всегда будьте радостны. Ну, вот. Все хорошо будет. Вот». Благословил меня. А из глаз светились такая доброта и ласка. Исчез, как мимолетное видение.

Выздоровев, я не раз заходила к Владыке на дом, где всегда встречала гостеприимный уют, ласковое сияние глаз, простые, как будто ничего не значащие слова: «Да, да, вот». Добрая улыбка. Неважно, что большей частью у Владыки были посетители, иногда много. Он всегда находил минуту обратить внимание только на тебя, приблизиться индивидуально, как бы заглянуть в душу и ободрить. И зато, познакомившись хоть немного с Владыкой, каждый шел к нему охотно поделиться своими горестями, зная, что встретит у него понимание, сочувствие, совет и найдет облегчение.

Неожиданно получив издалека телеграмму, что умирает мой брат (а он был молодым и здоровым), я долго стояла, как потерянная, совершенно ошеломленная, не зная, что делать. Надо было ехать домой, чтобы сообщить о навалившемся горе матери, сестре, другому брату, но мы жили за городом и поезд шел еще не скоро. Куда идти, что предпринять? Бездействие было невыносимо. Пронзила мысль: надо идти к Владыке! Все рассказать ему, поделиться с ним своим горем. Не шла, а бежала к нему. Не застала Владыку дома. Отворил дверь какой-то незнакомый, спросил: «Что передать Владыке?» — «Скажите, что брат мой умирает», — и я быстро ушла, но все было уже сказано, и я как-то спокойнее повезла домой тяжелую весть, хотя самого-то Владыку на этот раз я и не встретила. Знала только, что, вернувшись, он будет знать, что надо делать...

Дальнейшая моя жизнь протекала вдали от Праги, но Владыка не забывал. Не забывал поздравить с праздниками, даже мой личный «двунадесятый» праздник — именины — он помнил. Изредка проезжая через Прагу, я всегда заходила к Владыке. И так поддерживалась задушевная дружба, если так можно выразиться о Владыке и простой мирянке, часто еретичествующей и отходящей от Бога и жившей далеко от Церкви.

Раз, будучи по службе недалеко от того местечка, где я жила уже своей семьей со своими двумя детьми и мамой, владыка

Сергий совсем запросто, один, заехал навестить. Девочек моих (4 и 3 года) спросил, знают ли они какие-нибудь молитвы. Они прочли молитвы, а Владыка спрашивает: «А что сначала, прежде надо сказать?». Дети не знали. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Так всегда надо начинать молитвы».

Еще вспоминается, как одно время Владыка, благословляя, ударял в лоб. Это всегда было неожиданно, удивляло и как-то встряхивало. Стеснялась, но раз все же, набравшись храбрости, спросила: «Владыка, а что же Вы это делаете... деретесь?!» Он весело усмехнулся и ответил: «А это так, чтобы встряхнуть человека, чтобы он лучше почувствовал. А то так все привычно, и благословение тоже, а тут опомнится как-то... Да, вот».

Учил Владыка, что жизнь дана на радость, что человек должен счастливо жить и что Господь все делает для нашего счастья и мы должны стремиться к этому счастью, находить пути, видеть направляющую десницу Господню, понимать Его святую волю.

Последняя встреча с Владыкой — самая памятная, самая трогательная. Было это еще задолго до его смерти, но незадолго до страшного военного времени, которое разметало людей по свету, провело непроходимые (физические) границы там, где их не было раньше, сделало невозможными встречи родных и близких.

В 1938 году, осенью, ехала я с девочками во Францию. Надо было остановиться на сутки в Праге. Нам предложили переночевать на Николаевском подворье, где я и раньше неоднократно останавливалась. В воспоминании детей осталось что-то смутное, но приятное и какое-то ласковое обращение Владыки к ним. А за обедом на подворье, сразу после благословения пищи, дети принялись за еду, но, оказывается, надо было подождать, пока все усядутся и Владыка постучит ложкой по тарелке, что служило приглашением к вкушению пищи. Мои девочки очень смутились, что не подождали, но их ободрили, сказавши, что ведь они не могли знать правил на подворье.

А уже вечером, в половине десятого (как сейчас все это ясно помню), зашел к нам в большую общую комнату Владыка, оза-

боченный. Пришел пожелать благополучного путешествия, благословить — рано утром мы уезжали. Девочки спали. Никогда не забуду, как нежно благословил Владыка моих спящих дочерей, низко склонившись над их кроватями, как будто это были его родные дети! Как будто благословил их в жизнь дальнейшую. Владыка был взволнован — вероятно, предчувствовал наступающие страшные времена, отдаленный гром и гул которых уже слышался в мире. О чем говорил тогда со мной Владыка — не помню. Внешне, вероятно, мало знаменательны были его слова: «Да, да, вот как. Так». Но сколько глубокого чувства было в них. Сколько добра и ласки звучало. Кажется, что и по сей час действует его тогдашнее благословение маленьких девочек, которые уже давно выросли, живут своими семьями и твердо несут свою православную веру.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ДОРОГОМУ ВЛАДЫКЕ!

М. Черносвитова

Наша жизнь с владыкой Сергием в Праге

Владыку Сергия мы видели не только в церкви, он всюду был с нами, участвовал в нашей жизни. Заболеет ли кто — он придет навестить, беда какая случилась — совет подаст, поможет. Знал, когда чьи именины, и непременно придет поздравить.

Первое время мы жили в деревне близ Праги, и он любил бывать у нас. Приезжал обычно после обедни. У меня уже все готово, стол накрыт, наконец слышен гудок поезда, и мы бежим встречать Владыку. Но, прежде чем сесть за стол, он будет пить чай. Выпивал он чашек пять-шесть крепчайшего чая и тогда только скажет: «Ну, а теперь можно и обедать». Предлагаешь ему отдохнуть после обеда, куда там — надо идти к реке щавель собирать или в лес по грибы. Ходить он мог долго и шел так быстро, что за ним не угонишься. Жил Владыка у старой чешки, которую все звали «тетичка», а она звала Владыку «Ваше Экселенце» и питала к нему глубокое уважение. Многие, приходя к нему, заходили на кухню, где помещалась тетичка, поздороваться с ней, и она это очень ценила. По четвергам у Владыки был приемный день. Кого только не встретишь у него! Старых и молодых, бедных и богатых, своих и приезжих, все охотно шли к нему, всех он любовно принимал, никого не выделяя. Комнатка была у него маленькая, а народ все идет, но как-то все размещались. Владыка любил угощать. Чай разливал он сам из маленького самоварчика, а на столе стояли вазочки с вареньем, которое он сам и варил. Кто-нибудь домашних печений принесет или булочку, а нет, так и хлебом обойдемся. Разговор идет на житейские или злободневные темы. Владыка принимает в нем живое участие. Он осведомлен обо всем, но мнений своих никому не навязывает и в споры не вступает. Другая квартирная

хозяйка устраивала бы скандалы такому беспокойному жильцу. Сколько звонков, сколько народу перебывает, не только в четверг, а и каждый день, но для тетички все, что делает «Ваше Экселенце», свято, и она покорно и с умилением служила ему.

Иногда она ходила в нашу церковь, православную службу она очень любила. Как-то раз обратилась она к Владыке с вопросом, не перейти ли ей в Православие? Но Владыка запротестовал: всю жизнь прожили католичкой, так и умирать надо. Так прожили они почти до войны. Весной тетичка стала хворать, отвезли ее в больницу, где вскоре она и скончалась. Владыка тяжело переживал ее кончину. Он ценил и уважал тетичку за ее светлую, почти детскую душу.

Недалеко от церкви Владыка устроил подворье. Туда можно было прийти после обедни чайку попить, с Владыкой поговорить. Усаживались за большой стол, Мария Ивановна втаскивала огромный самовар и садилась разливать чай. Кое-кто и обедать оставался. В подворье обычно бывала своя публика, знакомая по церкви или по профессорскому дому. Иногда только появлялись случайные проезжие люди. Приехал как-то в Прагу цирк. Владыке сказали, что цирковые артисты просят разрешения прийти на подворье повидать его. Владыку смутило это. Как-то не вяжется: подворье и цирк. Но отказать нельзя, пусть придут. Пришли двое — муж и жена. Скромно одетые, подошли под благословение. Оказалось, русские, православные и в церковь ходят и говеют. За чаем разговорились. Живут они семьями, но из-за бродячей жизни детей поселили у родных, так как им надо в школу ходить. Владыка с ними очень подружился, и, пока цирк был в Праге, они приходили к нему.

Владыка придавал большое значение общению людей. У него самого был большой «дар общения в любви», и он вел беседы «о подвиге общения». В подворье шла своя, близкая к церкви публика, в «Очаг» — главным образом студенческая молодежь, к Владыке шли все. Он снимал время от времени зал и звал всех прийти к нему чайку попить. Мы сидели за столиками часто с незнакомыми людьми. Владыка знакомил, принимая участие в разговоре, давал тему, если видел, что знакомство не ладится. На Рождество затягивал колядку, знал он их множество, а мы

подхватывали. Колядки он очень любил и с восторгом рассказывал о том, как на севере России и в Галиции поют одни и те же колядки. «Вот как православие своим пением объединяет людей.»

Самое яркое впечатление осталось у меня от собрания, устроенного, правда, не Владыкой, а русскими организациями, чтобы поздравить его с пятнадцатилетней годовщиной посвящения его в епископский сан. Огромный зал был переполнен. Пришли представители от церковного хора, от хора Архангельского, от Русского Очага, от Воинского Союза, Союза инженеров, студентов и т.д. Распорядитель собрания объявлял, кто и от какой организации говорит. Все речи были уже сказаны, когда вышел господин мало кому известный и собирается говорить. Распорядитель спрашивает, как его фамилия и от какой организации хочет он говорить. Я знала, что это сумасшедший, и у меня замерло сердце — ну, думаю, будет скандал. Но говорящий четко и с чувством собственного достоинства произнес: «Я говорю от сумасшедших, от попрошаек, от нищих, от бездомных...». Зал замер. И в этой жуткой тишине раздалась обращенная к Владыке речь, полная задушевности, любви и благодарности. Встречена она была громом аплодисментов. Это была самая яркая речь в тот вечер.

Вспоминается мне освящение квартир в профессорском доме. Он только что был отстроен, жители разместились, устроились и ждут Владыку освящать квартиры. Во всем доме суета и волнение. Бегают по лестницам, прибирают, готовят — каждый хочет угостить Владыку. В одной семье, совсем нерелигиозной, забеспокоились — нет ни одной иконы в квартире. Побегали по дому — достали икону. Ждут со страхом: вот придет и начнет упрекать, что в церковь не ходим, заведет разговор на религиозные темы... Вошел Владыка, помолился, покропил стены святой водой, его усаживают за стол, угощают, а он говорит: «Какой вкусный соус, как вы приготовляете его?». Поговорили. «А вот приходите ко мне в четверг, я вас вареньем угощу собственной варки». Пришлось идти в четверг. Там встретили знакомых, никаких неприятных разговоров не было и в этот раз. Прощаясь, Владыка говорит: «Приходите в субботу ко всенощ-

ной, посмотрите, как Митя мне прислуживает». А Митя был единственным религиозным человеком в семье. Ходил в церковь, посещал религиозный кружок, прислуживал Владыке. Пошли и в субботу. Так без упреков, без наставлений приводил Владыка к Богу людей, совсем далеких от Него. Хозяин этой квартиры вскоре умер, горе в доме, и Владыка стал чаще приходить, приносил книги религиозного содержания. Через некоторое время я поехала в Париж. Там был и Владыка, и я случайно встретила его у знакомых. Не успела я с ним поздороваться, как он спрашивает: «Ну, а как Е.В.?». Я говорю: «Плохо, книги, которые Вы ей дали, швыряет на пол, бранится, зачем он такую чепуху дает мне читать». И вдруг Владыка радостно воскликнул: «Как это хорошо!». Я в недоумении. Он пояснил: это нечистый, прежде чем уйти, треплет человека. Значит, скоро конец. Конец и правда наступил скоро. И несколько лет до самой смерти Е.В. только и жила церковью.

А вот как напутствовал Владыка умирающего. Наш знакомый, видный инженер в Праге, был тяжело болен. Он не был религиозным человеком, в церковь никогда не ходил, но Владыка, узнав о его болезни, решил его навестить. Увидев Владыку, и он и его жена были удивлены и смущены. Спрашивают: «Владыка, чему мы обязаны Вашим посещением?» — «Да вот узнал, что Вы больны, и пришел навестить.» Пришел через несколько дней опять. Больной говорит ему: «Владыка, я должен Вам признаться, что я и в церковь не хожу, и лет 30 у Причастия не был». А Владыка в ответ: «Ничего, это придет». Больному все хуже, он сильно страдает и сам уже просит жену позвонить Владыке и попросить прийти: «Без него он (дьявол) мучает меня и только при Владыке оставляет меня в покое». Умирая, он сам просил Владыку исповедать и причастить его и тихо отошел. Владыка его и хоронил.

Все, что я здесь рассказываю, было до немцев и до большевиков. Нам удалось вовремя уехать. С Владыкой увиделись мы в Париже. Когда он служил в соборе на Дарю, глядя на него, я с радостью думала: вот кто будет нашим митрополитом. Митрополит Евлогий был тогда уже тяжко болен. Но случилось иное: митрополит Евлогий потребовал, чтобы Владыка воз-

вращался в Прагу: «Ты должен быть там, где твоя паства». Сколько мы ни уговаривали Владыку, чтобы он не ехал, что это опасно для него, он отвечал: «Я это знаю и сам не хочу ехать, но ослушаться не могу». Приходил прощаться, был такой же ясный и спокойный, как всегда, и так же твердо повторял: «Я должен ехать». Это было наше последнее свидание.

Когда он был в Вене, мы с ним переписывались. Положение его и его келейников было крайне тяжелое, и мы, его пражские и парижские прихожане, посылали ему продуктовые посылки. Послали и только что вышедшую книгу митрополита Евлогия, которую он так хотел иметь. И Владыка трогательно благодарил нас за это. Во время его пребывания в Берлине писем от него больше не было. У меня сохранились только две фотографии его, снятые там. Это уже не тот Владыка, в глазах его отразилось что-то трагическое. По слухам мы знали, что он в Казани, потом прошел слух, что он болен, и, наконец, стоя в церкви, я услышала молитву «за упокой новопреставленного архиепископа Сергия».

Благодарная память о нем будет жива в моей душе до конца моих дней.

Л.Ф.

* * *

Владыка Сергий вернулся из Москвы на Холмщину, когда она уже принадлежала Польше. Тремя епархиями управлял викарный епископ Белостокский Владимир. Этот последний нуждался в помощнике-епископе. 4-го апреля 1921 г. была совершена хиротония, и епископ Сергий стал помощником епископа Владимира. Епископы, не признававшие автокефалию польской церкви, были высланы из Польши. Владыка Сергий был выслан в Прагу. Прибыв туда, он разыскал храм Св. Николая и, не найдя там никого, сел на ступеньку храма и поручил себя Святителю Николаю. Кем-то замеченный, он был направлен к русскому представителю. Вскоре митрополит назначил его настоятелем русского православного прихода в Праге.

В Праге жило много русской интеллигенции: студенты, профессора, бывшие общественные деятели самых различных взглядов. Владыка умел внушить к себе уважение и любовь. Всех он принимал у себя.

Он был пастырь добрый. Доброта, веселось, приветливость, радушие и гостеприимство — вот его отличительные черты. К этому прибавлялись простота, смирение и кротость. Подвиг его жизни был подвиг любви. Помогал он всем даже и материально. Навещал русских больных в больницах, принося им подарки. И велик был у него дар общения. Богослужения его носили какую-то особенную теплоту. Время войны застало его в Праге, в 1946 году он был переведен в Вену, а затем, в 1948 году, — в Берлин. В 1950 году он был назначен архиепископом Казанским и Чистопольским.

У владыки Сергия была большая сила молитвы. По его молитве была исцелена Лидия Иордан, которая, раненая, страдала от судорог и болей. Владыка Сергий не обладал даром красноречия, но его простая, бесхитростная речь была понятна всем: и простому народу, и профессорам... И она шла прямо к сердцу человека...

У владыки Сергия была одна беседа, «Путь к Богу». Этот путь Владыка указывал на собственном примере всей своей жизнью, и так он вел верующих, как в эмиграции, так и на Родине. Он шел этим путем прямо, просто, как дитя, без всяких толчков и трудностей, и в то же время радостно, без всяких сомнений.

Он был оптимистом. Он видел всюду добро. «Вокруг нас целое море зла. Да, но если зла полное море, зато добра решительно целый океан. Зло — дерзко, а добро скромно», — говорил он.

Владыка Сергий был настоящий монах по своей природе, из любви к христианской жизни, без каких бы то ни было притязаний, усилий и колебаний. На него нельзя было обижаться. Он никого не судил. А если делал кому-нибудь замечание, то так, чтобы его не обидеть. И всегда была у него улыбка. Сам он был одна цельная натура, преисполненная любви к людям и ко всему, созданному Творцом любви.

Он был настоящий москвич, человек с русским большим сердцем и открытой душой. Всем этим он привлекал особенно молодежь и простой народ. Гостеприимство у него было огромное. Двери его жилья, кажется, никогда не закрывались. Своими чудесными глазами и всем внешним видом Владыка располагал к себе, вселяя доверие даже в тех, которые приближались к нему как недруги. В последний день войны в его подворье пришли три красноармейца делать обыск. Когда очередь дошла до Владыки, то обыск на нем кончился. А через несколько минут эти три красноармейца уже сидели рядом с Владыкой и угощались пасхальными яствами. Ушли они, одаренные Владыкой красными яичками...

Умер Владыка на родной земле, будучи архиепископом Казанским и Чистопольским. Последнее его служение было 21-го октября 1952 г., а 18-го декабря в 12 ч. 45 м. ночи он отошел ко Господу.

Народ потоком шел прощаться, обливаясь слезами. Особенно плакали мальчики, прислуживавшие Владыке при богослужениях.

* * *

...В 1922 году владыка Сергий заехал, уже преследуемый польскими властями, к моему отцу, священнику в деревне Пожежин Брестского уезда, проститься перед принудительным выездом из Польши. Сидели за самоваром, но чай пили только с клюквой и вместо лимона, и вместо сахара, так как тогда мы «сидели» на сахарине. Владыку сопровождал кто-то в штатском, сейчас уже не помню, кто именно. На рассвете владыка Сергий уехал, благословив нас всех, как оказалось, в последний раз.

Отец мой был знаком с владыкой Сергием еще до начала войны 1914 года, когда был на приходе в деревне Лейно Владавского уезда (Холмской епархии), куда владыка Сергий приезжал еще простым монахом в сером подряснике, всегда жизнерадостный, веселый, разрушавший своей благостной простотой все «мифы» о монахах, как о чем-то очень угрюмом, черном, скучном, молчаливом. Это мое тогдашнее впечатление. Нам говорили, что отец Сергий приезжал из «киновии» — это была Дубица, то есть Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь.

А потом, уже много лет спустя, а именно в 1937 году, когда мы с мужем жили в Варшаве, я чудесным образом встретилась с владыкой Сергием «по радио». На руках у меня был маленький сын — 5-6-месячный; из-за него я первый раз в своей жизни не смогла быть у заутрени и очень переживала это. Все было немило, и радость Светлой Пасхальной ночи была отравлена. Когда сын угомонился, я решила на своем радиоаппарате поискать хоть кусочек Пасхальной заутрени (муж уже давно уехал в собор на Праге*).

* Район Варшавы, где находится православный собор.

Никакими словами нельзя передать ту радость, которую я испытала, наткнувшись в эфире на превосходное богослужение, а именно выход после полунощницы с крестным ходом и пением «Воскресение Твое, Христе Спасе»... Все в своем воображении я построила: и толпу, и свечи в руках молящихся, и торжественную прохладу тихой Святой Ночи, облачение духовенства. Откуда передается богослужение, это меня даже и не особенно интересовало. Сейчас даже не помню, как пел хор, может быть, даже очень хорошо, но не это было самым важным. Мне удалось побывать у заутрени, слава Богу. Но каково было мое удивление, даже более чем удивление, даже какой-то страх от чего-то непонятного, необъяснимого, когда диктор сказал, что заутреню совершал владыка Сергий из Праги. Как тот дождь после молебствия, совершенного владыкой Сергием, могут маловерные назвать совпадением, но мне и сейчас кажется, что та рука помощи, которую невидимо протянул мне издалека в ту Пасхальную ночь владыка Сергий, — никак не совпадение, может быть, и не чудо, но проявление Божией милости хоть и грешным, но жаждущим ее и обретшим через таких светлых отцов Церкви, каким был владыка Сергий.

* * *

Берлин

Берлин горит...

На белесоватом небе огненный шар солнца, изо дня в день... Ни капли дождя... Горячий воздух, насыщенный смрадом гари и разложения — погибших под развалинами давно уже перестали откапывать, — захватывает дыхание, обжигает легкие... От плавающих в нем частиц расплавленного пепла не укрыться нигде... Едкий, желтовато-белый дым ползет и стелется из призрачных, готовых рассыпаться руин. И — ни капли дождя, вот уже несколько месяцев...

Среди зыбких развалин, груды битого щебня, изогнутых жаром стальных стропил бродят люди, маячат, как тени, апатичные, грязные, с землистыми, острыми лицами и отсутствующим взглядом провалившихся, мертвых глаз... пока не завоют сирены и с неба снова не пойдет огненный дождь... Дантов ад... Инферно...

И лишь один, сияющий неземным светом маяк — наш православный храм, незримая для прохожих тихая церковка в старом жилом доме, чудом устоявшая в этом инферно. К ней стремились мы ежедневно, чтобы приступить к Святой Чаше, спеша сквозь пылающие улицы, не обращая внимания на вой сирен, на кружащую в небе смертоносную саранчу.

Никто не знал, доживет ли до завтрашнего дня. Грозно вставала извечная Правда. Учил нас Господь, что все — суета и тлен... Помни последняя твоя... В храме оставались подолгу, целыми днями, всем существом зная: здесь твой истинный дом.

Тянулись дни, недели, месяцы... Зной становился невыносимым... Ни капли дождя... Вдруг весть, влившая новые силы:

приехал владыка Сергий. До того я видела его только на фотографии, но сразу же потянулась к нему душой.

И вот я уже стою перед ним. Рука его поднимается для благословения. Исчезли все тревоги. Невыразимая радость и мир охватывают душу. Кто хоть раз видел владыку Сергия, имел счастье слышать его беседу, не забудет его никогда. Его милое, чисто русское лицо, его лучистые глаза, бесконечно добрые и мудрые, в самую душу глядящие глаза.

Несмотря на простоту обращения, его речь, подчас шутливую, было в нем что-то неизъяснимое, влекущее к нему все сердца, как ореол строгой святости, зримой лишь внутренним оком. Хотелось сесть у его ног и без конца слушать его тихую речь.

Первая беседа после скромной трапезы. Потом Владыка сказал: «Завтра, после литургии, отслужим молебен о ниспослании дождя». И вот эту службу, этот молебен мне не забыть никогда. Над городом выли сирены, слышались взрывы и грохот падающих зданий, а служба шла своим чередом, тихо и стройно.

Начался молебен. Я стояла на клиросе. Хор, а с ним и весь народ запел: «Даждь дождь земле жаждущей, Боже». Я оглянулась к Владыке и, потрясенная, отвела глаза. Но вижу с тех пор, как он молился тогда, — это видение, в котором не было ничего земного.

Владыка стоял посреди храма на возвышении, над коленопреклоненным народом. И такая сила веры, такая сила молитвы излучалась из его поднятых глаз, от его побледневшего лица, от всего его, устремленного горé, что мне стало страшно. Казалось, что весь он окружен незримым, устремленным к Престолу Сил пламенем молитвы. Это уже был не наш простой, добрый Владыка, а сошедший к нам из селений праведных Святитель Божий: «Даждь дождь земле жаждущей, Боже!».

Молебен кончился. Народ разошелся. Владыка, благословляя, направился к выходу. В дверях Владыка, а за ним и мы остановились: шел сильный, крупный, освежающий дождь. Владыка — опять прежний, простой — обернулся к нам и с детски светлой улыбкой тихо сказал: «Ага, что, услышал нас

Господь...». Потрясенные, мы молчали. Ведь мы только что стали свидетелями чуда, по дерзновенной молитве владыки Сергия. Найдутся, конечно, люди, которые скажут: какое же тут чудо, просто совпадение. Но почему-то дождь пошел именно не раньше и не позже, а непосредственно после молебна.

Вскоре владыка Сергий уехал, и меня промысел Божий увел далеко от агонизирующего города. Но видение молящегося Владыки не покидало меня, и под впечатлением его я ему написала:

— Если бы весь народ русский, в одном покаянном порыве, возопил ко Господу: «Господи, помилуй нас грешных, даждь МИР земле жаждущей, Боже!» — Господь услышал бы. Тем скорее услышал бы, что вместе с народом русским молили бы Его и сонмы новомучеников, кровию венчанных, верных до смерти: «Даждь МИР земле жаждущей, Боже!». И воцарились бы на земле нашей мир, и тишина, и благоденствие...

Прот. Алексей Ионов

Последняя встреча

С владыкой Сергием (Пражским) я познакомился в 1929 г. в Печерах (Эстония), куда он приезжал на съезд Русского Студенческого Христианского Движения. Потом у меня были встречи с ним и в Риге, и в Париже, и в самой Праге. Привязался я к нему как-то незаметно, но прочно. А для него я сразу стал Алешей...

Последний раз я видел владыку Сергия в декабре 1944 г. В Прагу я приехал уже из Берлина. Преосвященный Сергий во время моего беженства стал моим епархиальным архиереем. В Николин день он возвел меня в пражском св. Николаевском кафедральном соборе в сан протоиерея. Внимательно слушал он рассказы о миссионерской работе в северо-западных областях России. Заставил даже прочитать на эту тему доклад в подворье.

Вместе мы посещали общих знакомых, совершая то, чему Владыка придавал такое большое значение, и то, что он называл подвигом общения. Припоминается, как известный в Риге артист, Всеволод Орлов, перебравшийся во время войны в Прагу, привязался к владыке Сергию так, что, наблюдая его разговоры с Владыкой, я думал: келейником быть бы ему у Владыки да и только! Столько было у этого талантливого, глубоко светского человека (юриста по образованию) чисто монашеского послушания. В. Орлов, как известно, погиб во время бомбардировки Праги. Душа этого артиста незадолго до своей смерти раскрылась в своем новом облике в духовном общении с таким святителем, каким был владыка Сергий. Владыка и для меня стал уже другим. В нем чувствовался уже старец. Не забуду, как он меня отчитал по поводу одного надуманного выражения, взятого как бы «напрокат»...

И вот отъезд в Берлин. Последняя молитва в его келье. «Храни тебя Христос!» Невольно кланяюсь ему земно. Благодарю за все, а главное — за отеческую любовь, в которой люди нуждаются не меньше, чем в материнской. На вокзал меня провожают мои друзья. На дворе лютый декабрьский мороз. В нетопленом вагоне не теплее. Поезд по расписанию, конечно, не уходит. Взволнованный прощанием с любимым святителем, я сижу в полупустом купе, и вдруг на перроне появляется он сам. Быстрыми шагами проходит мимо вагонов, всматриваясь в окна. Выскакиваю к нему. «А я все-таки решил проводить тебя сам! Как никак — протоиерей», — говорит он со своей обычной шутливой иронией. Несложный разговор, как всегда на вокзалах. Проходит пять-десять минут. Вижу, Владыка явно замерзает. Пробую уговорить его идти домой. А он, конечно, упорствует, пытаясь согреться постукиванием каблуков... Но вот наконец поезд тронулся. Владыка закрестился. Большим архиерейским благословением начинает осенять меня, пока не потерял меня из виду. Не забуду я этого прощания.

В 1946 г. владыка Сергий стал архиепископом Венским. Вышло так, что и я оказался на территории Австрии. Жили мы в разных зонах. Тем не менее через общих знакомых возник у меня с ним контакт. Я стал изредка посылать ему «утешение» — чай, сахар и ладан... В этом у Владыки была нужда. Звал я его к себе в гости — в американскую зону... Владыка писал, что очень хотелось бы ему добраться до меня, «но ты сам понимаешь, какие обстоятельства...».

Последняя весточка от него была получена уже в Америке. Владыка поздравлял матушку с днем Ангела. Он оставался неизменным в своем внимании. Вскоре после этого он был переведен в Казань. О том, как он утешался там служением в переполненных храмах, о том, какие у него там были скорби, знают все, кто с любовью и тревогой следил за судьбой этого праведного архипастыря.

Н.П.

* * *

Это было в апреле 1945 г. Советские войска приближались к Праге. Немцы постепенно эвакуировались из нее. Владыка Сергий тяжело заболел и пригласил меня лечить его. В тесной келье-киоте, сплошь уставленной иконами, лежал Владыка и тяжело дышал, а на скамеечке около него тоненькая книжечка: «Диалектический материализм». Она была так чужда и странна здесь, в тишине мирной кельи, как грязинка чужого, враждебного мира, что мой взгляд с изумлением остановился на ней. Владыка заметил это. «Хочу понять 'их'», — прошептал он.

Когда Владыка поправился, он снова принялся за работу пастыря-бессребренника. Его бедное подворье было похоже на гостиницу для бездомных русских. Всякий находил теплый ночлег. Всякому предлагалась монастырская трапеза. В Праге были большие затруднения с питанием. Мы были оборванные и голодные, потому что бежали «оттуда». Неизреченной добротой и милосердием и духовными наставлениями дочери-подростку Владыка старался скрасить нашу жизнь. Он давал нам примеры смирения. Угощая нас на кухне кашей, он услышал, как девочка сказала: «Мама, я больше не хочу!». «Ну ничего, я доем», — сказал Владыка. Тогда она, устыдившись, что с ее тарелки будет доедать Владыка, стала запихивать в рот сухую кашу и один комок, упавший на пол и далеко откатившийся, подняла и тоже съела.

Когда советские войска приблизились и надо было бежать дальше, мы испуганно уговаривали владыку Сергия и отца Исаакия скорее бежать. «Нет, я останусь здесь. Здесь моя паства», — сказал Владыка. «А нам что делать, Владыка?» Он долго думал. «Останьтесь», — тихо сказал он.

Все внутри сжималось от ужаса и тоски, от физического страха за детскую жизнь, но подсознательная воля к свободе гнала вперед. Бросив все вещи, с рюкзаками на спине, мы пустились в путь, который был разбит и починялся через каждую пару километров, чтобы поезд мог продвинуться дальше. Люди шли и пешком через горы.

В это время чехи не понимали нас и радовались, что им несут освобождение от немцев. Мы скрывали от квартирной хозяйки наши сборы. При посадке в поезд несколько камней ударили нам в спины из вокзальной толпы.

Никогда не забыть того вечера 20-го апреля, когда в темном пражском храме только четыре свечки перед аналоем, а Владыка в темном облачении служит напутственный молебен, грустный, как панихида. В храме человек 20-30 с рюкзаками на плечах. Слышатся мужские рыдания. Русские, которые провели здесь молодость и половину жизни, сейчас расставались со всем и прямо отсюда шли на вокзал, как оторванные листья, гонимые дьявольским ураганом все дальше и дальше по земному шару, в безрадостную неизвестность. Тоска гнетущая рассеялась напутственным словом Владыки. Он говорил тихо. Говорил о смирении, о надежде на Бога.

Когда пять дней спустя наш поезд разбило бомбами и мне оторвало руку до плеча, мы, жалкие и окровавленные, лежали в немецкой деревенской больнице. Моя раненая дочь лежала рядом, и она нашла в себе силы выпросить бумаги и написать письмо: «Милый Владыка! Вот мы Вас не послушали — уехали, и теперь маме оторвало руку». Вряд ли это письмо дошло до Владыки. В Праге шли бои.

* * *

Приближался день Светлого Христова Воскресения (1945 г.). Владыку уговаривали не устраивать традиционных розговин в храме, ссылаясь на затруднения доставить продукты. Он не согласился с этим, благословил, хотя скромно, их устроить. Над Прагой в эти дни «сгущались тучи». В Великую Субботу после литургии духовенство и богомольцы, не имея возможности добраться домой, очутились на Николаевском подворье, где пробыли около недели. Всюду все время слышалась стрельба, было тревожно... Все же удалось доставить заказанные ранее для розговин продукты. Как полагается, в установленное время начали читать апостола, последовала полунощница, и из большой комнаты, предназначенной для богослужения, вышли духовенство, певчие, двери закрыли. Совершив крестный ход по соседним комнатам, возвратились к закрытым дверям, около которых раздалось пение: «Христос Воскресе из мертвых». Необыкновенное настроение внесла эта весть в мятущиеся души присутствующих. И свет Христова Воскресения осиял всех. После Пасхальной заутрени, христосования приступили к трапезе. Куличи, пасхи, крашеные яйца и другое было предложено разгавливавшимся, которые затем очень благодарили Владыку за все, предоставленное им. И еще в течение недели питались остатками от розговин неожиданные обитатели Николаевского подворья (а их было около 30 человек).

К. А. Родзянко

Пасха

Праздник из праздников и Торжество из торжеств... Может быть, никто так ярко сам не переживал и не давал переживать всем молящимся все величие, всю светлую радость Праздника из праздников — св. Пасхи — как дорогой наш владыка Сергий.

Торжественно проходила обычно заутреня в старинном соборе св. Николая в Праге, празднично украшенном и залитом светом. В эту ночь Владыка сиял каким-то внутренним светом, и не забыть той силы веры и ликующей радости, какими звучал его голос, когда он вместе с крестным ходом входил в отворяющиеся перед ним, до той минуты затворенные, двери храма, возглашая первое «Христос Воскресе!».

В течение почти 25 лет служения владыки Сергия в Праге русская колония привыкла вместе со своим архипастырем радостно и торжественно встречать Светлый Праздник.

Время шло. Казалось, ничто не может нарушить мирной жизни древнего города, но это только казалось, и настал час, когда война со всеми ее нарастающими ужасами приблизилась к Праге. Толпы обездоленных беженцев, усталых, истерзанных, растерявших не только свое имущество, но зачастую и самых близких своих, стали появляться в городе. Сколько подлинного страдания и невысказанного горя несли эти люди в наши и свои православные русские храмы! Всех их приветствовал Владыка, всех их звал к себе, рад был каждому дать хоть чашку чая, хоть черный сухарик и, главное, свою ласку, свою любовь... И люди шли к нему, изливали перед ним свое горе — и уходили утешенными и согретыми. Они говорили: «Горе наше — все то же, а на сердце легче стало. Вот поговорили с Владыкой, он с нами помолился, и мы почувствовали, что мы не одни. Он ведь нам

как отец родной». И среди всего этого страдания и смятения человеческого приходит Пасха, и как никогда победно звучит голос Владыки, когда, входя в залитый светом храм, мы слышим радостную весть: «Христос Воскресе!». И так же радостно ответствует вся церковь: «Воистину Воскресе!».

И еще звучит последнее «Воистину Воскресе», как кто-то взволнованно проталкивается через толпу и так же взволнованно говорит: «Дайте же мне взглянуть на него. Я узнал его голос. Ведь мы в далекой Сибири слышали по радио 'Христос Воскресе'. И еще он читал молитву 'Вси войдите в радость Господа'. И мать моя слушала эти слова, и каждый год ждала, чтобы еще раз услышать этот голос, говорящий 'Христос Воскресе'. А теперь я тут его слышу. Дайте мне на него посмотреть...». И он заплакал.

Говорящий, мужчина в полной силе лет, рассказал нам, как в далеком уголке Сибири он служил на радиостанции и в Пасхальную ночь на какой-то волне вдруг услышал пасхальный возглас «Христос Воскресе» и как, притаив дыхание, забыв страх быть пойманным, он со своей старушкой матерью прослушал всю заутреню и как запали в его сердце слова молитвы св. Иоанна Златоуста, которую действительно с неповторимой силой убедительности всегда читал Владыка.

Они с матерью скрыли в сердце своем пережитую радость и целый год жили надеждой услышать еще раз «Христос Воскресе!».

Разными сложными путями добрался он до Праги. Приятно нам всем было волнение этого человека, слышавшего снова долгожданную благую весть: «Христос Воскресе!».

И еще год войны, ужасы которой все сильнее и сильнее ощущались в Праге, войны, кончившейся поражением немцев и оккупацией Чехословакии советскими войсками. Во время боев, происходивших в самом городе, храм св. Николая был сильно поврежден. Оставалась одна возможность — служить заутреню в малом Успенском храме, построенном на кладбище. Вокруг этого храма вырос лес крестов наших православных могил. Никогда не забыть той заутрени, которую Владыка служил в

этом храме и которая почти вся проходила на солее из-за множества народа, залившего всю площадь вокруг храма.

Чудная тихая ночь. Все кладбище освещено сотнями свечей, которые верующие зажгли на могилках своих усопших. Тихо мерцали огоньки, и при каждом каждении Владыка снаружи обходил весь храм, кадя народ и могилы. Все радостнее и торжественнее звучали слова «Христос Воскресе!», и казалось, не только мы, живущие, но и тут лежащие усопшие ответствуют «Воистину Воскресе!».

Никогда не оставалось в храме столько молящихся и за св. литургией, на которой почти все и причащались, как в эту Великую Ночь. Когда на заре мы вместе с Владыкой вышли из храма, все были поражены необычайным щебетаньем пташек, слетевшихся, казалось, со всей округи, чтобы вместе с нами разделить радость Христова Воскресения. Все деревья, кустарники и цветы на могилках колыхались от перепархивавших с ветки на ветку птиц. Лицо Владыки как-то особенно радостно сияло. «Слушайте, слушайте, — тихо повторял он, — Христос Воскресе, Христос Воскресе!»

Все замолкли, все почувствовали какую-то великую тихую радость — тайну Божию — Воистину Воскресе Христос.

Владыка стал медленно двигаться к выходу кладбища. Все еще молчали, вслушиваясь во все еще продолжающееся щебетание птиц. Дойдя до ворот, Владыка еще раз обернулся к храму и, вздохнув, сказал: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе» и еще раз со словами «Христос Воскресе» благословил нас всех и окружающие его могилки. И тут же добавил радушно: «Ну, а теперь идем разгавливаться, нас уже ждут на подворье».

Это была последняя заутреня, которую ныне почивший владыка Сергий служил в 1946 году в Праге, последняя заутреня, на которой и мне Бог дал быть среди молящихся во время его службы. Не забыть мне никогда ни этой темной ночи, ни сияющей зари и щебетанья пташек на могилах, ни, главное, радостного возгласа Владыки: «Христос Воскресе!».

Е. Н. Разумовская

* * *

Наверно, я одна из последних еще живых, которые так много помнят о нашем дорогом и любимом, глубокоуважаемом владыке Сергии Пражском. В моих воспоминаниях о нем очень много сохранилось пережитого с ним мною и всей моей семьей. Я хотела бы рассказать вкратце, каким образом я могла встретиться с владыкой Сергием, который тогда уже несколько лет был епископом в храме св. Николая на Староместском наместье (площади) в Праге. А я, замужем за Андреем Разумовским, жила уже несколько лет в имении мужа, в Дольних Животицах в Силезии, в 10 км. от города Троппау.

Моя первая встреча и первое знакомство с владыкой Сергием были совершенно неожиданны и оставили в моей жизни след на очень долгое время. Сейчас еще вспоминаю о нем с благодарностью и умилением и радостью. Он играл в моей жизни очень большую роль.

В 1922 году я вышла замуж за А. К. Разумовского. Он — активный офицер австро-венгерской армии, прямой потомок фельдмаршала гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовского. Во время первой мировой войны он попал в плен на русском фронте и провел 4 года в России (в Сибири, в Иркутске). Я — происходящая от древнего немецкого рода князей Сайн-Витгенштейн, русская, беженка 1919 года. Муж мой потерял за эти годы войны все то, что ему было дорого: родину — Австрию, Австрийскую империю, царствующий дом Габсбургов. Я же, как и он, потеряла и родину, и монархию, и дом Романовых. Таким образом мы встретились как бы на одинаковой почве. Это дало нам возможность очень близко понять друг

друга: я была одинокая, бездомная беженка, таким же был и он в Сибири.

В марте 1927 года скончалась после долгой тяжелой болезни моя мать. Католический священник нашей деревни отказался хоронить умершую, так же как и священник города Троппау; протестантский священник Троппау согласился взять на себя обязанность похорон. Но муж мой сел в поезд, поехал в Прагу (восемь часов по железной дороге) и пошел в русскую церковь, возглавляемую владыкой Сергием. Из Праги муж мой привез русского православного священника и четырех певчих. По приезде в Дольни Животице они служили панихиду, а на следующий день было отпевание и похороны моей матери.

Сам владыка Сергий, прочтя в газете «Возрождение» объявление о смерти моей матери, спросил близкого своего сотрудника в Праге — княгиню Наталью Яшвиль, знает ли она умершую княгиню Сайн-Витгенштейн. Оказалось, что они были близко знакомы и дружны в Киеве, где работали вместе в Красном Кресте.

Княгиня Яшвиль и дочь ее Татьяна Родзянко работали во главе знаменитого Кондаковского института в Праге. ⟨...⟩

На сороковой день кончины моей матери муж мой и я поехали в Прагу, и там мы встретили в первый раз Владыку и кн. Яшвиль. Это было начало нашего глубокого и долголетнего дружного общения, имевшего большое значение в моей жизни.

В моей памяти восстает владыка Сергий такой, каким я его тогда знала: небольшого роста, одетый в простую черную рясу и черную камилавку, с белой бородой. У него были поразительные глаза: большие, темные, в них светилось столько любви, ласки, доброжелательства, сочувствия и радости! Все, кто имел счастье с ним встретиться и знать его, были глубоко к нему привязаны и любили его. Его также любили жители Праги. Не раз показывая его детям на улице, пражане называли его «Svatý Mikuláš». В ночь Светлой Заутрени большая толпа собиралась перед храмом св. Николая. Владыка выходил с крестным ходом на «Старогородскую площадь», и в ответ на его радостное «Христос Воскресе» отвечал громовой хор собравшихся чехов.

Каждый четверг Владыка принимал у себя на квартире всех, кто хотел его видеть. Муж мой и я неоднократно присутствовали на этих знаменитых и таких радостных и уютных «чаях» за длинным столом в — как его называли между собой друзья Владыки — «Сергиевском подворье». На столе кипел большой самовар, и сам Владыка, сидя во главе, разливал чай. Беседа велась интересная, оживленная и исключительно на духовные темы — в чем мы все так нуждались.

Кто из старых пражан не помнит квартиру Владыки в «Vinohradach» — старомодную квартиру, куда люди приходили, чтобы наедине рассказать Владыке о своем горе или радости и попросить совета? Кто забыл верную «тетичку» — хозяйку этой квартиры, старую, ласковую, когда-то бывшую участницей Народного театра? Она считала нашего Владыку святым и, будучи католичкой, не пропускала ни одной службы в храме св. Николая.

У Владыки были выдающиеся сотрудники. Мы близко сошлись с отцом Михаилом Васнецовым и его семьей, сыном знаменитого художника В. М. Васнецова. Мы также знали отца Исаакия.

Последние годы до войны Владыка всегда оставался в духовном контакте с нами. Летом он гостил у нас в деревне. Он особенно любил обстановку нашей деревенской жизни: он говорил, что нам удалось превратить жизнь в чешской деревне в жизнь в настоящей русской усадьбе. Он особенно любил собирать грибы и в легком, светлом подряснике с корзинкой в руках проводил долгие часы в лесу. Мы ужинали и пили чай на террасе.

— Молиться всегда можно, — говорил он.

— И разливая чай?

— Да, и чай разливая.

Однажды мой тогда еще такой маленький сын Андрей — 5-6 лет — сказал мне:

— Знаешь, я очень счастливый человек.

— Почему ты счастливый человек? — спросила я.

— Ведь меня каждый день благословляет епископ!

Да, это еще были счастливые, хорошие времена!

До второй мировой войны наша церковь в Вене принадлежала к юрисдикции митрополита Евлогия, жившего в Париже. Нашим епархиальным епископом был владыка Сергий. В 1935 или 1936 году он приехал на несколько дней в Вену и жил у нас на квартире, где мы тогда жили во время школьного сезона, потому что дети учились в венских школах. Мы возили Владыку по городу, и он очень интересовался Веной и историческими памятниками города.

После занятия немцами Австрии (в 1938 году) наш тогдашний настоятель храма, о. Александр Ванчаков, позвал представителей прихожан к себе на квартиру и объявил, что наша церковь присоединена к юрисдикции митрополита Анастасия. Война и граница между так называемым «Протекторатом» и нами отрезала нас надолго от Праги.

Последний раз в Праге мы видели владыку Сергия, когда я с мужем поехала на похороны Тани Родзянко, которая неожиданно скончалась осенью 1936 (?) года. Торжественная служба в храме св. Николая: служил Владыка, пел, как всегда, великолепный хор под управлением дочери Архангельского; похороны на кладбище в Ольшанах. В течение 40 дней Владыка приезжал в Кондаковский институт и молился с княгиней — матерью Тани.

В 1944 году у нас в Вене состоялся съезд большого количества духовенства, многих епископов и священников. Приехал владыка Сергий из Праги. Я тогда не совсем поняла, в чем было дело, кроме приветственной грамоты «Фюреру». После торжественной службы в нашей великолепной венской церкви (бывшей царской посольской церковью) владыка Сергий отозвал меня в сторону и сказал мне тихим голосом: «Я хочу, чтобы *вы* знали: я присутствовал здесь *только* как наблюдатель, *я ничего не подписал*. Я хочу, чтобы вы это знали».

Когда в 1946 году владыка Сергий был официально переведен в Вену и назначен экзархом Средней Европы Московского Патриархата, я спросила его однажды, незадолго до его ссылки в Берлин, не думает ли он перебраться через Зальцбург, с помощью американцев (которые не раз помогали русским), на Запад. Он ответил приблизительно так:

— Нет. Меня вернут в Россию, и там я умру. Я останусь на месте, которое определил мне Бог.

По рассказам А. П. Струве, его глубоко уважаемого и любимого секретаря, Владыка подвергался многим преследованиям и трудностям в Берлине (обыскам, допросам и т.д.). Последнее известие о нем было прилагаемое письмо, продиктованное Владыкой А. П. Струве. Личное, ласковое, правдивое письмо, написанное *не* в официальном стиле писем из СССР.

Владыка прожил не многим больше года в Вене. Хочу прибавить, что он по крайней мере раз в неделю приглашал нас — мужа и меня, а часто и всех моих пятерых детей — и кормил нас обильными, вкусными ужинами, изделиями А. Струве, без мяса, которого он никогда не ел. Тогда были голодные, холодные времена. Мы бедствовали и голодали. Ужины у Владыки помогли нам продержаться в тяжелое время. Потом муж мой и две старшие дочери нашли работу; трое младших были еще в школе. На мне лежали почти все обязанности в доме. Но тогда дух был еще крепче, чем теперь.

Я думаю о владыке Сергии с благодарностью и любовью. Но, как всегда, и с грустью: может быть, *я* что-то не доделала? И могла больше для него сделать?

6/19 апреля 1950

Дорогие мои, ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Сердечно приветствую Вас с Светлым Праздником и желаю Вам мира и радости, которые ниспослал Воскресший Христос ученикам и мироносицам. Жалею, что не пришлось провести с Вами дни Страстной и Святой Пасхи, которые являются редким моментом нашей духовной жизни среди серых будней. Даже трудно и представить нам, православным, жизнь нашу без этих дней. Какое счастье, что мы имеем не только официальные праздники, но входим в духовный смысл празднуемых событий; что они не только дают нам отдых, но и являются светом, оза-

ряющим нашу будничную жизнь, которая не есть только выполнение наших ежедневных обязанностей, но и задание вечности чрез открытие внутренних сил добра.

Богу содействующу, на Страстной неделе некоторые службы я проводил вдвойне, в Великую Пятницу служил вечерню с выносом Плащаницы в соборе, а после того совершал вынос Плащаницы и во Владимирской церкви (Находштр.). В тот же день и Погребение совершал в соборе, а по окончании возглавил крестный ход с погребением и на Находштр., где и читал сам паремию о костях. Обедню в Великую Субботу совершал в соборе, Пасхальную утреню в 10 ч. вечера в Потсдамском храме — эта заутреня высылалась по радио. К 12 час. приехал в собор, где и служил заутреню и литургию при очень большом стечении народа. После службы заезжал в церковь на Находштр. и там христосовался с тамошними богомольцами. А в час дня служил пасхальную вечерню в Тегеле в кладбищенской церкви. Крестным ходом обошли кладбище и затем обходили общежитие в 30 комнат, где в каждой комнате пели «Христос Воскресе». А к себе вернулись только в 6 час. вечера. В понедельник торжественную обедню с крестным ходом совершал на Находштр., там и во вторник. А в среду была торжественная служба у нас в Потсдаме с участием приезжего городского духовенства и певчих соборного хора и богомольцев-поздравителей. После службы прошли ко мне в покои, где и было утешение братии. Другие дни тоже были заполнены службами. В воскресенье Фомино немного простудился и теперь отдыхаю, а почему и прошу прощения, что это письмо диктую (Аркадию Петровичу*, который шлет Вам всем самый сердечный привет и поздравление). ⟨...⟩

Вчера имел утешение получить письмо от о. Исаакия с разными фотографиями, касающимися рыбной ловли его владыки во время объезда епархии, которые посланы в ответ на мои фотографии такого же характера.

⟨...⟩ Буду рад от Вас получить весточку, как Вы живете, как прошли у Вас праздники, как службы на Страстной и Пасхе.

---

* Аркадий Петрович Струве — келейник и секретарь Владыки.

Письмо архиепископа Сергия митрополиту Владимиру (экзарху Вселенского Патриарха в Западной Европе)

31 марта (18 апреля) [1948]

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Владыко,

Приветствую Вас с Праздником Светлого Христова Воскресения и от души восклицаю: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Воскресший Христос да дарует Вам во здравии и крепости сил насладиться сего светлого торжества.

Вот уже два месяца, как нахожусь я на новом месте служения. Прибыл из Праги в Берлин около 9 часов вечера, встреченный на вокзале духовенством, представителями властей и приходов, и за поздним часом мы отправились прямо к месту временного пребывания. В течение февраля, до поста, я посетил все церкви (кроме двух, лежащих в западных зонах: Баден-Баден и Бад-Эмс).

Первую службу я совершил на праздник Трех Святителей во Владимирской Церкви Находштрассе. Здесь службы совершаются каждый день, и всегда бывает достаточно молящихся, а потому и павший на будний день праздник Трех Святителей собрал, как ко всенощной, так и к литургии, не менее сотни молящихся. Эта церковь была и до войны в моем ведении, как викария митрополита Евлогия, а потому я не раз приезжал сюда и служил здесь. И было особенно отрадно видеть именно на этой церкви явление милости Божией, сохранившей ее среди всех бурь и разрушений города, — когда видишь небольшой дом, где помещается церковь, как остров среди груды развалин с той и другой стороны вдоль всей улицы. В эту малую церковь, как домой, собирались прихожане и проводили в молитве все опасное время разрушения города. И всех спас Господь, и вот эта

намоленная церковь и доселе привлекает к своим службам, при которых молящиеся участвуют, составляя лик, в пении и чтении; тут и я нередко совершал службы по будням, всегда утешаясь присутствием богомольцев, да и батюшки не только не тяготятся службами (при множестве пастырской работы: крестин, венчаний, похорон, причащений, соборований и проч.), но и сами проводят службы, исполняя обязанности чтецов и певцов, когда в этом есть нужда. С прихожанами они пережили вместе тяжести войны и всякие способы разрушения города, совершая в это время службы, ободряя и утешая молящихся.

В следующее затем воскресенье служил в кафедральном Воскресенском соборе, где настоятельствует почтенный протоиерей, кончивший в свое время СПБ Духовную Академию. Собор очень уютный, много икон в боковых нефах — как бы отдельные приделы. Очень хороший хор, имеющий опытного, а главное — церковного регента, который легко воспринимает все, касающееся благолепия и красоты церковной службы. На литургии — не только на этот раз, но и вообще — за сто богомольцев, на всенощных же менее народу из-за неудобства путей сообщения (трамваи и метро прекращаются в 6 часов вечера).

Под Сретение всенощную служил во Владимирской церкви, а литургию в Константино-Еленинской церкви на Тегельском русском кладбище (дальность расстояния делает вечерние службы там малолюдными), где священствуют два брата протоиерея, один из коих — настоятель, оба из Польши, окончили там Богословский факультет и были на приходах в Холмщине.

Несмотря на рабочий день, праздник Сретения собрал достаточно молящихся. Многие живут при кладбище, так как здесь есть дом (теперь нечто вроде дома, а при нем садоводство, обслуживающее кладбище) — Александергейм, создание незабвенного по творческой работе за границей протоиерея А. П. Мальцева, настоятеля Берлинской посольской церкви. Кроме строительства многочисленных заграничных храмов сделан им перевод на немецкий язык литургии и других церковных книг и богослужебных чинов. Нужно прямо поражаться энергии и предприимчивости этого удивительного русского человека и церковного деятеля.

Тегельское кладбище, не в пример другим, являющимся обычно городской собственностью, есть собственность церковная, находящаяся в ведении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. На ремонт дома, пострадавшего во время войны, отпущены средства советской военной администрацией. В доме отделывается и помещение на случай приезда епископа, где и я имел уже пребывание. Все заботы по кладбищу и дому лежат на церкви.

Вторую службу в Тегеле я совершал уже в воскресенье (прощеное) при большом стечении молящихся. После литургии было общение в квартире настоятеля, имеющего отдельный домик в ограде кладбища (а раньше жил здесь мой предместник архиепископ Александр).

В воскресенье 20-го февраля служил в церкви Св. Александра Невского в Потсдаме, где теперь и имею пребывание, живя как бы в парке, недалеко от нашего храма, построенного еще в 1829 г. для поселенных здесь русских гренадеров. Поселок этот — Александрово, имеющий характер русской деревни с бревенчатыми избами, — сохранился доселе и расположен совсем поблизости. У церкви нашли упокоение некоторые члены русской колонии и русского посольства до первой мировой войны. Здесь же погребена и супруга вышеупомянутого прот. Мальцева.

На день Святителя Алексия, 10/25 февраля, и тезоименитства отца нашего Св. Патриарха Алексия имел утешение служить в храме Святителя Алексия в Лейпциге. Этот храм, именуемый Храм-Памятник Славы, построен на месте знаменитой битвы народов в 1813 г., и в усыпальнице его погребены многие участники этой битвы. Несмотря на будний день, храмовый праздник и тезоименитство Святейшего Патриарха привлекли в церковь не только местных прихожан, но и приехавших издалека. Настоятель — протоиерей Романович с Буковины — окончил богословский факультет в Черновицах, из тех местных людей, которые тяготели к России и всему русскому, обучаясь в свое время в так называемой русской бурсе. Богослужения проводятся истово и с ревностью, что заметно на всенощном бдении. И

вычитывается и выпевается все положенное. Тезоименитство Свят. Патриарха в связи с храмовым праздником наложило особый отпечаток торжественности и задушевности на все празднование. После литургии с крестным ходом обошли верхний храм по галерее (памятник в виде пирамиды имеет и нижний храм) и, спустившись в крипту, где погребены герои Отечественной войны, совершили их поминовение, провозгласив вечную память им и всем воинам, за отечество и свободу народов живот свой положившим. Молебном в храме пред большой иконой Святителя изящной работы старинного образца и многолетием славному тезоимениннику закончили мы это редкое торжество — храмовый праздник Святителя Алексия за границей в день тезоименитства теперешнего возглавителя Русской Церкви, празднующего сей день у мощей Святителя Алексия в своем патриаршем соборе. От духовенства и участников торжества была послана телеграмма Святейшему, на которую я получил от него милостивый ответ.

Из Лейпцига с о. благочинным на машине мы проехали в Дрезден. И здесь наша церковь, во имя преп. Симеона Дивногорца, являет собой милость Божию, оставшись как бы островом среди развалин. Прекрасный храм этот пострадал только совне и теперь ремонтируется на средства, отпущенные советской военной администрацией. Настоятель здесь — прот. Сергей Самойлович, с университетским образованием, рукоположенный в Польше еще до автокефалии, в 1946 г. удостоенный от Свят. Патриарха митрой. Хор, хотя и небольшой, хорошо исполнил все архиерейское богослужение — и всенощную, и литургию. В родительскую субботу 13/26 февраля, в день тезоименитства приснопамятного митрополита Евлогия, я служил сам в нижнем помещении церкви (зимнем) заупокойную литургию, а после службы ездил на кладбище, где почивают прихожане, многих из которых я знал, посещая не раз Дрезденскую церковь и ранее, воздал молитвенную им память, особливо последнему долголетнему настоятелю, прот. о. Иоанну Можаровскому (из Холмщины), которого в свое время я и погребал. Немногочисленная паства была утешена совершенным у них торжественным архиерейским богослужением.

В течение поста все великопостные службы, а также воскресные всенощные и обедни совершаю то в одной, то в другой церкви. Так же предполагаю и на Страстной седмице и на Пасхе.

Написал Вам сие так подробно, вспоминая высказанное Вами в свое время пожелание получить от меня описание моих первых впечатлений от новой епархии. По Фоминном воскресении собираюсь проехать, с благословения Святейшего, в Вену, остановившись на краткое время в Праге.

* * *

Последние земные дни

С января 1952 года Владыка Сергий стал худеть и слабеть, но скрывал это ото всех. Думали потом, что Великий пост его ослабил. На четвертой неделе Великого поста, будучи в патриархии, проконсультировался у московского профессора, и была ему назначена операция лимфатических желез ввиду установленного рака. Никому Владыка об этом не сказал, а врачам назначил время (после Пасхи). 3-го мая ему была сделана операция лучшим хирургом, московским профессором. Лежал он в клинике три недели и после возвращения домой, через три недели, уехал в отпуск по Черному морю, начиная от Сочи и кончая Одессой. Владыка пробыл на патриаршей даче две недели и чувствовал себя хорошо. Был веселый, довольный путешествием, о котором давно мечтал, и домой вернулся к 8-му июля. Дома у него все время были гости. 18 августа приехал к нему о. Исаакий, но Владыка стал опять прихварывать. На Успение простудился, начался упорный кашель, поднялась температура, появились желудочные заболевания и сильная слабость. О. Исаакий уезжал 18 сентября, и Владыка ему сказал: «Наверное, с вами мы больше не увидимся», но про рак и ему ничего не сказал, а слабость все увеличивалась. 25-го сентября сам не служил и не мог читать акафист преп. Сергию и только стоял в алтаре. В Покров Владыку подкрепили, и он чувствовал себя лучше.

Последнюю службу служил 8/21 октября. Вечером приехал в кладбищенскую церковь, на постоянный акафист Божией Матери, но сидел или стоял в алтаре, а служить уже был не в состоянии. Прикладывался к Чудотворному Образу и как-то особенно припал головой к Нему. В алтаре он благословил все духовенство, многие плакали, предчувствуя, что это его послед-

нее посещение Святыни. Он едва передвигал ногами, так как левая нога у него очень болела. Владыка все переносил молча, не любил вопросов о болезни и не велел никому писать. Не хотел он, чтобы родные его приехали, но за 10 дней до его кончины, хотя он и не велел этого, они приехали, чем очень огорчили Владыку. Встретил он их словами: «Хоронить приехали», совсем замкнулся, ни с кем не разговаривал, только молча молился. Слег он окончательно за три недели до кончины. За месяц до смерти пропал голос, говорил шепотом, было частое дыхание и кашель, поражение раком горла и левого легкого. Почти ничего не ел, с трудом глотал жидкость. Температура была 38-39, сам уже не мог ни встать, ни повернуться. С трудом поворачивали его на правый бок. Видимо, страдал духовно и физически очень, но все молчал, и только взор его чудных глаз был постоянно с грустью устремлен на иконостас. В последние дни все лежал с закрытыми глазами, отвечал на вопросы односложно, дышал кислородом, ему делали вливание глюкозы и этим его поддерживали.

17-го декабря Владыка приобщился, и ему стало лучше, открыл глаза и выпил пол-стакана какао, а к вечеру дыхание стало ускоряться, особенно с двух часов ночи. Весь тот день был тяжелый, иногда вырывался сдержанный стон, давали напиток, и он засыпал. С 12-ти часов на 18-е декабря дыхание стало ужасно частым, поверхностным, а в 45 минут первого часа ночи он только вздохнул, дыхание оборвалось, снова вздох, затихло, третий вздох и погас...на земле Божий Светильник, ярко светивший и гревший на священной ниве св. Православия. На правом глазу появились две слезинки...

После облачения духовенством тело почившего положили на стол и, положив в его руки дикирий и трикирий, осенили ими в последний раз присутствующих около трех часов ночи. А в 8 час. утра тело в гробу перенесли в кладбищенскую церковь, и народ три дня непрерывным потоком шел прощаться, обливаясь слезами. На воскресенье церковь всю ночь не закрывалась, и народ все шел и шел. С пяти часов утра уже нельзя было пробраться в церковь, и вся ограда и площадь заполнены народом. Отпевали Владыку на четвертый день, приезжал из Москвы

архиепископ Макарий Можайский, свое духовенство, делегация Чебоксарской епархии и сельское духовенство из своей епархии. Много было сказано теплых слов и речей. Чебоксарский священник сказал: «Если капля слезная не забыта Богом, то сколько же этих капель поднялись за усопшего и открыли ему райские двери». А архиепископ Макарий сказал так: «Словами твоих достоинств нельзя выразить, слава твоя — это весь народ, собравшийся проводить тебя». Слезам не было конца. Особенно плакали мальчики, прислуживавшие Владыке при богослужениях.

Похоронили Владыку рядом с епископом Иустином за алтарем. Могила вся покрыта хвоей, пихтой и искусственными цветами из его комнаты, а теперь и живыми в горшках и банках с водой. Скоро будут обкладывать могилу цементом и ставить памятник, поэтому нет смысла снимать могилу — сниму уже в готовом виде. Народ перед службой и после службы идет на могилу, кладут поклоны и целуют могилочку (как Плащаницу, по словам одной прихожанки). Многие, кроме просьбы о благословении, просят его молитвенной помощи — и по вере получают. Навещавшим его батюшкам он как-то сказал: «Не умру, но жив буду», и дух его живет и ощущается любящими его. За три дня до кончины Владыка сказал служившей ему матушке Елене: «К нам пришли два митрополита, Евлогий, а другого я не знаю». Он часто делал руками движения, похожие на благословения, и на слова матушки Елены, что «с нами ведь никого нет, а Вы благословляете», он ответил: «А сколько народу-то ко мне приходит».

Лежал все с закрытыми глазами, редко их открывал при вопросах. Посетителей к нему не впускали, люди на улицах толпились и спрашивали о здоровье Владыки.

Скончался он в день преставления святителя Гурия Казанского, а вынос был ко всенощной под праздник святителя Николая, особо им чтимого святого, которому он и стремился подражать в своей жизни.

Н.А.

Архиепископ Казанский и Чистопольский Сергий (Некролог)

18 декабря 1952 г., в час ночи, в возрасте около 72 лет, скончался архиепископ Казанский и Чистопольский Сергий.

Трудно было предположить, что в этом жизнерадостном, на вид здоровом человеке таилась ужасная болезнь. Приехав в Казань в 1950 г., он всех поражал своей жизнерадостностью. Он любил жизнь, природу, его влекли леса, луга. Свой уютный уголок Владыка обычно украшал молодыми ветками и цветами. В июле месяце 1952 г., проезжая через Москву, преосвященный Сергий посетил свои родные места. По возвращении в Казань с каким восторгом он рассказывал, как он нашел ту самую тропинку, по которой мальчиком бегал в лес за грибами.

Архиепископ Сергий (в миру Аркадий Дмитриевич Королев) родился в Москве, в 1881 г., но рос недалеко от нее в с. Обольянове.

У каждого человека в прошлом — в отрочестве — есть некое радостное желание-мечта: кем быть, когда вырастешь большим. Владыку Сергия в дни отрочества пленил образ псаломщика в стихаре. Он и до конца дней своих так любил скромное клиросное послушание, чтение и пение церковное.

После сельской школы в Обольянове мальчик окончил Дмитровское духовное училище и затем Вифанскую духовную семинарию. Его любимой книгой в семинарии был труд епископа Феофана Затворника «Путь ко спасению», которую он получил при переходе из 1-го во 2-й класс семинарии. Затем юноша поступает в Московскую Духовную Академию. По окончании ее в 1906 г. он едет в Яблочинский монастырь Холмской епархии

и там трудится послушником и законоучителем второклассной при монастыре школы. В 1907 г. принимает постриг, в 1908 г. рукоположен во иеромонахи и назначается наместником монастыря и заведующим школой псаломщиков при монастыре. В 1914 г. он, с возведением в сан архимандрита, был назначен настоятелем этой обители и благочинным монастырей Холмской епархии. Указом Патриарха Тихона от 20 октября 1920 г. он получает назначение викарием Холмской епархии — епископом Бельским, и был хиротонисован 17 апреля 1921 г. в соборе Виленского Свято-Духовского монастыря. В 1922 г. Владыка выбыл в Чехословакию (в Прагу).

Начинается новый этап в жизни епископа Сергия. Он назначается сначала настоятелем русской православной приходской церкви во имя святителя Николая в городе Праге, а впоследствии — викарием в Чехословакии, Австрии и Венгрии. В 1946 г., ко дню 25-летия в сане епископа, преосвященный Сергий указом Святейшего Патриарха Алексия возводится в сан архиепископа. В том же году, 7 июня, он назначается архиепископом Венским, с оставлением викарием западно-европейского экзархата, а в октябре 1946 г. утвержден экзархом среднеевропейских православных церквей Московской Патриархии на правах самостоятельного епархиального архиерея. В 1948 г., по упразднении экзархата Московской Патриархии в Средней Европе, преосвященный Сергий был назначен архиепископом Берлинским и Германским, с жительством в Берлине.

Однако все его влекло на родину. В 1950 г. его мечта осуществилась: 26 сентября 1950 г. он был перемещен архиепископом Казанским и Чистопольским.

Архиепископ Сергий прослужил на Казанской кафедре лишь два года, но и в этот краткий срок оставил по себе самую лучшую память. Сердечным, отеческим вниманием своим к человеку, постоянной готовностью разделить горе и радость каждого обращающегося к нему он снискал общую привязанность. Отзывчивостью к просьбам, снисхождением к человеческим недостаткам и слабостям, простотою и доступностью он приобрел искреннюю любовь и уважение.

* * *

По облачении тела усопшего иерарха в архиерейские одежды была отслужена первая панихида по скончавшемся архипастыре, и гроб с телом его был вынесен в кладбищенскую церковь, где и поставлен среди храма. В течение трех суток здесь совершались панихиды по почившем, и верующие непрерывно шли проститься со своим любимым архипастырем.

Чин погребения совершил в воскресенье, 21 декабря, архиепископ Можайский Макарий в сослужении городского и представителей сельского духовенства.

Отдать последний долг почившему Владыке прибыли представители и соседней Чебоксарской епархии.

В речах при прощании с покойным архипастырем звучали слова любви и уважения. Ясно и образно выразил эти чувства архиепископ Макарий, сказавший в своей речи: «Твоих достоинств не выразить словами, слава твоя — это весь народ, собравшийся проводить тебя».

На заупокойной литургии и погребении были переполнены верующими храм, ограда и площадь вокруг церкви. И не одна, а тысячи искренних слез пролиты у гроба этого доброго человека, неустанного молитвенника, кроткого архипастыря.

Вечная память тебе, дорогой Владыко!

Журнал Московской Патриархии, 1953, № 2.

Прот. Михаил Гольдбредке

Слово на панихиде в сороковой день кончины архиепископа Сергия (Венский Православный Собор)

С невыразимой скорбью причт и прихожане венского православного прихода восприняли печальное известие о кончине Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Казанского и Чистопольского.

Хотя совсем недолго, всего три года, владыка Сергий возглавлял наш приход и уже прошло более трех лет, как он оставил его, будучи призван на другую святительскую кафедру, но нам кажется, что он десятки лет и даже до сегодняшнего дня был с нами. Так глубоко в сердце каждого из нас — и причта, и мирян — лежит чувство сыновней любви и глубочайшего уважения к памяти почившего архипастыря.

Действительно, в Бозе почивший Владыка принадлежал к тем незабвенным светильникам Церкви Христовой, какие ярко и далеко вокруг себя озаряют окружающие сумерки и надолго зажигают свет теплой радости в душе каждого входящего в общение с ним.

Почти все время епископского служения владыки Сергия протекало за пределами Родины. Но он не был беглецом из родной земли, так как более 30-ти лет тому назад насильственно был оторван от своей Бельской кафедры на Холмщине и переброшен за границу. С тех пор 25 лет он возглавлял православную общину в Праге при храме Святителя и Чудотворца Николая.

Он никогда не порывал связи со своей матерью Русской Церковью, оставаясь деятельным помощником митрополита Евлогия по управлению заграничными приходами в качестве его

викария. Поэтому не удивительно, что по окончании войны, когда потребовалось организовать среднеевропейский экзархат Московской Патриархии, выбор Святейшего Патриарха пал на архиепископа Сергия как достойного возглавителя этого экзархата. С этого времени владыка Сергий уже получил возможность бывать на Родине, о которой никогда не переставал думать. Наконец, после закрытия кафедры в Вене и короткого пребывания на кафедре Берлинской, он совсем уезжает на Родину, где и проводит остаток своих дней в качестве архиепископа Казанского и Чистопольского.

Каждый, кто лично знал владыку Сергия и входил в общение с ним, не мог не поражаться тому богатству духовных дарований, какими обладал почивший архипастырь. Всюду, где ни появлялся Владыка, он вносил с собой атмосферу полной непринужденности, крайней простоты и неподдельной радости. А бывал он в каждой православной семье, бывал часто и запросто, как всегда желанный и близкий друг дома. Это и не удивительно, так как за долгое время своего архипастырства в Праге он сроднился со всем православным населением, обслуживая все его церковно-религиозные нужды, как рядовой священник. Кажется, не было такой семьи, где бы он не крестил детей, не венчал уже подросшее поколение или не напутствовал и не хоронил их родителей. В его памяти крепко регистрировались эти даты семейных воспоминаний своих пасомых, и он неизменно спешил на эти семейные праздники, чтобы помолиться вместе с хозяевами об их здоровье, провозгласить им «многая лета», обрадовать именинницу или детей скромным подарком, ободрить и утешить того, кто нуждался в утешении. И всегда такое посещение вносило мир в семью, подымало настроение, надолго согревало теплой лаской молитвы, сердечной близости и участия.

Еще более трогательное участие Владыка проявлял к тому, кого посещала болезнь, нужда или другое горе. Не было случая, чтобы он не посетил лежащего в больнице. Принеся с собой иконку, он водружал ее у постели больного, а если выздоравливающий больной находился в больничном саду, Владыка прикреплял иконку к ближайшему дереву и тут же служил крат-

кий просительный или благодарственный молебен. Это не только окрыляло больного, но и глубоко трогало и умиляло всех окружающих его, даже инославных, невольно также принимающих участие в такой молитве.

Когда же в конце войны волна беженства докатилась до Праги, десятки священно- и церковнослужителей, вынужденных по разным обстоятельствам военного времени оставить свои приходы, всегда находили радушный приют у того же владыки Сергия. Они не только просто кормились у него в течение многих месяцев, но некоторые из них, страдающие болезнями, получали даже специальный диетический стол, несмотря на крайние трудности, с какими добывались тогда самые необходимые продукты. И не только пищу: оказавшиеся в исключительно тяжелом положении получали из его рук его собственное белье и ходили в его рясах. Такую же широкую помощь по своем прибытии в Вену оказал архиепископ Сергий и венскому причту, в большинстве также состоявшему из лиц, совершенно разоренных войной.

Но что более всего замечательно в личности почившего архиепископа — это его необыкновенная способность устранять всякое разделение между людьми, объединять и примирять непримиримые характеры, научать людей общению друг с другом. В этом Владыка успевал необыкновенно, и это было не только случайным результатом общительности его характера, нет — это было сознательным и глубоко продуманным подвигом всей его жизни, получившим теоретическое обоснование в его взглядах. В своей беседе «О подвиге общения» архиепископ Сергий говорил приблизительно так: «Мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг. Человек, общаясь с другими и творчески преодолевая разделение, раскрывает свои ценности, обогащается сам и тем самым обогащает других... ⟨...⟩ Общительность — есть дарование Божие, а из необщительного сделать себя общительным ради пополнения своей скудости — есть подвиг». Такой подвиг Владыка и нес каждодневно, нес всю свою жизнь. Неудивительно, что в его присутствии исчезали всякие разногласия между людьми, они становились как бы чище, добрее и довер-

чивее друг к другу, боясь обидеть Владыку всяким проявлением раздражения или несдержанным словом.

В памяти венцев надолго сохраняются его общительные и многолюдные трапезы, систематически устраиваемые после воскресных и праздничных богослужений в его квартире. На них очень часто присутствовали и представители духовенства почти всех инославных церквей в Вене, которые в своих высказываниях неизменно отмечали высокое моральное значение этих собраний, называя их «агапами любви».

В связи с подвигом общения нельзя не отметить и всегдашнего желания Владыки уклониться от всякого выражения внимания к нему, как архиерею, со стороны его почитателей и прихожан. Он был врагом всякой пышности и помпы, как в частной своей жизни, так и на людях и за богослужением в храме. В течение 25 лет своего пребывания в Праге он, часто без диакона и большей частью без иподиаконов, служил, как рядовой священник, и в будние дни, и в великие праздники.

Будучи строгим ревнителем уставности в богослужении, он иногда выполнял обязанности псаломщика на клиросе, полностью вычитывая все стихиры и неподражаемо исполняя «самоподобны», вынесенные им еще из Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря, где Владыка проходил монашеское послушание и наместником которого состоял еще молодым архимандритом. А если было нужно, Владыка обращался и в церковного прислужника: он часто своими руками возжигал кадило и в кротком образе пономаря во время малого и великого входа предшествовал со свечой новопоставленному священнику, только вчера принявшему хиротонию от его же святительской руки.

Своим слабым словом мы не можем полностью обрисовать высокий моральный облик почившего архипастыря. Память о нем надолго сохранится в венском храме Святителя Николая, который, возрождаясь попечением архиепископа Сергия из запустения и разрухи военного времени, кроме того обогатился еще несколькими комплектами священнических облачений, священными сосудами и иконами, принесенными в дар храму почившим архипастырем, и самым большим колоколом.

Но еще глубже память о нем будет жить в сердцах обласканного им причта и прихожан Венского православного прихода, имевших счастье входить в молитвенное общение с ним.

Приими, незабвенный Владыка, нашу сердечную признательность к тебе вместе с горячими молитвами о упокоении души твоей в месте злачне и покойне.

Вечная тебе память.

Прот. Михаил Гольдбредке

* * *

Впервые я встретил владыку Сергия в 1946 году в Вене. Когда митрополит Евлогий незадолго до своей смерти возвратился в лоно Матери-Церкви, возглавляемой патриархом Алексием, вместе с ним как его викарий владыка Сергий также вошел в юрисдикцию Московской Патриархии.

Весной 1946 года он был патриархом Алексием переведен из Праги в Вену в качестве экзарха патриарха в Средней Европе и с возведением в сан архиепископа.

Появление владыки Сергия в Вене с восторгом было встречено всеми православными людьми, каких в Вене тогда было очень много, т.к. волна переселенчества в западную Европу, начавшаяся вместе с отступлением немецкой армии, не только не прекратилась, но еще более усилилась. Ставши во главе венского прихода, владыка Сергий в кратчайший срок объединил вокруг себя всех православных, независимо от их принадлежности к той или иной церковной юрисдикции. Все сейчас же почувствовали, что Владыка стоит выше этих церковных перегородок, созданных людьми, не вникая и не интересуясь ни церковными разделениями, ни политическими взглядами и симпатиями своих пасомых. Это почувствовали даже инославные — старокатолики, лютеране и реформаты, которые стали посещать наши торжественные архиерейские службы, а также участвовавшие в скромных трапезах (агапах, как они их называли), устраиваемых владыкой Сергием после богослужений в воскресные и праздничные дни в своей квартире.

Так популярность владыки Сергия росла и ширилась не только среди православных, но и среди католического и протестантского мира.

Почти четверть века тому назад, когда экуменическое движение в церковном мире еще только зарождалось, владыка Сергий как-то интуитивно чувствовал его важность и прокладывал пути для его развития, провидя широкое стремление к единению, охватившее в наше время церкви всего мира. Переходя к характеристике владыки Сергия, как архипастыря и человека, не знаю, о чем сказать и о чем умолчать — так много возникает всевозможных воспоминаний, связанных с его светлой личностью. Прежде всего, покойный Владыка был мало похож на всех современных ему архиереев: крайняя простота, скромность в личной жизни, простота и сердечность в обращении со всеми окружающими, глубокая религиозность и молитвенное горение без всякой внешней, показной набожности.

Я имел радость принять рукоположение в сан священника от его многоблагодатной руки, и мои первые шаги и службы проходили под его личным наблюдением и руководством, несмотря на наличие в составе нашего причта старых и опытных священнослужителей — архимандрита и протоиерея. В течение целой недели я каждый день служил утреню и литургию, имея своим прислужником рукоположившего меня архиерея*: он, как простой пономарь, сам раздувал и подавал мне кадило, предшествовал мне со свечой во время малых и великих входов, при отсутствии псаломщика читал и пел на клиросе и в то же время внимательно следил за каждым моим движением, чувствуя на себе ответственность за правильность священнодействий поставленного им иерея.

Сам же он неукоснительно служил каждую среду и пятницу, облачаясь как простой иерей только в фелонь и возлагая на себя малый омофор.

Но этим далеко не исчерпывается характеристика Владыки. Его духовный облик правильно и хорошо может понять, вернее сказать, почувствовать только тот, кто непосредственно сталкивался с ним в моменты тяжелых испытаний и невзгод: чужую болезнь и горе Владыка переживал как свое собственное, и я испытал и убедился в этом на примерах личной своей жизни и жиз-

* В рабочие дни никого из прислужников в алтаре не было.

ни близких мне людей. Здесь я должен сказать несколько слов о моей матушке Е.Г. В результате жизни в тяжелых условиях беженства, недостатка питания и полного отсутствия жиров моя матушка, еще в молодости страдавшая туберкулезом легких, к концу последней войны заболела костным туберкулезом в тяжелой форме, с открытыми гнойными ранами. В таком положении больше года она лежала в разных госпиталях, которые также, вследствие тяжелого положения в послевоенные годы, не могли предоставить больным нужного им питания. Больницы не имели совсем рыбьего жира, в котором так нуждались туберкулезные больные. Владыка же, неизвестно, какими путями, где-то разыскивал этот жир и приносил для больной матушки. Я уже не говорю о том, что он очень часто, как Дед Мороз неожиданно, приходил к нам со своим неизменным мешком и выкладывал оттуда всякие лакомства, о которых мы не могли даже мечтать. А один раз, совершенно неожиданно, пришел со своим секретарем Аркадием Петровичем Струве с неизменным своим мешком в день ангела моего внука Аркадия и также стал выкладывать на стол перед постелью больной матушки разные сладости. Он с глубочайшей искренностью хотел как-то развлечь и доставить радость больной и все повторял: «Вот и хорошо, нас три Аркадия» (Владыка в миру также носил имя Аркадий). Кажется, в это же приблизительно время, когда матушка особенно плохо себя чувствовала, Владыка совершил вместе со мною таинство елеосвящения. С тех пор матушка понемногу стала поправляться. Разве можно забыть эти минуты и эти в высшей степени трогательные жесты Владыки! Они врезались в нашу память на всю жизнь и никогда никем из нас забыты не будут. Поистине, это был милосердный самарянин, в самом высшем понимании этого имени.

И все это не только в отношении матушки. Нет, он знал всех больных и голодных и неизменно являлся к ним со своим мешком, чтобы хоть чем-нибудь порадовать больного. А приходя к нему, прежде всего служил краткий молебен. Посещая больного в госпитале, Владыка всегда приносил с собой иконку, ставил ее на ночном столике и тут же служил краткий молебен, не стесняясь присутствием десятков больных католиков в общей пала-

те. А когда моей матушке было позволено выходить на воздух в сад при госпитале, он навещал ее и здесь, также каждый раз служил молебен, прикрепив иконку к одному из деревьев сада.

Видя выздоравливающего больного, Владыка торжествовал, и глаза его светились несказанной радостью. Я лично наблюдал его в эти минуты и никогда их не забуду — так это было необыкновенно и трогательно.

Отдавая должное внимательному и добросовестному лечившему мою матушку персоналу госпиталя «Barmherzige Brüder», я глубоко верю, что раны ее зажили и она поправилась и осталась в живых только молитвами владыки Сергия, поистине святого человека в нашем земном понимании.

Я рассказываю о приснопамятном Владыке только то, что видел собственными глазами, и могу поручиться своей священнической совестью, что таким он был по отношению ко всем, кто нуждался в помощи, внимании и ласке. Если бы кто спросил, что или кого более всего любил Владыка, я скажу, положа руку на сердце, — он более всего любил больных, несчастных и обездоленных.

15 декабря 1968 г.

Людмила Драймунд

* * *

Мой отец, протоиерей Михаил Гольдбредке, в своих воспоминаниях о приснопамятном архиепископе Сергии дает подробную характеристику нашего дорогого, незабвенного Владыки. Я хочу со своей стороны привести несколько фактов из моих личных воспоминаний о нем.

Когда Владыка в 1946 году в первый раз посетил нашу семью, меня поразило необыкновенное выражение его добрых, ласковых глаз, таких молодых по сравнению с сединой его уже довольно преклонного возраста. В его взгляде было столько живости, энергии и вместе с тем столько доброты и любви! Поистине, вся его необыкновенная душа светилась и отражалась во взгляде его замечательных глаз!

Владыка довольно часто посещал нас, не только по приглашению, когда мы его ожидали и по мере возможности старались приготовить хоть скромное угощение, но бывало, что он приходил совершенно неожиданно, попросту.

Один раз, помню как сейчас, я была нездорова, у меня от плохого, недостаточного питания появились один за другим нарывы, фурункулы — очень неприятное и мучительное явление. Один такой нарыв как раз появился на лице, над правым глазом. Я лежала в постели с повязкой на глазу и с ужасной головной болью, как вдруг слышу стук в дверь, иду открывать с мыслью: «Кто это может быть — никого не хочу видеть!». И вдруг что я вижу — перед дверью стоит Владыка! Я страшно смутилась и растерялась, что в таком непрезентабельном виде попалась на глаза Владыке. А он, войдя в комнату, первым делом спросил: «А что это у вас голова завязана?» (это его буквальные слова). Я объяснила Владыке мое заболевание, и он сейчас же напра-

вился в передний угол к иконам и стал усердно молиться о выздоровлении рабы Божией Людмилы. Я была до глубины души тронута его участием и его молитвой. Нарыв над глазом прошел гораздо скорее, чем все другие, бывшие раньше, и в скором времени я совсем выздоровела, нарывы прекратились.

Владыка очень хорошо относился к нашей семье. Мой отец подробно описал, как он заботился о моей больной маме, как он молился, как приносил всевозможные лакомства в своем неизменном черном мешочке.

Но не только это, он даже постарался достать мне и моей маме несколько платьев и костюмов, т.к. видел, насколько бедно и плохо мы были тогда одеты. Причем платья были мне и маме как раз впору; значит, Владыка, доставая эти вещи, имел в голове наши размеры, значит, он постарался заметить величину наших невзрачных фигур. Какой еще архиерей стал бы заниматься размером женской одежды!

Очень любил Владыка и моего маленького сына Аркадия, которому тогда было около четырех лет. Он всегда приносил ему что-нибудь вкусное, гладил по голове, ласково разговаривал с ним.

Здесь я хочу рассказать об одном случае, который я никогда не забуду. По воскресеньям Владыка всегда многих приглашал к себе на чай, в том числе и меня с моим маленьким Адиком. По окончании воскресной литургии все мы шли к нему или ехали на трамвае, а моего маленького Адика Владыка почти всегда брал с собой в свою машину.

Конечно, для Адика это было невообразимое счастье — ехать с Владыкой в авто! Малыш всегда выбегал вперед и с блестящими глазами ожидал, когда Владыка выйдет из церкви и позовет его в машину. Один раз случилось так, что Адик стоял совсем впереди, но Владыка прошел мимо, сел в машину и поехал. Адик остолбенел — он не мог понять, как это могло случиться, что его не взяли! На его личике было такое отчаяние, такое горе, и уже полились неутешные слезы. В это время Владыка из окна отъезжающей машины еще раз благословил провожавших его верующих, Адик горько плакал... Вдруг машина, уже отъехавшая примерно 20-30 метров, остановилась,

шофер Владыки вышел, побежал обратно к церкви и позвал Адика: «Иди, тебя епископ зовет!».

В один миг для моего маленького Адика мир снова стал прекрасен. Надо было видеть, как быстро он очутился около шофера, который и посадил его в машину к Владыке. Во время чаепития Владыка сказал мне, что он просто не заметил Адика, т.к. тот стоял уж очень впереди: «Я его увидел только уже из окна машины, ну как же я мог его не взять — мне его так жалко стало: глазенки полные слез» (это приблизительно слова Владыки).

Этот трогательный случай как нельзя лучше характеризует любвеобильную душу Владыки. Он не мог пройти мимо человеческого страдания, мимо слез, будь это только слезы маленького обиженного ребенка, он сейчас же старался сделать все от него зависящее, чтобы облегчить страдание, унять слезы...

Помню также, как Владыка на Рождество устраивал в своей квартире елку для детей и сам раздавал подарки. Навсегда останется в моей памяти, как Владыка своей благодатной рукой в 1949 году крестил моего второго сына Виктора и как он в нескольких словах своего пожелания счастья новокрещеному младенцу Виктору указал на значение его имени — победитель — и пожелал ему всегда и во всем, что только он будет предпринимать в своей жизни, оставаться победителем. Виктор, не зная его, гордится тем, что был крещен архиепископом. Аркадий, которому теперь уже 25 лет, еще немного помнит Владыку. Я же никогда не забуду владыку Сергия: он был единственная в своем роде, светлая личность — как архипастырь, так и человек, его святительский образ всегда будет жить в моем сердце.

3.

Памяти архиепископа Сергия

Еще летом 1952 г. были получены сведения о тяжкой болезни архиеп. Сергия, но затем стало распространяться известие, что он будто бы выздоровел и был отправлен на Кавказ для полного выздоровления. Но сведения эти были обманчивы — болезнь архиеп. Сергия (рак) была неизлечима. И вот пришло печальное известие о смерти Владыки (18. XII. 1952 г.).

Все, кто жил в Праге или даже случайно побывал там, знали архиеп. Сергия — и все, кто его знал, его любили. Он умел объединить вокруг себя самые различные элементы русского эмигрантского общества — от крайних правых до крайних левых, и достигал он этого не каким-то особым дипломатическим приемом, а только тем, что он ко всем людям был *доброжелателен.* Эта его доброжелательность, вообще свойственная его характеру, светилась у него чисто евангельской добротой: для него все были братья во Христе, все были близки и нужны. С чисто русским гостеприимством он собирал вокруг своего чайного стола всех, кто к нему приходил. Странно было встречать у него за столом людей, которые вне этого друг с другом не разговаривали. Но приветливость архиепископа Сергия покоряла все сердца, никто не мог остаться равнодушным к нему, все поддавались тому обаянию, которое излучалось от него. Усердный молитвенник, всегда настроенный возвышенно, архиеп. Сергий отличался редким даром простоты, той духовной, столь трудной для обычных людей простоты, которой совершенно чуждо все ходульное, внешнее, притворное. В любви архиеп. Сергий никогда не сомневался — оттого все и шли к нему в уверенности, что найдут отзывчивое внимание и сердечную ласку.

Жизненный путь архиеп. Сергия (1881-1952) был не легок. В написанной им самим автобиографии читаем о том, как трудно складывалась жизнь в его семье — отец его скончался, когда ему было всего 3 месяца, на руках матери осталось шесть детей. Получив начальное образование в городском училище, мальчиком архиеп. Сергий поступил в ближайшее учебное заведение, каким оказалось духовное училище (в г. Дмитрове Московской губернии). 15-ти лет он поступает в Вифанскую семинарию (близ Троице-Сергиевской Лавры), в 21 год поступает в Московскую Духовную Академию. «По окончании Академии я поехал, — пишет архиеп. Сергий, — в гости к своему другу, который был тогда наместником Яблочинского монастыря» (в Холмской епархии). Встреча с епископом (будущим митрополитом) Евлогием привела к решению остаться в монастыре, и 26-ти лет от роду будущий архиеп. Сергий принял монашество в том же Яблочинском монастыре; сорока лет он уже стал епископом. В 1922 г. епископ Сергий (в связи с вопросом об автокефалии Польской Церкви) был удален из Польши и попал в Чехию, где оставался до 1946 г. как викарий митроп. Евлогия. В 1946 г., уже в сане архиепископа, архиеп. Сергий был перемещен в Вену, позже был вызван в Москву с назначением в Казань, где оставался до конца дней своих.

В духовном облике архиеп. Сергия надо отметить его совершенно исключительное внимание к людям, интерес к их внутреннему миру. Он умел подходить к каждому человеку с искренним и подлинным вниманием к его индивидуальным чертам; можно сказать, что архиеп. Сергия прежде всего и больше всего интересовали люди. Даже при случайных встречах он стремился ближе подойти к человеку, уяснить себе, чем он живет. Этот интерес к индивидуальности человека, соединенный с подлинной благожелательностью ко всем, открывал архиеп. Сергию путь к каждой душе. Он как бы уже заранее любил того человека, который попадался ему на его пути, — и это все чувствовали и, конечно, сами отзывались любовью. Характерен для архиеп. Сергия был его *христианский оптимизм*, его неутомимая вера в добро; он умел во всем находить элементы добра, умел чувствовать во всем «благобытие», как он любил выражаться.

Будучи строгим монахом, архиеп. Сергий любил в то же время чужой устроенный быт, чужую семейную жизнь; любил архиеп. Сергий принимать и у себя — на столе всегда кипел самоварчик, стол уставлялся разными вареньями, приготовлять которые архиеп. Сергий умел с большим искусством. Но это внешнее гостеприимство, всегда трогательное и искреннее, все же как-то тонуло в его духовной приветливости и любви к людям.

Кто знал архиеп. Сергия, тот никогда его не забудет. Светлая память о нем остается живым памятником той высокой духовной жизни, какой жил, какую неутомимо насаждал вокруг себя архиеп. Сергий. Господь да упокоит его светлую душу в недрах Авраамовых!

Вестник Р.С.Х.Д. (Париж), № 26 (1953).

Прот. Александр Ребиндер

К 20-летию со дня кончины (5/18 декабря 1972)

В миру Аркадий Дмитриевич Королев. Родился 18 января 1881 г. По случаю тяжкой болезни был матерью обещан на службу Богу. По окончании Московской Духовной Академии постригся в монахи в Св. Онуфриевском монастыре Холмской епархии, великом не только религиозном, но и культурном центре православной Холмщины. В 1914 г. мы видим его настоятелем монастыря и архимандритом. А вернувшись на Холмщину после войны, указом патриарха Тихона он назначается епископом Бельским, викарием Холмской епархии с поручением управлять ею. Хиротония состоялась 17 апреля 1921 г. в соборе Виленского Св. Духовского монастыря — древнего и неизменного оплота Православия в Западном крае.

Вскоре пришлось новому епископу начать борьбу за каноническую правду. Польское правительство, в целях удобнейшего подчинения себе Православной Церкви в Польше, стремилось навязать ей автокефалию. Два епископа это поддерживали, четыре же — архиепископы Владимир, Елевферий, Пантелеймон и епископ Сергий — отстаивали законную связь с Московским Патриархом. Первый удар правительства был по младшему епископу Сергию: его вызвали из монастыря и попросту предложили перейти через границу в Чехословакию.

Приехав в Прагу без денег и без знакомых, Владыка добрался кое-как до Св. Николаевского храма (где совершались русские богослужения) и поручил себя заботам Святителя. Случайный прохожий заинтересовался одинокой фигурой священника, отвел его к русскому представителю Р., который Владыку и устроил: нашел ему квартиру, где ему суждено было прожить около четверти века.

Так начался главный период жизни Владыки — тот, с именем которого он вошел в историю Церкви, — пражский.

Квартира Владыки сделалась центром русской колонии в Праге. Кто только там не перебывал. Всякому во всякое время двери были открыты. По четвергам Владыка принимал. На столе кипел самовар. Стол был уставлен печеньями и многоразличными вареньями, часто собственного Владыкина приготовления или из им самим собранных ягод. Кто-кто только не бывал на этих приемах! Проживавшие в Праге, проезжие, все попадали к Владыке, и каждого Владыка умел принять и угостить и обласкать. К тому же и обучал он всех незаметно великому искусству спасения души. Главным орудием спасения души Владыка считал христианское взаимообщение и благожелание. Он учил, что человек, предоставленный самому себе, в одиночестве, сам от себя скрывает свои недостатки и уже поэтому бывает неспособен с ними бороться, тогда как общение с ближними их вскрывает и, сталкивая недостатки одних и других, помогает исправлять. Таким образом Владыке удалось воспитать в своей пастве большое единодушие и взаимное благожелательство.

Другим методом воздействия Владыки на его паству было богослужение. Строгий и требовательный любитель уставного богослужения, ясного и правильного чтения, Владыка умел заразить этой любовью близких ему людей. Не имея вокруг себя многочисленного духовенства (одно время у него был только диакон, долгое время — только его несравненный сотрудник и друг, иеромонах, впоследствии архимандрит), Владыка умел создавать торжественные архиерейские службы при помощи только прислужников. Этим он попутно внушал любовь к Церкви этим юношам, из коих некоторые впоследствии посвятили всю свою жизнь Церкви, трудясь как священнослужители. Школа владыки Сергия очень ценилась в те годы на Сергиевском подворье.

В эмигрантских условиях Владыке приходилось иногда проявлять много инициативы в богослужениях. Он призывал к тому же своих сотрудников. «Проявляйте творчество, — говорил он им, — но не вносите отсебятины». Отсебятиной Владыка назы-

вал изменения, противные духу обряда и потому мешавшие ему.

Так прожил Владыка много лет: сначала благополучных, потом, во время войны, более беспокойных. После войны, попав, как и вся центральная Европа, под управление Москвы, Владыка был переведен сперва в Вену, потом в Берлин и наконец в Казань. Здесь ему суждено было быть недолго. Смертельный недуг прекратил его жизнь. Но и за краткое время архиепископ Сергий успел стяжать любовь тамошнего церковного народа.

На похоронах его многие плакали, сильнее всех, и это особенно трогательно, плакали мальчики — его прислужники.

Дмитрий Пронин

* * *

В воспоминаниях о владыке Сергии много сказано о характере, жизни, отношении к людям и другом. Добавим еще о некоторых моментах его жизни.

Кроме молитвы он стремился к общению с людьми. Многие бывали у него, у многих бывал он. Но этим не удовлетворялся. Часто, особенно во время богослужений, он, замечая незнакомых лиц, говорил: «Что это за люди, почему они не приходят ко мне? Дайте адреса их — пойду к ним». Давали, и он навещал и беседовал с незнакомыми. Когда ему предлагали большую квартиру (Владыка ютился в небольшой комнате, сплошь заставленной) вдали от центра Праги, он отказывался, опасаясь, что за дальностью расстояния многие не смогут к нему приходить. Предполагая, что некоторые стесняются беспокоить его на квартире, а также внимая просьбам основать обитель, Владыка открывает Николаевское подворье — молитвенно-миссионерский центр. Благословляет нанять большую квартиру, не имея для оплаты ее специальных материальных средств (заботу материальную берет на себя). Служит молебен, освящает ее.

После каждого богослужения, а иногда и в другое время приходят он и другие сюда. Кратко помолясь, за чашкой чая, которым любил угощать для уюта, происходило общение между присутствующими. Два раза в неделю, по средам и пятницам, вечером Владыка служил акафист, потом после чая вел беседы о подвиге общения, благобытии и на другие темы. Впервые эти беседы (они были записаны матушкой Васнецовой незаметно от Владыки, а затем уже даны ему для просмотра и благословения их напечатать) были напечатаны в Печерском монастыре маленькими книжечками. Затем переиздавались в других местах,

печатались в журналах, а в 1957 г., к пятилетию упокоения Владыки, благодаря материальной жертвенности почитателей усопшего, они были собраны и изданы отдельной книгой, чтение которой многим дало ценное духовное приобретение и душевное утешение.

В двунадесятые праздники и другие знаменательные дни владыка Сергий в мантии шествовал с духовенством, сопровождаемый богомольцами, из храма на подворье, где после молебна происходило общение за чашкой чая. Много людей перебывало здесь, получая доброе чувство общения и утешения.

Нельзя не вспомнить традиционных розговин в храме св. Николая. Особенно Владыка заботился о приезжающих из окрестностей и провинции, которым приходилось после торжественного богослужения Светлого Христова Воскресения оставаться на улице в ожидании автобусов или поездов, так как вокзалы, кафе, рестораны в это время были закрыты. И вот — вместо томительного ожидания — перед ними появлялся в самом храме стол с разнообразными пасхальными яствами, а также — кипящим самоваром. Владыка после строгого поста разговлялся крепким, горячим чаем. Лица стоявших в храме оживлялись (а их было около 120 человек), все разговлялись за общей трапезой, после коей, расходясь, сердечно благодарили Владыку за заботы о них. Всю материальную сторону по устройству розговин он брал на себя, привлекая своих почитателей к хозяйственному труду.

Несколько раз просили Владыку учредить сестричество, но он просил указать сестер. Их не было, сестричества не основывал. Зато имел незаметных тружеников, которые несли послушания, иногда довольно сложные.

Владыка очень почитал Святителя Николая Чудотворца, к которому всегда обращался за помощью. Так, когда во время войны предполагал осуществить роспись стен кладбищенского храма, что в течение многих лет не удавалось сделать, начал это дело без материальных средств, отслужив молебен своему покровителю-помощнику Святителю Николаю.

* * *

Те, кто жил в «Золотой Праге», помнят Старо Место, памятник Яна Гуса с заветом «Говорите всегда правду», храм св. Николая в стиле барокко с широкой лестницей в сторону Влтавы и богослужения владыки Сергия.

Изгнанный из Польши, Владыка приехал в 1921-м году в Прагу. Прага становилась в это время средоточием русской мысли за рубежом. Более трех с половиной тысяч русских студентов, число которых после возросло до семи тысяч, профессора, литераторы, Русский Юридический Факультет, множество всяких культурных начинаний, организаций, издательств, курсов наполняло старинный, средневековый славянский город. Среди шума, суматохи и суеты из храма св. Николая слышались церковные песнопения, мерцали свечи и звали на молитву. Храм был всегда переполнен. Молящиеся стояли порой на паперти, на лестнице.

Мне пришлось пережить в Праге очень тяжелые дни после трагической гибели моего младшего брата. Я находился в состоянии, близком к полному отчаянию, и кто меня остановил, морально поддержал и помог в эти минуты — это был владыка Сергий.

В своих беседах он учил: «Человеку поставлена задача отражать славу Божию, Свет Христов... Зафиксированный луч неба, павший на землю, прошедший через человека и засиявший в нем силою благодати Божией, зовущий и привлекающий к себе людей, излучается снова и идет на небо».

Мне кажется, что он и был таким лучом.

Летом 1945 года советская армия заняла Прагу. Я пробирался через Чехию на Запад. В Праге, в которой не бывал уже почти двадцать лет, пошел на могилу брата на Ольшанском кладбище. Помолившись на могиле, вошел в кладбищенскую церковь. Служил владыка Сергий. Было много советских военных и не видно знакомых пражан. После богослужения прикладывались ко кресту. Бледное, утомленное было лицо Владыки, и взор какой-то остановившийся. Когда я подошел, глаза его оживи-

лись — он узнал меня и, отняв руку от креста, молча благословил. Около него стояли какие-то незнакомые лица, один в облачении священника, другой в форме военного. Мне казалось, что следят за каждым его словом и движением, и не за себя он опасался, а за меня. Взор, оживившийся, опять принял прежнее безразличное выражение.

Его вызвали в советскую Россию, назначили в Казань, Там он скончался в 1952-м году. В сборнике бесед Владыки, изданном в Париже к пятилетию его кончины, сообщается: «На воскресенье 21 декабря (1952), день погребения, храм в течение всей ночи был открыт, народ шел и шел... С пяти часов утра уже нельзя было пробраться в церковь: все пространство в ограде и площади за ней было заполнено народом. Слезам не было конца».

Светильник погас...

Вернее, луч, «зовущий и привлекающий к себе людей», ушел опять на небо.

К. Киселева

* * *

Владыку Сергия я знала, как мне сейчас кажется, всю свою сознательную жизнь. Во всяком случае, с ранней юности, а она была, наверное, как у всех, кипучая, полная разных впечатлений, личных переживаний, а в памяти сохраняется совсем не только самое хорошее, значительное. И потому сейчас Владыку вспоминаю лишь в тех эпизодах, которые лишь особенно глубоко запали в душу мою.

Это было в конце 20-х годов. Я жила в Печерах, тогда еще окраине Эстонского государства. Была я членом гимназического движенческого кружка. В Печерском монастыре готовились устроить общий съезд Р.С.Х.Д. Помню, как мы радовались, что приехавшие с далекого Запада владыка Сергий Пражский и о. Сергий Четвериков из Парижа трепетно переживали для нас обычную печерскую действительность, которая была для них частью прежней России. Помню, пришел издалека крестный ход, ходивший к Елиозарьевскому монастырю (Печеры от Пскова отстояли приблизительно на 40 км.). Люди запыленные, усталые несли тяжелые иконы (например, чудотворные иконы Печерского монастыря; икона Божией Матери весит 28 пудов, несут ее 8 человек, в четыре ряда — на носил -ках!). Мы стоим на околице нашего города. Встречаем. Помню, как Владыка пал ниц на землю, слезы текли по его лицу. Как пел он с народом молитвы... Впервые я поняла тогда, что обыденное, привычное, что меня окружает, приехавшим с Запада русским людям кажется *святым* бытом. И я впервые почувствовала себя счастливой, что живу около монастыря...

Вспоминаю Владыку уже в городе Тарту (тогда он еще у нас назывался Юрьев), где я училась в университете. Помню его у

нас на собрании в движенческом кружке и в доме у доктора Бежаницкой. В сердце запали его беседы, его умение создать такую непринужденную обстановку, такое доверие не только к нему, но и друг к другу. Всегда вокруг Владыки было всем легко и просто...

Чувство благоговения к Владыке пришло у меня не во время его служения в храме, хотя служил он проникновенно и его всецелая отданность богослужению была явно ощутима, но тогда, когда произошел следующий случай. Стало известно, что член нашего кружка, студент наук естествоведения Дима Желнин — милый, добрый юноша, давно уже переписывающийся с Владыкой, решил постричься в монахи, получил на это благословение от Владыки, но предварительно он должен был пройти послушание у него келейником в Праге. Родители, сами глубоко религиозные люди, зная серьезное намерение сына, не препятствовали.

Были трогательные проводы. Дима уехал. Однако, не помню срока, но Дима вернулся и стал продолжать учиться в университете. Через Диму мы узнали теперь личную жизнь Владыки. Аскетическую, с людьми — приветливый, даже веселый, оставаясь один, он замыкался в своей комнате-келье и в общении с Димой был малоразговорчив и явно стремился к уединению. Пожив в такой обстановке, Дима затосковал и почувствовал, что он монахом быть не способен. Владыка с любовью, благословением отпустил своего келейника домой.

Годы шли. Наступила вторая великая война. И я, уже жена священника с двумя детьми, очутилась беженкой в Берлине. Узнала, что владыка Сергий по-прежнему живет в теперь оккупированной немцами Праге. В Берлине многие русские люди, которые знали и любили Владыку, молились Богу, чтобы Господь охранил его от концлагеря, расстрела, так как знали решимость Владыки в защите гонимых. А время было трудное, суровое. Однажды Владыка приехал в Берлин. Велика была моя радость увидеть его такого же, как он был и раньше, но постаревшего, поседевшего.

Я у него говела. Помню, на исповеди говорила ему о том, что тогда меня мучало: почему с другими людьми я иногда могу и стерпеть от них обиды и даже способна оставаться спокойной

при этом, а с собственными детьми (тогда еще маленькими, милыми детками) я нетерпеливая, неистовая, раздражительная, когда они меня не слушаются, а это часто бывает. Я рассказывала, что в одну из минут домашних неприятностей я заглянула в зеркало и увидела свое перекошенное злобой лицо, такое на себя не похожее...

«Ты такая и есть, какой увидела себя в зеркале, — сказал мне Владыка. — С другими тебе легко, потому что у тебя с ними поверхностные отношения. А детей ты любишь, но эгоистично. Хочешь, чтоб они у тебя были хорошими. А они тебе не подчиняются...» Владыка стал вдруг очень серьезным: «Не бойся за них. Не бери на себя ответственность за них. У твоих детей защита, опора — Бог! Неужели Он любит меньше детей твоих, чем ты?.. Знай это всегда! А сама иди путем спасения, не только ради себя, но для них. Иди сама, и они пойдут с тобою». Так это мне Владыка сказал, такое было у него лицо особенное, что эти слова стали для меня маяком на всю мою жизнь.

...Опять жизнь закружила меня, когда я, уже много лет спустя, была в Америке. Из Берлина получили мы письмо, в котором писали о Владыке, что он находится в Советском Союзе, в Казани. Владыка оттуда написал в Берлин, сообщая, что служит там в кладбищенской церкви. Но приехавший в Берлин из Советского Союза архиерей, владыка Борис (ныне уже покойный), в разговоре выразил свое сомнение, что владыка Сергий в Казани, и посоветовал послать ему письмо от человека с редким именем, но которого Владыка сразу узнает, чтоб не могло за него ответить КГБ. И вот друзья мои берлинцы попросили разрешения послать от моего имени письмо (а имя мое, Каллиста, — имя редчайшее).

Письмо Владыке было послано, но не от нас, а с припиской о нас: «Каллиста с семьей просит благословения на жизнь их». На это Владыка ответил: «Благословляю Александра, Каллисту и чад их на жизнь на новом месте».

Сомнений ни у кого не было. Владыка ответил сам и даже почувствовал, где мы. Так, по воле Божией, вышло, что мы уже из Советского Союза получили еще раз благословение от нашего дорогого, незабвенного Владыки.

Вечная ему память.

Прот. Александр Киселев

* * *

Хотел бы и я присоединиться к словам доброй памяти о владыке Сергии. Постараюсь описать два события.

Незадолго до начала второй мировой войны суждено было мне очутиться в Берлине, где я встретился с Владыкой, наезжавшим из Праги в Берлин по церковным делам. Узнав, что я еще совсем недавно в Ревеле (Эстония) был представлен митрополиту Сергию (Воскресенскому), в то время экзарху Московской Патриархии в Прибалтике, Владыка стал меня расспрашивать о подробностях и впечатлениях от этой встречи. Помню ту мою горячность, с которой я ему рассказывал, как, будучи вызван к нашему эстонскому митрополиту Александру и зная, с кем мне там предстоит встретиться, я трепетал, что увижу впервые епископа «страждущей Церкви российской». Он рисовался мне худым, изможденным, в поношенной ряске... Каково же было мое «огорчение», когда увидел я архиерея упитанного, в муаровой шелковой рясе...

Я обратился с просьбой к митрополиту Сергию защитить недавно арестованного в Эстонии Ивана Аркадьевича Лаговского — церковного деятеля, никакого отношения к политике не имевшего. Чем настойчивее я просил, тем настойчивее отвечал он одной и той же фразой: «Советская власть никого напрасно не арестовывает».

На основе этого ошеломившего меня впечатления делал я все заключения и выводы о современной Русской Церкви вообще. Долго слушал меня Владыка, много задавал мне вопросов, а я все «петушился», все осуждал «красную Церковь». Наконец промолвил и Владыка. Он говорил о вреде поспешных выводов, да еще на основе лишь ограниченных впечатлений, что внешнее

не всегда обязательно отражает внутреннее и что хорошо ли молодому священнику так пламенно судить архиерея... Как корил я себя несколько лет спустя, когда этот же митрополит Сергий, уже оказавшись на оккупированной немцами русской территории, вел себя героически — ни с немцами, ни с большевиками. Он был убит. Осталось неизвестным, кем именно. Но кто бы ни убил его, немцы или коммунисты, его смерть послужила к его славе: *независимый русский, православный* архиерей непригоден ни тем, ни другим.

Таким же независимым архипастырем оказался и сам наш тихий, скромный, мягкий, податливый владыка Сергий. Эти его качества отнюдь не были безволием, робкостью, качеством «чего изволите» перед сильными мира сего.

Помню, уже в конце войны немцы пригласили в Вену ряд выдающихся представителей разных христианских Церквей и предложили им подписать некую политическую антирусскую декларацию. Среди собранных находился и владыка Сергий, который счел этот документ сугубо политическим и недостойным опубликования его от лица Церкви. Он громогласно заявил свое мнение и отказ подписать документ. В те времена подобное заявление было более чем опасно. Однако представители власти были весьма любезны и заявили о праве каждого поступать, как он считает нужным, и с почтением, как и всех других, отпустили Владыку. Когда он вернулся в Берлин, то увидел немецкие газеты, опубликовавшие венскую декларацию, под которой красовалась и его подпись.

Духовный облик и внутренняя сила этого выдающегося русского епископа не может изгладиться из памяти тех, кто его хотя бы только видел. Будем желать, чтобы написанное им и изданное читалось потомками, через которых «Значение и сила слова» (название одной из напечатанных статей владыки Сергия) переливались бы из рода в род.

Воспоминания разных лиц

* * *

Большое спасибо за присланные воспоминания о владыке Сергии. Так радостно читать эти маленькие воспоминания и рассказы о таком прекрасном архипастыре, с такой большой и чуткой душой, каким был покойный Владыка. Приближается день его кончины, и мне хочется сказать, что особенно в этот день молитвенно будем поминать ушедшего святителя, хотя, как Вам раньше рассказывали, в нашем храме ежедневно на Божественной Литургии поминается за упокой имя епископа Сергия. Ведь в свое время наша община была в ведении митрополита Евлогия, а непосредственным епископом нашим был епископ Пражский Сергий. Навсегда памятными для меня и других, оставшихся в живых, будут дни его посещения нашей общины в 1936 году, 25-30 декабря. Всех он нас обласкал, подбодрил, интересовался всеми делами, даже мелочами нашей церковной жизни (община существует с 1926 г.). И вместе с тем такой простой, доступный и радостный был Владыка. Помню, что зима в том году была снежная. И вот однажды вечером Владыке захотелось покататься на санях. Вызвали извозчика, и поехал Владыка, как ребенок, радовался быстрой езде, большому снегу и сильному морозу. Около часа катался, а когда вернулся, был такой довольный и, шутя, командовал: «Ну, матушка, все что есть в печи — на стол мечи», и сам так весело, по-детски, смеялся. Были у меня и письма владыки Сергия, но все остались в Выборге и погибли при бомбардировке.

* * *

На панихиде у нас молились о упокоении владыки Сергия. Вечная память дорогому. Ведь я особо его помню, так как он спас меня от смерти, когда меня переехал грузовик. Я лежала в гипсе от шеи до пяток, страдала невыносимо, и только, когда Владыка пришел, меня пособоровал, я перестала страдать и теперь хожу, даже бегаю, но год ходила на костылях...

* * *

Вы думаете, что я могла бы написать воспоминания о Владыке. Я никогда ничего не писала и литературным талантом не обладаю. Много у меня на сердце любви, благодарности, восхищения и поклонения светлому образу его, но как это передать — не знаю и не умею. Тем более это трудно, что я не знаю, как пишут другие.

Много раз собиралась написать, да никак не выходит. С течением времени образ нашего незабвенного Владыки все ярче встает в сиянии святости и светит во все сгущающейся тьме вокруг нас. Воспоминание о нем, столь необыкновенном по любвеобильности, смирению, желанию войти во всю будничную жизнь и ее освятить, — умиляет и укрепляет душу.

* * *

Владыку Сергия встретил в первый раз в 1923 году в Студенческом Доме, куда он ходил, чтобы пообедать за 3.50 к.ч., так как нуждался. В 1923 году он крестил мою дочь Татьяну. Я принимал участие в борьбе за утверждение его главою Русской Православной Церкви Праги и всея Чехословакии. Все устроилось благополучно. Владыку Сергия я очень уважал и любил. Книгу *Бесед* читаю с большим духовным утешением. Еще раз большое спасибо.

* * *

Владыка был не только нашим духовным руководителем. Он был всегда с нами, в нашем быту, в нашей частной жизни. Приезжал в деревню, где мы жили. Шел с нами собирать грибы или чернику, участвовал в наших маевках.

* * *

Вся наша семья очень чтила Владыку. Мой сын, теперь уже почти пятидесятилетний человек, когда был мальчиком, не соглашался идти на экзамен, не побывав у Владыки и не получив его благословения. Летом я часто встречала Владыку в деревне Возницах, около Праги, где мы проводили лето на даче. Мы с ним ходили собирать грибы, я всегда была счастлива поделиться с ним добычей. Помню его приемы в Праге, когда он угощал пирогом с капустой. А раз, когда я пришла к нему, очень радовался тому, что может угостить меня розовым вареньем. Я не знала никого, кто бы так подходил, как он, к определению Спасителя в заповедях блаженства: «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Во Владыке было еще так много невинности и чистоты, несмотря на его большую мудрость. У него было столько молодого в душе, он так искренне, так по-детски смеялся, когда ему рассказывали что-нибудь смешное.

Владыка Сергий в Праге

Могила владыки Сергия в Казани

Из писем владыки Сергия

* * *

Хотел бы сказать Вам не только для спокойствия, но и по существу об одних и тех же решениях: можно спрашивать 10 человек, добрые советы можно получить, но конечное решение принимает сам, тем более когда это совершают на расстоянии и советующие не знают всего облика человека.

* * *

Я очень доволен своей поездкой в Финляндию. У меня и там завязались добрые связи. Господи! Сколько везде добрых людей.

* * *

Благословен Господь, устраивающий путь твой и приводящий тебя на Валаам. Радуюсь твоим первым впечатлениям от жизни в обители. Да поможет Господь сохранить их на дале. Святая обитель есть великое средство для духовного делания на пути нашего спасения. Трудно человеку одному спасаться в житейском мире, а здесь сколько спутников на этом пути. Конечно, они есть и в мире, но их путь трудно разгадать, а здесь они все налицо. Пришли сюда, чтобы очищать свое сердце, как через все уклады жизни, так и через взаимообщение, через взаимообмен духовными ценностями, побеждая в себе все греховное, разделяющее. Внешние условия не есть самоцель, а средство к постоянному очищению сердца от всего греховного. Причем очищение сие совершается помалу. Нужно идти не борзясь. Самое важное в духовном делании — это постоянство, которое свидетельствует о разумном, с помощью Божией, направлении воли. Исцеление слабости воли — это главное в борьбе с

грехом. Многие часто берутся за большие подвиги, а потом за перерасходом сил не делают и малого, спускаясь опять назад. Я знаю у тебя большой порыв ко Господу, но пусть это не будет только порыв, а закрепленное малыми деланиями постоянное устремление ко Господу, сопровождаемое очищением сердца.

* * *

Спешу принести Вам глубокую благодарность за выражение сочувствия в нашем горе, вызванном смертью дорогой «тетечки», которая последнее время стала уже «матерью», называя нас детьми своими. Мы в ней, а она в нас нашла близких людей, ценила это, признательно выражая свое благодарное чувство. Удивительный она была человек, сколько можно было у нее научиться, чтобы жизнь проходила без ненужных трений. Владыка митрополит Евлогий пишет, что много он видел на своем веку людей, а такой другой «тетечки» не видел. А как нежно она любила Адичка и всегда так трогательно вспоминала всех вас. И Адичка, как будто нарочно, приехал проститься с ней. Так быстро, хотя и не внезапно, она ушла от нас. За 3 ч. 50 м. до смерти я простился с ней, отъезжая в Хуст, и не подозревал такой быстрой кончины.

Посылаю Вам памятку о ней, ибо Вы один из тех «Vyzokych hodnostarzej v cizich zemlech» (высокопоставленных людей в чужих землях), которых она носила в сердце своем. Она создала дело не только для себя, но и для того народа, к которому принадлежит. Память о ней будет светлым лучом в той жизни, в которой Господь судил нам провести с ней столько лет.

* * *

Дорогой батюшка о. Иоанн,

Вы собираетесь в путь далекий, и хочется сказать Вам, выразить свои чувства любви и благодарения за все прекрасное, что пришлось испытать в общении с Вами. Беседы наши были не часты, но Вы так много беседовали, и все, что Вы говорили, было так созвучно моему настроению. Ведь в делах церковного управления все было в один тон. За все, за все хочется поблагодарить Вас с благодарностью Господу, давшему нам радость

знать, видеть Вас. Да воздаст же Вам Господь за тот свет, тепло и радость, которые Вы несли с собой. Ведь все это не просто дается, а это есть стяжание Духа Святого, что бывает в результате подвига и борьбы, — христианское делание.

Да укрепит Господь Ваши силы во славу Святой Православной Церкви, да несется свет святого Православия до пределов здешнего материка, да славится через Вас имя Божие, и нас, озаряемых светом веры и молитв Ваших, которых усиленно прошу и о мне грешном.

От полноты сердца, с любовью.
Епископ Сергий

1944

* * *

Сегодняшний день 25-летия архиерейства прошел тихо. После обедни увидел на столике «золотое облачение», и, когда вышли на отпуст, о. Михаил приветствовал и от прихода поднес сие облачение работы матушки Васнецовой. Облекшись в мантию, я при поднесших освятил его и здесь же надел на себя, а потом отслужил благодарственный молебен, на котором помянул посвящавших меня с возглашением им многолетия, а святителю Елевферию вечную память.

[1946]

* * *

....Рад, если Господь укрепит Вас в мысли о внутреннем делании — стяжании света в сердце своем, что может происходить всегда и в обстановке нашего внешнего делания, которое является средством стяжания света в сердце, преодолением каждый раз всего темного на нас, в данный момент находящего. Читайте все, что есть у еп. Феофана.

Наша жизнь в общении с другими есть способ выявлять в себе, что есть у нас темного в сердце, и сие преодолевать. А посему не следует искать специальных «уединений» и специальных «общений», а брать то, что Господь дает в данный момент к стяжанию вечности, которое нам благо на данный момент.

7 июня 1946 г.

* * *

С новосельем не решаюсь Вас поздравить, могли бы принять это за иронию — но это по-мирски. Вы же, по-видимому, усвоили точку зрения духовного восприятия мимотекущей действительности, иначе говоря, под углом зрения вечности, как средство ее стяжания — того, что ниспосылается нам как «узкие врата» для спасения нашей души. Если мы будем смотреть на этот момент не как на случайный этап нашей тяжести, а как на средство стяжания христианских добродетелей — терпения, смирения, кротости, благодушия, то этот котел человеческих строителей совместного сожительства потеряет остроту своего действия на нас. Мы уже не будем вариться в нем, а используем как лечебное средство для нашей души — изъятия из нее тех заноз, которые отравляют наше совместное житие. А кто же не хочет себе добра? Этой налегающей тьме страстей — раздражение, враждебность и пр. — противопоставь свет христианских добродетелей, которые в себе самих несут благо, ибо идут от источника благ Господа. Собери (т.е. прояви волю и добро — сие несет творчество) светление мысли (которое коснется сердца), и этим светом осветится темный уголок и рассеются в нем все страхи, сердце приобретет мир, который ниспошлет источник мира Господь — по просьбе к Нему — по словам Его — «просите и дастся вам».

Да, молитва матери сделала в свое время из юноши блаженного Августина. Конечно, Господь сам сделает, что нужно, а от нас Он хочет молитвы. Ибо сама молитва воплем души ко Господу приближает наше сердце к Нему, очищает его (это самое главное), и по Своему милосердию Господь соделает во благо просимого, которое не всегда совпадает с благом нашей собственной мерки.

* * *

Из беседы владыки Сергия на Свято-Николаевском подворье в среду вечера недели ваий 12/25.IV.45 после акафиста в церкви Страстям Господним (Запись)

Современные события заставляют нас заглянуть в свое сердце. Ими Господь зовет нас к Себе, а мы не обращаем внимания. Основные события нашей жизни — не внешнего, а внутреннего порядка. Через внешние катастрофы Господь являет нам Свою правду, наказующую за грех отпадения от Него, от Его заповедей.

Правда эта — обратная сторона, это любовь, защищающая свое благо. Господь — единый Хозяин всех внешних дел и событий. Своим правосудием Он защищает наше благо. Господь не может не желать блага для людей, а люди восстали против Него, против Творца блага жизни людей. Господь хочет возвратить если не всех, то тех, у кого открыты глаза, на путь блага, на путь истины. Священное Писание — это история Правды Божией, несущая возмездие за грех отступления от блага людей. Этот закон правды был дан уже в раю. когда люди нарушили свободное сочетание с Богом (Богоподобие).

Два выступления владыки Сергия

Слово о единстве Церквей высокопреосвященного Сергия, архиепископа Венского, по радио в г. Вене 4 октября 1947 г.

Православная Церковь за каждым богослужением на великой ектении молится «о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих Церквей и о соединении всех». В этом молении Православная Церковь в своей любви обнимает все церкви, исповедующие Христа своим главою. молясь об их благом стоянии, ибо Церковь — дом Божий (1 Тим. 3,1), за стенами которого верующие во Христа защищаются от зла мира, которое хотя и проникает в их среду, но не касается самого существа Церкви, имеющей печать сию: «позна Господь сущие своя и да отступит от неправды всякий исповедующий имя Господне» (2 Тим. 2,19).

Церковь как тело Христово имеет целью освящать своих членов, приводить их к святости чрез святость своего Главы — Христа. Христос Спаситель как источник всякого блага, соединивши в Себе верующих и по молитве их к Нему, дает благое стояние и святым Божиим Церквам.

Исполняя заповедь Христа Спасителя, которая есть и закон жизни ко благу людей: «да будут вси едино, яко же Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Иоан. 17,21), Церковь молится о соединении всех — дабы стали единым целым, ибо, утратив чрез грех свое единство и распавшись на самостные человеческие организмы, человеческое общество чрез сие потеряло и свое благобытие. В творческом преодолении этой разделенности, чрез внутренний подвиг жертвенной любви, и будет достижение этого искомого единства, которое есть высшее благо как для единиц, так и для целого.

Необходимо подойти друг ко другу с открытым сердцем и чистым намерением усмотреть и воспринять все соединяющее, а

сего так много в каждом, ибо все созданы по образу и подобию Божию. Идя по внутреннему притяжению добра, силою его преодолевая все отталкивающее, греховное (самолюбие, самость, горделивость, зависть и проч.), мы достигнем того единства во Христе, которое очищенному во Христе сердцу приоткроет тайну ведения Истины, заключенную в Святой Троице как высшем откровении Божественной любви, откроет не только как отвлеченный идеал, но и как необходимый закон жизни, ведущий людей к их благобытию. К выявлению этой тайны Божественной жизни на земле призываемся и мы на литургии перед освящением Святых Даров — в благодарении за искупительную жертву Христову, жертву любви для спасения людей: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы, Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную».

Слово архиепископа Берлинского и Германского Сергия в берлинской Князь-Владимирской церкви после всенощной 10 июня 1950 г., на неделе всех святых, в земле российской просиявших*

Сегодня празднуем мы память всех святых, в земле нашей Российской просиявших. Сейчас, когда мы читали канон, их памяти посвященный, в котором очень и очень многие из них перечисляются поименно, перед нашим мысленным взором, можно сказать, прошла вся наша русская история, в особенности — *церковная* история, и мы видели, что во всех званиях и состояниях, во всех возрастах и положениях. во всевозможных, даже и самых, так сказать, невозможных обстоятельствах сохраняли русские люди верность Богу и Его заповедям. Отсюда для нас должно быть ясно, как неправы те, кто ссылается на

* Воспроизведено по памяти.

разные трудные обстоятельства или особенности своего положения в какое-нибудь данное время для оправдания своей духовной нерадивости и погруженности только в земные интересы, мелочные и случайные. Сам Господь сравнивал Слово Свое с семенем, которое Он сеет на ту или иную почву сердец человеческих. И именно от состояния этой почвы, а не от того, в которую сторону над ее поверхностью дуют ветры, зависит та или иная степень возможности для семени Христова Слова прорасти и принести плод. Плод, верный спасительного сеяния Христова, принесла Господу наша русская земля, и на примерах бесчисленного множества святых сородичей наших можем и должны мы учиться, как взращивать нам в себе семя Слова Божия, чтобы не пропадало оно в наших сердцах, как на негодной земле, а принесло бы Господу надлежащий плод чистоты и святости.

Восславим же святых сородичей наших, указавших нам этот светлый путь, и воззовем к ним, чтобы молитвами своими помогали они и нам следовать тем же добрым путем, подражая их спасительному примеру.

Др. Игорь Никишин

* * *

> «Конечная цель мира — это Слава Божья, а для каждого в одиночку — это обожение (Афанасий Великий) или спасение души, т.е. возвращение человека к своему первообразу, который он потерял через грехопадение.»
>
> *Епископ Сергий Пражский*

Цветы, цветы, зелень! Минуя последнюю ступеньку, я выскакиваю из вагона на перрон, прямо в объятья Зои. От неожиданности Зоя выпускает огромный букет цветов из поднятых в приветствии рук и обливает меня цветами. Цветы в руках ее подруги Мицци, стоящей тут же. Протягивает мне букет. Зоя — моя сестра. Я в отпуску. Три дня. Прага! Троица! Какое счастье!

Втроем бежим туннелем под перроном, через тогда казавшийся громадным зал, и выбегаем на заходящим солнцем залитую золотом площадь перед вокзалом. Бежим через небольшой парк, Вацлавскую площадь, «мостком», который без реки, столетними проходами между средневековыми домами, мимо вросшего в землю дома тринадцатого столетия «У Зеленой Лягушки», бежим в величественный, высокий, пражского барокко храм св. Николая. С разбега, перескакивая широкие ступени полукруглой паперти со стороны «Малой Площади», через узкие двери влетаем в храм... и попадаем на НЕБО. Проникая лишь в высшие окна башен, солнце уносит свод храма куда-то в высоту, подчеркивая ярусы балкона, колонн, статуй и росписи храмовых стен и как бы углубляя дно, дно, заполненное молящимися в храме. Пол огромного храма покрыт травой, иконостас, паникадила, иконы на аналоях, колонны украшены цветами, зеленью, березовыми ветвями, цветы в руках молящихся.

Запах ладана, цветов, травы ошеломляет. И если у солнца в своде небо, то тут, на дне, храм это рай!

Начало всенощной. Мы опоздали. Предначинательный псалом прошел. Гудит перед иконостасом дьякон. Спокойно, складно, просто отвечает хор. И начинает течь безостановочной рекой глубокое и плавное богослужение.

Владыка Сергий любил торжественность, порядок, «славу» богослужения. Служил Владыка с глубокой верой и искренностью, с сознанием значительности совершаемого, настаивая на серьезном отношении к пению, чтению и всей «режиссуре» церемониала. Точность движений причта была безукоризненна, сочетание красок облачений, стихарей, аналоев и паникадил считалось очень важным, и служба была «синхронизирована» до мельчайших подробностей. «Икоты», к которой мы теперь, к сожалению, уже привыкли, не могло быть.

Прислужников муштровал на кухне у Владыки Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны Крымского конного полка штабс-ротмистр Николай Яковлевич Седов, впоследствии архимандрит Серафим, тогда келейник владыки Сергия. Вместе [они] — Владыка своей любовью к церковной «славе» и Николай Яковлевич своей военной муштровкой — создали в Праге богослужения, с которыми по красоте мало кто мог сравняться в Зарубежье.

«Не забывай, мальчик, что красота эта вся во Славу Божию. Будешь красоту больше Бога любить, язычником станешь, — говорил Владыка. — Красота эта, это Духа Святого сияние. Красота эта выражает нашу веру, без веры — языческое наше богослужение. Вот так. А 'хвостатый'-то тут как тут. Смотри, как хорошо, как красиво в церкви, какие мы все хорошие, важные, как это мы все хорошо делаем, — вот и отвел тебя, мальчик, 'хвостатый' от Бога, смотришь, и уж не Господу, а 'хвостатому' служишь. Вот он какой, 'хвостатый'-то, Божией Славой и той пользуется, чтобы от Бога отвратить, к себе привязать, власть свою показать. Вот что. А ты, мальчик, его, 'хвостатого', за хвост хватай и вырви его из твоего сердца с рогами и копытами.»

«Креститься, Игорёк, можно только тогда, когда указано, — это Николай Яковлевич шестилетнему посошнику. — Начнешь с ноги на ногу переминаться, креститься, кланяться, когда стоишь перед иконостасом, будешь внимание молящихся отвлекать. Тебя замечать будут, а не красоту службы. И повороты чтобы были через внутреннее плечо, когда в паре, и через левое плечо, когда один. И чтобы земной поклон был одним движением — вниз и обратно, и не качайся, когда идешь, полной ступней, небольшим шагом... и чтобы движения были четкими, тогда молящимся мешать не будешь.»

Во время богослужения Владыка преображался. Из небольшого роста, сутуловатого, немного сгорбившегося монаха, скромнейшего из скромнейших, Владыка становился стройным, высоким, властным АРХИЕРЕЕМ, с громким голосом, твердой, спокойной поступью. Исчезали суетливость, услужливость, и, стоя на кафедре посреди церкви, Владыка был олицетворением церковного авторитета и церковной славы. И этой славой он сиял!

Владыка любил «славу» церкви показывать и иноверцам. Любил ходить со «славою», как он это называл, из церкви по улице — Майзловой улице еврейского квартала — на Св. Николаевское подворье, находившееся на этой улице приблизительно на расстоянии городского «блока». Владыка в мантии, с посохом, иподиаконами по сторонам и сопровождающими его прихожанами идет по тротуару. Чехи снимают шляпы. Удивлены. Евреи Майзловой улицы привыкли. Надевают шляпы поглубже. Кланяются... Идет Владыка «со славою», значит, сегодня «русский праздник».

Недаром злые языки говорили, что у нас в Праге не богослужение, а «архиереeслужение». «Не нам, не нам, а Имени Твоему», — часто повторял Владыка.

Владыка Сергий, в миру Аркадий Дмитриевич Королев, родился 18-го января 1881 года в Москве, в купеческой семье, окончил Московскую Духовную Академию и был настоятелем Яблочинского монастыря на Холмщине. В 1921 году был хиротонисован в епископа Бельского. Отказавшись присоединиться к

автокефальной церкви в Польше, Владыка был из Польши выслан и приехал в Прагу.

Рассказывали, что, попав в Прагу, Владыка узнал, где русская церковь, и сел на ее паперти, не зная, что делать дальше. Кто-то из проходящих узнал в нем русского монаха (Владыка никогда «штатского» не носил) и направил его к русскому «представителю» — тогда еще такой был в Праге. Владыку устроили, и скоро Владыка был назначен митрополитом Евлогием настоятелем Св. Николаевского прихода в Праге.

Приход приобрел известность еще в дореволюционной России благодаря своему бескомпромиссному настоятелю, отцу Николаю Рыжкову, отказавшемуся в начале войны служить молебен о даровании победы австро-венгерской армии в войне с Россией. Отец Рыжков за это был арестован и заключен в тюрьму австрийской администрацией — Богемия, будущая Чехия, часть Чехословацкой республики, до 1918-го года была провинцией Австро-Венгерской Империи. В заключении отец Николай познакомился и подружился с многими будущими деятелями будущей Чехословакии, также находившимися в заточении, и приобрел их уважение, что значительно облегчило положение и семьи отца Николая, и русского прихода в Праге.

Жил владыка Сергий на четвертом этаже в доме №74 на Легеровой улице на Виноградах, в одной комнате. Два окна его комнаты выходили на площадь Петра Освободителя. Так называлась площадь тогда. Владыка жил жизнью неповторимой.

Снимал Владыка комнату у «тетички», как мы ее все называли. Тетушка была не всегда глубокой старушкой, которой ее знали мы. В свое время, в конце девятнадцатого столетия, тетичка пела в хоре Пражской оперы, и, как полагается, был у нее богатый поклонник. Замужем она никогда не была, чем она очень гордилась, но сын у нее был, о котором она старалась не говорить. Сын жил вне Праги, только изредка давая о себе знать. На старой-старой пожелтевшей фотографии, прямо с иллюстраций к Мопассану, «тетичка» выглядела очень привлекательной. Но эту фотографию видели очень немногие, и старушка-тетичка, в длинном черном платье с кружевным воротником-накидкой и толстющими очками, для всех была

только старушкой-тетушкой, жившей в кухне квартиры Владыки. Кроме комнаты Владыки и кухни в квартире были прихожая, уборная (ванной не было) и чуланчик, в котором жил Николай Яковлевич Седов до своего пострига и отъезда в Святую Землю.

Комната Владыки была заполнена слева большой кроватью с перинами, справа комодом с зеркалом и большим кувшином в умывальной миске (текучая вода была только в кухне) и широким диваном. Широкий стол совершенно заполнял середину комнаты, оставляя только узенькие проходы между столом, постелью, диваном и комодом. В конце комнаты между двумя окнами стоял высокий, почти до потолка, иконостас, в левом углу был маленький письменный столик и угловой иконостас. Столик был завален письмами. На диване и комоде лежали альбомы с фотографиями. Между столом и стеклянной дверью, отделяющей комнату от передней, стояла разводная ширма.

Стол был всегда накрыт к чаю: столбиками блюдечки и чашки, отдельно ложечки, несколько сахарниц и бесконечное множество вазочек с различными сортами варенья. Владыка сам варил. Над столом висела низко-низко лампа с абажуром с хрустальными висюльками и привешенными стеклянными писанками. Хотя свет был электрический, лампа напоминала газовые лампы прошлого столетия. В первом, левом углу, перед стулом Владыки, на специальном возвышении (коробке, покрытой салфеткой) всегда стоял небольшой самовар, из которого Владыка разливал чай. Самовар был маленький, и мы его заливали кипятком, поддерживая жар деревянным углем, который мы в самоваре раздували старым сапогом Владыки.

На стене, налево от ширмы, были навешаны фотографии Лесненского и Яблочинского монастырей, где Владыка был настоятелем.

Комната Владыки была направо от передней. Налево была уборная с колоссально широким подоконником, на который мы очень любили лазить.

Там хранились бесчисленные банки варенья, так как в чуланчике-кладовке жил Николай Яковлевич и другого места складывать эти банки не было. Налево от прихожей была также кухня,

в которой жила «тетичка». Там были плита, простой диван, ее постель и кладовая. Перед диваном был стол, за которым мы ели, писали, читали. В кухне мы учились «строю», поворотам, поклонам, шагистике и даже конному строю с пиками, которые мы заменяли штангами для занавесок. Для приемов «шашками» у нас были детские сабли. Николай Яковлевич нас готовил для кавалерии... «Пики к бою!», «Шашки вон!», «Шашки на караул!» — звенели команды в архиерейской кухне... ведь знали мы, что будем служить России!

Единственное окно кухни выходило в узкий, глубокий «колодец» двора между домами. Дно «колодца» было разделено высокими стенами на небольшие прямоугольники, соответствующие отдельным домам. Прямоугольники получались маленькие и едва вмещали высокие «козла», на которых весь день хозяйки яростно выбивали ковры.

Владыка очень любил принимать гостей. Принимал он по четвергам. Говорили, что комната его резиновая, растяжимая, так как вмещала невероятное число гостей. Владыка разливал чай в чашки. Был у нас только один стакан, Владыки, но с толстым, тяжелым подстаканником. Угощал вареньем. Поддерживал и направлял разговор. Но гости сами говорили. Кто-кто там у Владыки не бывал! И приезжающие, и проезжающие, и уезжающие, и свои пражане... певцы, академики, артисты, политики, писатели, был даже Казем Бек, не говоря уже о «зубрах», которым и полагалось «выразить почтение» духовному лицу. Мужчины нередко пили чай стоя, за столом места не хватало. Гости не засиживались. Выпьют чай с вареньем, поговорят с полчасика и уступают место приходящим.

«Мальчик, пальто Анне Сергеевне!» — у Владыки память на имена и отчества была феноменальной. Красивая, стройная Анна Сергеевна, приятно будет помогать ей надевать пальто. «Молодой человек, простите, но это мое удовольствие», — говорит муж Анны Сергеевны, отбирая у меня пальто. «Нет, князь, уж разрешите мне, это такая честь», — Его Превосходительство берет пальто у мужа и облачает Анну Сергеевну. Мне остается лишь открыть дверь и, поклонившись, шаркнуть ножкой прелестной Анне Сергеевне.

Сам Владыка на приемах говорил мало. Свои мысли и поучения он излагал в письмах (длинных и написанных совершенно неразборчивым почерком, но настолько интересных, что, напрягаясь, читатели в конце концов все же разбирали слова и буквы) и поучая во время исповеди, «собеседований» и проповедей. Проповедник Владыка был плохой. Богатство мысли и искреннее желание высказать как можно больше не вмещались в обычные формы проповеди. Не то что его помощник архимандрит Исаакий, чья проповедь не рекой лилась, а текла медом! Но собеседник в группе и исповедник он был блестящий. Тут форма была второстепенной.

Постник Владыка был очень строгий. Спиртного не касался. Мяса наши монахи никогда не ели. В начале пражского житья на рыбу не хватало денег. В кухне на середину стола ставилась миска, и, после молитвы, мы садились за стол. Ели ложками из одной миски. К обеду приходили студенты, одинокие мужчины, «околоцерковные» люди. Владыка всех принимал с радостью.

«Ты, мальчик, ложку неси над ломтем хлеба, больше в рот попадать будет», — поучал Владыка. Продолговатые буханки хлеба мы резали «наискосок», и получались сравнительно большие ломти — буханки, по 99 геллеров, были узковатые. Обычно был суп с картошкой, щи без мяса, иногда каша. Если приносили прихожане, то и соленые огурцы, которые Владыка очень любил, особенно свеже-просоленные. Варил Владыка или Николай Яковлевич.

Позднее появились мелко наломанные макароны с сыром, появились тарелки, но ели, как и раньше, ложками. «Тетичка» себе варила отдельно и пристраивалась на уголке дивана. За стол с «Эксэллэнси» — «Его Сиятельством», как она Владыку называла, — старушка садиться не решалась и ела «с руки».

Боже, подумал я, неужели Владыка жарит рубленые котлеты! Вся моя вера, весь мой мир рушится! Я остолбенел. Николай Яковлевич сразу понял: «Не бойся, Игорёк, это рыбные котлеты. Хочешь попробовать?». Мой мир восстановился, вселенная вошла в обычный ей порядок. Конечно, пробовать я отказался. Так первый раз на архиерейской кухне появилась рыба.

Любил Владыка варить. Из одного гриба Владыка мог сварить прекрасный грибной суп на многих. Творил Владыка в варке. А уж варенья варка была «священнодействием».

Любил Владыка грибы и любил их собирать. Даже немного «нелегально». Идем аллеей в парке в Франценсбаде — к Праге были приписаны бесприходные курортные храмы в Карлсбаде, Мариенбаде и Франценсбаде, и Владыка в их прицерковных домах иногда проводил лето. Владыка в рясе, скуфейке, с черным матерчатым мешком в руке: «Там, видишь, мальчик? Под березой? Видишь гриб? Беги!». И я бегу, пока меня не видят полицейские. По траве ходить не разрешалось. И как мог Владыка на таком расстоянии увидеть гриб? Но было у Владыки особенное чувство находить грибы. В лесу покажет палочкой на кучку листьев: «Вот тут. Приподыми. Под ними есть грибы». И были там грибы.

Какие куличи, какие пасхи пек и варил Николай Яковлевич! Хорошей духовки не было, и мы носили тесто в формах для куличей в пекарню на Ечной улице. Там их пекли. И как страшно было пропустить «первые бульки» заварной пасхи, чтоб пасха не засырела! Тут уж Владыка стоял за спиной Николая Яковлевича и подавал советы. А ведь попробовать нельзя. Пост...

Владыка, как и все наши пражские монахи, не носил штатского и всегда был в монашеской одежде, не обращая внимания на удивленные взоры прохожих. «Вам мало света, что ли?», — отца Серафима останавливает полицейский. Отец Серафим несет горящую свечу страстную по главной площади Праги. Потом и к монашеской одежде, и к страстным свечам пражане попривыкали.

Была у Владыки фетровая шляпа. Раз в неделю Владыка ходил в городскую баню купаться, в Карловы лазне у Карлова моста. Ходил в фетровой шляпе, под которую он складывал свои длинные волосы и до и после бани. Иногда носил фетровую шляпу на курорте, «принимая воды», прогуливаясь на променаде со стаканом целительной воды Карлсбада, Мариенбада или Франценсбада.

Владыка своего вида не стеснялся, но, конечно, не мог не замечать реакции на него туземцев. «Владыка просил спросить — не смущает тебя его вид, когда тебя он навещает, — передает Владыка через маму лежащему мне в большой палате после аппендектомии. — Скажи, если стесняешься за него перед больными, он приходить не будет, а будет передавать просфорку каждый день через меня...»

Куда бы ни шел наш Владыка, всегда он нес с собой что-то: просфорку, письмецо, иконочку, а иногда и вещи, фрукты, деньги, которые ему преподносили. Владыка раздавал все.

«Держи, мальчик», — Владыка мне дает сверток съестного, который ему всучила подходящая к кресту прихожанка после литургии. И тут же, скоро: «Дай, мальчик, Сергей Сергевичу это нужнее...». И, подымая крест в последнем благословении, Владыка так же скуд, как при начале целования креста. А сколько проходило так и другими путями вещей, съестного, денег через его руки — один Господь лишь знает. С пустым мешком Владыка возвращался.

«Жить надо в Царствии Небесном, здесь, сейчас, через отказ от 'самости', которая от 'хвостатого'. Отдаться Богу надо. Лишь повернешь к Нему лицо, как Он уж тут как тут. Вот что... А в Царствии Небесном, Божьем, любовь определяет отношения и между Богом и людьми, и между людьми друг с другом. Любовь не на словах, а в действии, смирении, готовности к общению, то есть к *активному* движению сердца к другим, побеждая 'самость'», — так говорил и жил Владыка.

«Царство Небесное не где-то там, когда-то, а здесь, сейчас и в нас самих. Ведь в вечности не может быть начала, значит, живем мы в вечности уже сейчас, и если не живем мы Царствием Небесным, то только потому, что это Царство мы отвергаем, позволяя ему, 'хвостатому', занимать место Бога в нашем сердце.»

«Господь тут, готов помочь, готов войти в нас, в наше сердце, но нужно усилие, чтобы оттуда сначала вырвать его, 'черного', 'хвостатого', источника греха. Он выгоняется усилием нашей воли.»

«Хвостатый» для Владыки был реальностью почти что материальной. Он, «хвостатый», всегда готов использовать даже минутное наше ослабление внимания к своей «настроенности». «Грех-то когда начинается? Позвал соученицу готовиться к экзамену. А 'хвостатый' тут как тут: чтобы поуютнее, да чтобы кроме вас двоих и в доме никого не было, смотришь, и красный абажур смастерил — вот и готов к греху. А грех-то когда начался? А тогда, когда за настроенностью своею не уследил и пустил 'хвостатого' в сердце. Вот что...» И как это Владыка знает про нас-то!

«Вот рассерчал ты. Открыл сердце ему, 'черному', 'хвостатому'. А он тебе за это и уши и глаза закрыл. И не видишь ты и не слышишь того, что тебе говорят и показывают. Не можешь слышать, не можешь видеть. И такого наделаешь, такого наговоришь! А он, 'хвостатый', потом отойдет посмотреть на тебя со стороны, как тебе стыдно, как ты раскаиваешься, как тебе за себя больно — 'да неужто это я делал, я говорил!' — и смеется. Ведь ему, 'черному', что надо? Твое несчастье, твои слезы, вот чего он добивается. Вот грех-то и сделал тебя несчастным и выгнал из Царства Небесного. Вот что!»

«А ты остановись. Открой глаза. Прислушайся. Побори гордость — и начнешь слышать. Чем больше слышишь, тем больше удивляешься: о чем спор? Вот что...»

«А люди между собою, это как радио. Один шлет, другой принимает. А чтобы принять, знать надо номер волны, по которой посылают. Иначе ничего не поймешь. А волна эта — это 'настроенность' и есть. Вот что. Ему, 'хвостатому', это известно. Вот он и мутит, спутывает волны. И не понимают друг друга люди. Оттого и споры, трагедии, войны. Волна Божья это любовь к Богу, к церкви, родителям, наставникам, к природе, к своим детям, ко мне недостойному... Вот что.»

«Смирись, мальчик, смирись, и вознесет тебя Господь, если ты этого заслуживаешь. Смирись...»

Исповедовал Владыка «своих» долго. Чем ближе к нему, тем дольше. Искренне, эмоционально, повышая голос для большего «вразумления» и никогда не упрекая, не запугивая и не наказывая. Говорил больше он. Наставлял. Но говорил с такой

силой, что исповедующемуся в промерзшем колоссальном храме зимой становилось жарко, физически жарко, и выходил он от исповеди красный, потный. Мы так и называли исповедь у Владыки «духовной баней».

Не уменьшал, а увеличивал Владыка исповедника в его, исповедующегося, глазах.

Так в Царствии Божьем и жил Владыка, приоткрывая нам завесу счастья. И Царство Божье в нем так облагораживало и так привлекало к нему всех, кто имел счастье в жизни с ним соприкоснуться, что образовалась неисчислимая сеть поклонников Владыки во всех местах, им посещенных, и в Зарубежье, и потом там, где была Россия.

Взяв пальто у настоятеля Братиславской церкви, я должен был встретить Владыку, проезжающего из Вены в поезде, идущем на Подкарпатскую Русь, куда Владыка был приглашен служить на престольный праздник священником одной из деревень в горах. Священник, навещая дочерей, учившихся в пражской русской гимназии, встретился с Владыкой и, как все, был Владыкой очарован. Пальто из Братиславы был подарок Владыки инженеру-землемеру, жившему в деревне недалеко от нашей цели. Я должен был Владыку сопровождать в поезде.

Молодость, июнь, ночной поезд из Праги в Братиславу, случайная спутница в купе, восход солнца за Дунаем, розы парка на Петржалке... я едва поспел к поезду. Пальто принес на вокзал сам настоятель Братиславской церкви, пришедший приветствовать Владыку.

Вагон, в котором был Владыка, я нашел сразу: перед ним стояла группа несомненно русских эмигрантов. Поезд трогался, когда я в него вскочил, и уже разбежался, когда я, красный от спешки и от смущения, вошел в купе, где у окна сидел Владыка. «Владыка, простите, я...» — «Ничего, мальчик, не надо объяснять, бывает. Садись», — Владыка мне держал место напротив своего, положив на скамью свою черную матерчатую сумку. На полочке-столике под окном уже стояла чашечка на маленькой спиртовочке, без которой Владыка не пускался в путь. В спиртовочку мы клали сухой спирт и зажигали, из вагона-ресторана я приносил кипяток в термосе и наливал в чашечку. В

заварной ложечке был чай, и Владыка в дороге все время попивал горячий чай.

Купе полно. Мы раскрываем бутерброды, которые Владыке дал настоятель в Братиславе. От них, от духоты, жары и тряски поезда мне захотелось пива, и от чая Владыки я отказался.

Уже темнело, когда на какой-то станции я выскочил на вокзал. Не дав мне докончить стакан моего пива, поезд тронулся. Пришлось вскочить в первый проходивший вагон. Пробираясь к вагону Владыки, я задержался: меня остановил кондуктор: «Эта часть поезда отцепляется и идет на север». Двери между вагонами заперты, площадки убраны. Билеты, деньги, вещи — все там, и как могу я оставить Владыку! Я в ужасе. Возможно, что молитвами Владыки поезд останавливается в открытом поле у семафора, и я перебегаю в вагон к Владыке.

«Владыка, простите, я...» — «Ничего, мальчик, — спокойно говорит Владыка, — вот, как 'хвостатого'-то послушался, тут и беда. Садись, попей чайку, он лучше пива утоляет жажду. Погорячее только...»

Европа Запада от нас уходит с поездом на юг, в Румынию, и перед нами Русь.

Узкоколейная железная дорога, на которую мы пересели поздним утром, нас тянет медленно и с остановками глубоко в горы. Мы в Карпатах.

На концевой станции узкоколейки Владыку встречает отец Георгий. Высокий, статный мужчина в коричневом подряснике, с большим нагрудным крестом, в широкой соломенной шляпе. Вокруг него мальчишки, а за ним, посреди пыльной, вытоптанной площади перед станционным домиком, большой, открытый, старый автомобиль. Под поднятым капотом в нем копается шофер-еврей. Парни постарше его окружают, заглядывая в кузов через плечо шофера.

Отец Георгий громогласно приветствует Владыку. Владыка выпрямляется и как-то сразу преображается в «настоящего» архиерея. Откуда-то появляются бабы и, расталкивая мальчишек, подходят к Его Преосвященству под благословение. Постарше парни подходят тоже. Встают со скамеек и подходят к Владыке старики, собирается толпа.

Владыка стоит, окруженный крестьянами в белых овечьих тулупах, толстых шароварах, крестьянками в широчайших юбках, сапогах, с разноцветными платками на головах, босыми, прыгающими мальчишками, седыми усатыми стариками с висящими трубками, которых повелительно и строго, но с явной любовью расталкивает, расчищая Владыке дорогу, могучий отец Георгий. Здесь Русь...

«Вот это настоящий Преосвященный, — говорит баба своему пацану, — смотри на него, смотри!» Закрыв кузов автомобиля, шофер принял какую-то явно почтительную позу, конечно, не снимая шляпы.

Садимся. Владыка на заднем сидении, отец Георгий на стульчике перед ним, я с шофером-евреем спереди. Деревня отца Георгия высоко в горах, поедем очень медленно и по дороге заночуем.

Владыку ждут. Села встречают и провожают крестными ходами, передавая нас от одного к другому, в каждой деревне Владыка служит сокращенный молебен (Владыка любил называть это «пти-молебэ́н»), в селе, где церкви нет, Владыка заходит и служит «пти-молебэ́н» у старосты; всюду надо закусить, посидеть, поговорить; сколько было выпито чаю! И всюду запах кислого молока, овчинных жарких тулупов, сена, навоза, лета...

«Вот, передайте Преосвященному, тут все написано...» — сует мне кто-то в руку жалобу и исчезает прежде, чем я могу объяснить, что Преосвященный здесь в гостях, что это не его епархия и что жаловаться надо его, жалобщика, епархиальному архиерею. «Отец Георгий, что с этим делать?» — «Мне дайте, я передам», — и отец Георгий берет у меня жалобу.

Едем мы не прямым путем, а заезжаем то к «землемеру», с которым Владыка, оказывается, в переписке, то в деревню к «инженеру», бывшему пражскому студенту, которому Владыка везет привет от старых знакомых, к врачу, которого Владыка встретил в Праге и которого, конечно, Владыка не забыл и везет ему просфорку, и к матери какого-то студента, который приходил к Владыке по какому-то случаю, и... Владыка всех помнит, всех хочет навестить. «Подвиг общения» был для

Владыки радостью, и радость Владыка раздавал всем с ним общавшимся.

«Благословите мне, Владыко, спать на сеновале?» — мне постелили на скамье в кухне — прошу я.

Усыпляющий запах и мягкая теплота сена, бесконечно глубокий отрезок неба между черными на него наступающими массивами гор, усталость дня и как бы надо всем этим беспрерывный грохот летящей с гор реки... как шум могучего прибоя, бьющегося о скалы северного Мэйна.

Но потускнели звезды, и небо стало ближе, стыдливо прикрываясь днем. Подул прохладный ветерок и отодвинул горы. Река шумит заметно тише. Светлеет быстро, быстро. Кто-то прошел в коровник. Сначала скрипнула, потом хлопнула дверь. Мне стало холодно. Я встал. В окне халупы, в белой рубашке с открытым воротом, стоит Владыка. Молитвенник в руках. Читает утреннее правило. Так рано... раньше всех!

«Доспал» я на скамейке на кухне. Умылся под водяной качкой. «Хорошо, мальчик, спал? — спрашивает Владыка. — Вот, возьми книжку, будешь читать правило, когда поедем. Говоришь много. Помолись лучше.»

Колодец с «журавлем» между церковью и церковной хатой отца Георгия покинут. Деревня вымерла. Все в церкви. Вымерли и соседние деревни. Пришли с иконами, хоругвями, своими священниками и без священников, крестными ходами. Престольный праздник церкви отца Георгия.

В церкви жара, духота, утомляющий вой-пение «всем народом», головокружительный запах потных овчинных тулупов, пыли, горящих свечей, ладана, людского пота... Мужчины, несмотря на летнюю жару, в тяжелых шароварах, жестких, толстых рубахах, в овчинных тулупах, бабы в ярких узорчатых уборах, в косынках-платках, в тяжелых сапогах, с бисерными «гардами» на шее. Толпа не только набилась в церковь, но вылилась из нее и залила ограду церкви. И вой «народного» пения в ограде, запаздывая за пением в церкви, превращал церковную службу в какую-то кашу нечленораздельных звуков, палящего солнца, духоты и кисло-сладких запахов. Жара такая,

что под омофором у Владыки пропотел саккос, и я с ужасом слежу за растущим темным пятном на спине облачения.

Владыка служит медленно, торжественно. Он любит пение «всем народом» и здесь, конечно, мысленно переносится на свою, отсюда недалекую, родную Холмщину. Он так любил «народные торжества»!

Литургию отслужили в церкви, а на молебен вышли за ограду. Легче не стало. Народу тьма, и солнце палит прямо. Лес хоругвей, в руках у многих иконы. От солнца и жары в трикирии и дикирии гнутся свечи при архиерейском благословении. Тут Владыка еще больше «у себя дома». Молебен, потом акафист, потом «духовные стихи». И все их Владыка знает. Разгорячился. Размахивает рукой, «правит» народным пением. На искренность Владыки народ отвечает тем же. Владыку не отпускают. Поют, поют. И Святителю Николаю, и пророку Илье, и бесконечные Богородичные молитвы. Владыка в восторге. Теперь и тут он «свой», любимый...

В хате отца Георгия, конечно, не хватает места для гостей. Причт деревень соседних, свои, своя деревня, врач, учительница, даже чешская администрация приехали на праздник. Столы поставили и в хате, и на дворе, и к колодцу с «журавлем», теперь окруженному обычным «клубом», вынесли столы и угощение. Чего-чего матушка и ее помощницы не приготовили! Есть и напитки, вино... Владыка спиртного не пьет, но, чтобы не «укорять» этим тех, кто хочет выпить, Владыка «прикладывается», подносит стакан ко рту, но не пьет.

Пир длится долго, начинают петь. Владыка подпевает. Хоть и не его, холмские, но похоже, да Владыка и эти знает.

«Ты, мальчик, больше не пей, — говорит мне полушепотом Владыка, — смотри, как раскраснелся! И голову облей водой, там из колодца, холодная будет. Не будет болеть потом.»

Раскаленное, злое солнце ушло, послав на нас горную тень. Спустился мягкий вечер. Все гости разошлись, и только несколько отставших маячат у колодца. Тишина. Шуршит широкая, но мелкая речонка. Жара спала. Сидим мы на завалинке дома отца Георгия. Владыка на скамье. Расстегнут ворот рясы.

Отец Георгий, матушка и я устроились на дровах, сложенных вдоль дома. Сонечка, дочь отца Георгия, сидит у моих ног. Она и ее сестра Вера учатся в Праге, в гимназии. Приехали на праздник и на лето. Сонечка белая-белая, тонкая, соломенного цвета длинные волосы волной спадают на плечи, спину... тихая, чистая, почти прозрачная...

Все утомились. Говорит только отец Георгий.

«Вот, доктор (я был студентом-медиком тогда), бросьте школу, пройдите священнические курсы, мы Сонечку за вас отдадим, она такая у нас ласковая, хорошая, чистая, будете священствовать, тут неподалеку приход есть свободный, ищут священника, и будем жить одной семьей, то мы у вас, то вы с Сонечкой у нас. Так мирно будет, хорошо, просто...»

Тихо, плавно журчит голос отца Георгия, шуршит безостановочно река, как море у далекого кораллового рифа...

«Игорь, ты хочешь есть? — стройная, смуглая, до блеска гладкая таитянка подносит таро на листке банана. — Мао-о-шуу сейчас принесет рыбу.» У самого края голубоватой с золотом воды кораллового рифа на Бора-Бора, на песке под пальмой, лениво открываю рот для таро, листка банана, для бронзовой руки... Тина-о-о подползает ближе. Свободной рукой мне начинает гладить правое колено... шуршит река...

Сладостные мечты овладевают мною...

«Сегодня, мальчик, будешь спать со мной, — прерывает их бесконечно чуткий Владыка. — Матушка уж постелила на диване. Будешь читать правило.»

Спать было трудно. Усталость. Мухи. И почему они не спят? То сплю, то просыпаюсь и до глубокой ночи вижу Владыку молящимся перед окном.

Когда я окончательно проснулся, Владыки не было. «Преосвященный по грибы пошел, давно ушел, скоро вернется. К завтраку», — сказала матушка, когда я вышел на крыльцо...

К станции Хуст подошел поезд к вечеру. У станции Владыку ждала монахиня с телегой, запряженной лошадкой. Владыка ехал в женский монастырь в Липше.

На облучок монахини наложили сено и постелили ковриком, чтобы Преосвященному было мягче. Для отца Георгия и для

меня набросали в телегу зелень. Тронулись. Ехали медленно. Телега скрипела, толкала, качала. Ночь быстро прижимала вечер, и было почти темно, когда мы выехали за город. Карпаты тут выходят к Тиссе небольшими холмами, воздуха много-много. Тихо, никто не говорит. Приятно вытянуться среди веток зелени, особенно после проведенного дня в вагоне. И небо надо мною, среди зелени в телеге, темное-претемное, глубокое такое, что даже звезд не видно. Стучит и переваливается телега, и кажется — не будет и конца дороге.

Стук как будто сильнее. Будит меня отец Георгий: «Проснитесь, доктор, подъезжаем. Готова мантия?». Открываю чемодан. «Малая» мантия готова, то есть сложена по правилу.

Две струйки огоньков текут от монастыря к дороге. Монахини, парами, идут встречать с зажженными свечами Преосвященного. Слышно поют «Достойно есть». Поют очень тихо, как бы «про себя», не дерзая нарушать ночную тишину.

Телега стала. Подошла процессия монахинь. «Мальчик, мантию», — говорит Владыка. Отец Георгий, я готовы. Еще на облучке набрасываем мантию на плечи Владыки и перекидываем скрижали через клобук. Я расправляю воскрылия... С облучка, высоко надо всеми, в мантии, Владыка торжественно, широким жестом благословляет ночь, холмы, дорогу, процессию монахинь со свечами... и так неудержимо хочется броситься на колени перед владычественным жестом властию Божией АРХИЕРЕЯ!

Под звон небольшого колокола Владыка приходит к монастырской церкви. На паперти, с крестом, его встречает монастырский священник. Владыка проходит к иконостасу, крестится и поворачивается к молящимся и тихо, медленно, маленьким жестом благословляет под «Тон Деспотин» тихого монашеского хора.

Уже за полночь, но с полунощницею ждали.

«Отец Георгий и ты, мальчик, идите спать, устали, наверное, с дороги», — это Владыка нам. Отец Георгий просит разрешения служить полунощницу, я уверяю Владыку, что не устал. Владыка, кажется, нами доволен.

После полунощницы утреня. Светлело, когда меня монахиня привела в келейку для гостей. Узенький чуланчик, узкая железная постель, высоко под потолком небольшое окошечко, аналойчик перед ним. На аналойчике и на стенах иконы, иконы над кроватью, иконы всюду... как будто умер и уже в раю! Спать не хочется, светло, день, благодать и близость Бога. Господи, за что такая радость!

Владыка после литургии завтракает у игуменьи монастыря. Отец Георгий с ним. Мне дали молоко, масло и хлеб в трапезной. Вокруг только монахини. Мне стало неудобно. Подавали две послушницы, молодые, стройные, строго «вырезанные» черты лица. Откуда в Липше такая классическая красота? Я быстро пью молоко и с хлебом в руке оставляю трапезную.

«Пане докторже (уже разнеслось по монастырю, что я студент-медик), — обращается ко мне садовник, — тут близко пруд. Есть рыба. Хотите поудить?» Удить я не умею и не хочу. Но посидеть в высокой траве летом на берегу пруда в монастырской тишине, послушать жужжание насекомых, посмотреть на мелкую рыбешку, водяных пауков... какое счастье!

Как долго я сидел там у пруда, не знаю. По-видимому, задремал. Когда проснулся, то солнце было уже высоко и было жарко. Открыл глаза. У середины пруда небольшая лодочка-корытце, и в ней, в подряснике, скуфье, Владыка ловит рыбу. Меняет червячка, примеряет «лисок», забрасывает удочку, а больше сидит почти что без движения. Владыка удил долго. А я смотрел, смотрел на пруд, солнце, лодочку-корытце, Владыку, лето, на монастырскую тишину и глубоко переживал *небо*. Меня Владыка так и не заметил.

В монастыре Владыку полюбили. «Простой такой и пановитый, а уж какой он умный, ласковый... — это мне говорит садовник, — а ведь Преосвященный!»

Как след, Владыка оставлял любовь и уважение...

Спешим. Почти что на ходу вскакиваем в первое попавшееся такси. Владыка приглашен на прием к Великой Княжне. Будет на приеме и Великий Князь, наследник царского престола для легитимистов. Мы в Париже.

Перед приемом Владыка заезжал к вдове русского летчика, служившего во французской авиации и погибшего в авиационной катастрофе в Праге. Владыка обязательно хотел ее навестить и привезти ей горсточку земли с могилы ее мужа. Остался, конечно, на чай. Теперь спешим.

Прием был великосветский. Смокинги, фраки, формы, вечерние платья. Мы опоздали, и к Владыке вышла сама Великая Княжна в сопровождении французского генерала. Так как все гости были уже в сборе, Владыку Великая Княжна ввела последним, ему представив собравшихся. И наш такой простой, застенчивый Владыка не шел, а плыл с высоко поднятой головой, опираясь на посох-трость, архиереем давних лет... Прием был по случаю собрания архиереев для слушания «дела» отца Сергия Булгакова, профессора догматики в Парижском Богословском Институте, в связи с его, отца Сергия, интерпретацией учения о Софии Премудрости Божьей.

Как проходил прием там, наверху, не знаю. В передней с лакеями и прислугой нам было очень весело. С владыкой митрополитом Евлогием приехал его племянник, с которым я тут же подружился. Он, парижанин, знал Париж... Было за полночь, когда стали разъезжаться. У владыки митрополита был «свой» постоянный русский таксист, и нас владыка митрополит взял с собой.

На совещании епископов присутствовали кроме владыки митрополита и нашего владыки Сергия владыка Никон — архиепископ из Ниццы и владыка Александр из Брюсселя. Владыки заседали и днем и вечером 26, 27 и 29 ноября 1937-го года. Отец Сергий Булгаков до своего назначения в Парижский Богословский Институт был и служил в Праге. Владыка Сергий его очень ценил не только как мыслителя, но как мыслителя *честного*, что для Владыки было самым важным. Мы, дети, помнили отца Сергия как строгого законоучителя, немного «не от мира сего», и его побаивались.

Между заседаниями Владыка был нарасхват. Приглашения служить, зайти, встретиться были бесчисленны. У Владыки оказалось столько друзей и почитателей в этом далеком от Праги городе! Владыка старался никому не отказывать. Для всех у

него были время, ласка, для очень многих «передачи» приветов, писем, просфорок... И, озаренный собственной радостью и одаряя ею, Владыка плыл в этом море «общения». Служил Владыка на Рю Дарю и в предместьях, в больших домовых церквах...

Воскресенье. Мы в такси. Выехали очень рано. Владыка едет служить литургию в Сен-Женевьев-де-Буа в русском старческом доме. Живет там последний цвет царской России.

С нами в такси новопосвященный диакон. Для него это будет первая архиерейская служба. Мы с ним сидим на стульчиках перед Владыкой. «Ты, мальчик, расскажи отцу диакону, что надо делать при архиерейском облачении и архиерейской службе», — сказал мне Владыка. Ехать надо долго. Владыка, мне показалось, задремал.

Мне не до диакона. Пока архиереи заседали, племянник владыки митрополита меня знакомил с Парижем, которого они не знали, и между всенощной субботы и этим утром я не успел сомкнуть глаз. Усталый, нервный, раздраженный, я был несдержан и груб, диакон мне казался идиотом, я был до неприличия резок, заносчив, дерзок... Диакон со смирением принимал мои дерзости, по-видимому, стесняясь присутствия Владыки.

Владыку встретил председатель дома, как ни странно, предложил Владыке выпить кофе перед богослужением: «Устали доро́гой, так рано утром!». Владыка поблагодарил, но отказался.

Подошел староста церкви. Так как жильцы не привыкли вставать так рано и в церковь еще не собрались, нас пригласили в большую пустынную гостиную с очень неудобными стульями. Председатель и староста Владыку занимали светским разговором.

Кто-то подошел к старосте и шепнул ему что-то. Староста встал: «Ее Сиятельство сошла в церковь, теперь можно начинать, Ваше Высокопреосвященство». Ясно, что в этой обстановке «преосвященства» мало, «высокопреосвященство» здесь звучит лучше.

Раздвинули одну стену гостиной — стена оказалась передвижной, — и мы очутились в церкви. Часть церкви отгораживалась передвижной стеной и служила гостиной. Домовая церковь была красивой. Иконостас, невысокая солея, кафедра.

Отец диакон и я проходим в алтарь знакомиться с священником домовой церкви, который уже совершает проскомидию. Знакомлюсь с иподиаконами. Так странно видеть «старичков», прислуживающих в алтаре.

Хор начинает петь «Входное».

Владыка входит, и начинаем архиерейскую встречу и облачение. Я стою с новопосвященным диаконом и подсказываю, где надо. Сам собираюсь только вынести митру и панагию.

Подходит к концу облачение. Иду в алтарь за митрой. О ужас! В коробке вместо митры пакет английских кексов! Владыке, значит, кто-то подарил, он положил в коробку, я утром, собирая облачение, встряхнул коробку, в ней что-то встряхнулось, и, не проверив, что в коробке, митру оставил я на Рю Дарю!

Кладу клобук на блюдо вместе с панагией и выношу.

«Где митра?» — тихо спрашивает Владыка. «Забыл на Рю Дарю, простите, Владыко», — я. И так же тихо, но как-то страшно отчетливо и строго, Владыка: «Это тебе за то, что груб был с отцом диаконом. Тебе наука!». И все. Но никогда я не забуду чувства стыда за свое поведение, за Монмартр, за себя, за то, что этим всем обидел я Владыку...

Но... облачение я привез «иконного» стиля: серовато-грубое сукно с широкими, прямыми, разноцветными крестами, как на иконах пишут Святителя Николая. К такому облачению контраст простого черного клобука был великолепен. Я не удержался и тихо говорю: «Владыко, Вы как с иконы крещения Руси!». «Ты думаешь, мальчик?» — так же тихо отвечает Владыка. Не только я, но многие обратили внимание на впечатление «древности» и «русскости», созданное сочетанием «грубого» облачения с черным клобуком, и это стало одной из тем разговоров после службы. Владыка только улыбался. Он так любил «славу», торжественность богослужения.

Проехали Кэль после полуночи. Вернули паспорта. Вагон затих, и поезд разогнался. Купе освещено лишь маленькой лам-

почкой над дверью. Кроме Владыки и меня, в купе все спят. Владыка пьет чай, подогретый на спиртовочке с сухим спиртом.

«Что сделают с отцом Сергием Булгаковым, Владыко?» — я спрашиваю. «Ничего не сделают, — отвечает Владыка. — Трудно все это, разобраться трудно...» И Владыка полушепотом мне начинает объяснять софианство. Мне ка́жется, что обращается он больше к себе, чем ко мне. Быстро идет поезд, вздрагивая равномерно, дождь искр проносится перед окном, и редко-редко, как будто сознавая, что путешественники спят, издалека доносится гудок локомотива. Тепло, уютно, хорошо... Замолк Владыка. Задумался. И опять проявились широта и любвеобилие Владыки, и он как бы про себя сказал: «Нельзя остановить мысль, нельзя...».

Не мог тогда я оценить всю глубину Владыки.

Ни церковная, ни светская «политика» Владыку не интересовали. Юрисдикционные разделения до нас не доходили, и узнавали мы о них, лишь выезжая за пределы Владыкиной «Праги». Благостность Владыки не допускала выражать осуждение и была несовместима с нетерпимостью и ненавистью. Владыка «правил» не убеждением, а любовью.

Пражская эмиграция была, в основном, «влево от центра». Интеллигенция предреволюционной России. Ведь были у нас даже эсеры, не говоря о меньшевиках, милюковцах и других «левых» группировках. В Праге и кадетов считали «зубрами»! И эту внецерковную эмиграцию Владыка включил в Церковь, в круг своих мыслей, чувств и обогатил всех не эрудицией и теологией, а искренностью, смирением и любовью.

«Ты, мальчик, посиди до вечера, вместе поедем», — Владыка мне, когда, начистив самовар до зеркального блеска, я собирался уходить.

В полупустом, холодном, грохочущем трамвае мы едем вечером на Бучкову, в «профессорский» дом. Минуя нашу квартиру, Владыка ведет меня в полуэтаж повыше, к квартире профессора И.И.Л. Остановился. «Звони, мальчик, и учись», — мне говорит Владыка. Учись? Чему? Не понимаю, но звоню.

Дверь открыл сам профессор и, увидев Владыку, вздрогнул, покраснел, смутился. И вдруг Владыка тут же на площадке

профессору в ноги, земным поклоном! «Что Вы, Владыко! — Иван Иванович смущается еще больше, подымает Владыку. — Что Вы, что Вы!» Встает Владыка: «Простите, чем обидел, если что неправильно сделал, сказал, простите... Вот я пришел поздравить Вас с Вашим днем рождения, просфорку принес. Поздравляю...». Иван Иванович приглашает Владыку войти. Вхожу и я. Живем мы на одной площадке много лет. Вошел я и оцепенел: в единственной комнате на единственном диване сидят еще два профессора, решивших, как я знал, организовать «другую» юрисдикцию. Владыка, как он мне объяснил позднее, знал о заседании «врагов». Ответ Владыки на интригу «врагов» был — земной поклон, просьба простить, если обидел чем, и просфора... Тут понял я: «Звони и учись, мальчик!». Так за все наше пребывание в Праге не создалось церковной оппозиции.

Естественным очагом оппозиции мог оказаться помощник Владыки архимандрит Исаакий. Он, по достоинству, был очень популярен, любим, и некоторые из его поклонников и поклонниц были готовы идти за ним в огонь и воду. Но лояльность отца Исаакия была безупречна, и даже намека на диссидентство не позволил отец Исаакий ни себе, ни своим особо яростным приверженцам. Но и тут Владыка проявлял свою дипломатию-любовь. Так как служили мы в церкви протестантской, «чехословацкой» деноминации, то по воскресеньям должны были кончать литургию к определенному часу. Кроме воскресений, по праздникам и не воскресным службам мы ограничены временем не были. «Парадная» поздняя обедня служилась поэтому по воскресеньям в кладбищенской Успенской церкви. Владыка отдал «парадную» службу отцу Исаакию, оставив себе раннюю, мало посещаемую литургию в основном храме.

Одно время в нашей кладбищенской церкви по воскресеньям служили православные чехи епископа Горазда. Но скоро они перешли в свой храм святых Кирилла и Мефодия на Ресcловой улице.

На Фербеллинер Платц в Берлине. Торжественная литургия. Несколько епископов, сонм духовенства. Служит и наш Владыка. Служит и епископ Горазд, чешской православной Церкви. Во время Малого Входа к епископу Горазду на кафедре под-

ходит кто-то в штатском и передает записку. Епископ Горазд зашатался, страшно побледнел, спустился с кафедры и ушел в алтарь. Владыка стоял рядом. «Пойди, мальчик, может быть, надо помочь», — говорит, наклоняясь ко мне, Владыка (тогда я уже был хирургом). Прошел в алтарь. Епископ Горазд лежит на чем-то, как бы на кушетке. Пульс и дыхание в порядке. Очень взволнован. Разоблачился, но не ушел из алтаря. Как мы потом узнали, в записке епископу Горазду сообщали, что в его храме на Ресcловой улице нашли скрывавшихся в нем чехов-парашютистов, убивших райхс-протектора Гайдриха. Епископ Горазд был расстрелян.

«Ты, мальчик, знаешь, где живет отец П.?» — спрашивает Владыка. Уже война, заметно сократилась подача продовольствия даже в войной не затронутой Праге. Отец П. был неудачник. Не то учился, не то работал, привязался к Владыке и... постригся в монахи. Был диаконом. Умерла «тетичка», хозяйка квартиры Владыки. Появилась еще до ее смерти ей какая-то помощница, родственница. Вдова. Толстая. Сильная. Грубая. Стержень. Ей, видимо, был нужен муж, ему был нужен стержень. Отец П. расстригся, ушел от Владыки жить с вдовой. Взял домонашеское имя, но для Владыки так и остался «отцом П.».

«Знаю, Владыко.» — «Вот, надо передать», — Владыка как всегда. «Я отвезу», — я предлагаю. «Нет, я сам отвезу. Ты, мальчик, расскажи, как туда проехать», — это Владыка. Я догадался: вчера Владыке кто-то привез мешок картошки из деревни. Владыка хочет передать картошку «отцу П.». Потом «отец П.» рассказывал: «Отвечаю на звонок, открываю дверь — передо мной владыка Сергий с мешком картошки. Положил мешок на пороге, сказал: 'Вот вам, вам нужно', глубоко поклонился и ушел. От неожиданности я так растерялся, что даже не поблагодарил его».

О «большой» политике в присутствии Владыки не говорили. Вокруг него плескалась эмиграция евразийцами, младороссами, «нац-мальчиками», «штабс-капитанами» Солоневича, «внутренними линиями», милюковцами, кутеповцами и другими группировками, но до Владыки брызги их не долетали.

Владыка брызг не сторонился, но он за «брызгами» видел людей, с которыми «общаться» было важнее, чем замечать их «брызги». В общении Владыка находил и «благобытие», и то преодоление «самости», которое позволит стяжать Святого Духа. Преподобный Серафим Саровский был любимым святым Владыки.

Была глубокая любовь к России, как мы тогда эту любовь воспринимали. Любовь к традициям, русской церковности, истории, литературе и, главное, к Православию и «православным ценностям»: духу смирения и Правды.

Служил Владыка традиционные молебны, панихиды, присутствовал на общественных заседаниях, церковных концертах, но, кроме церковных заседаний и собеседований, Владыка нигде не председательствовал и сам ни организатором, ни инициатором внецерковных акций не был.

Несомненно, что именно эта аполитичность и бытовая, глубокая любовь к России определили послевоенную судьбу Владыки. После вступления Красной Армии в Прагу Владыка был несколько раз арестован, но остался на свободе. Московской Патриархией он был возведен в сан архиепископа, переведен сначала в Вену, потом в Берлин и позднее в Казань, где в канун Николина дня, 18-го декабря 1952-го года, Владыка скончался. Говорят, что и там Владыку очень полюбили...

Отчаяние «Плача» сменилось непрерывным ожиданием. Черно-серебряное торжество смерти погребено. Без огня, свечи в подсвечниках перед Плащаницей стоят стволами безлиственного леса. В предполуночной темноте толпа, переполняющая церковь, кажется гуще. Пробраться к Плащанице трудно. В руке читающего «Деяния» огарок бросает свет, бросает тени лишь в маленьком, как заколдованном, кругу. Еще *гроб*, церковь, но гроб не тот, каким он был еще вчера.

Служить Полунощницу выходит сам Владыка. В скромной лиловой мантии, без иподиаконов — они появятся к девятой песне — без «славы». Канон читает сам. Без театральности, с таким глубоким чувством, так искренне, что это чувство он передает не только нам, стоящим в церкви, но посылает он его

«туда», к себе на Холмщину, «туда» в Россию... — чувство уверенности, что *будет* Воскресение, что *гроб* есть *путь* и *смерть* — *начало* Новой Жизни!

«Ты знаешь, мальчик, Полунощницу будут передавать по радио, а вдруг услышат нас в РОССИИ!»

Ни с чем не сравнимое счастье Пасхи...

Влетаю в церковь к пасхальной вечерне, «вторые» разговины были еще обильнее тех «первых», после заутрени и литургии. Подбегаю под благословение. «Христос Воскресе, Владыко!» — «Воистину Воскресе!» — и широким размахом руки Владыка меня благословляет, как только он благословлял: «Ты, мальчик, чайку сухого пожевал бы, разговлялся много... Пойди у отца диакона попроси, у него есть, он знает!».

Мало отцу диакону чайку, он бороду одеколоном на Пасху поливает!

Все двери иконостаса открыты настежь — вход в *небо* всем открыт! Владыка! Небо! Пасха! Христос Воскрес!

Русское Возрождение (Нью-Йорк-Москва-Париж), № 27-28 (1984).

ЗАПИСИ ИЗ БЕСЕД ВЛАДЫКИ СЕРГИЯ

Печатается по книге, изданной в Париже в 1957 году.

Духовная жизнь в миру

Душа человека, призванная к спасению, во время своей земной жизни жаждет, по существу своему, встречи с добром и всюду старается позаимствовать, собирать, найти добро. Это добро есть как бы нити, из коих ткет себе человек одежду для брачного чертога, в которой предстанет он перед престолом Божиим и останется вечно. Одежда, сотканная из нитей добра и любви, просветлится, заблестит от Божьего света; сотканная из нитей зла, недобрых дел — еще более омрачится от Небесного света и устыдит и доставит горькую муку тому, кто окажется одетым в нее. Своими собственными руками, т.е. своею волею, хотя и несовершенною, расслабленною грехом, но свободно, надеваем мы на себя или одежду радости, или одежду стыда. То лучшее, что дал нам Господь как венцу Своего творения — свободную волю, достоинство которой Сам и оберегает, не оказывая на нас никакого давления, мы не бережем и часто беззаботно порабощаем ее греху. А поработив ее греху, как восстановим в добре, когда силы наши расслаблены? Своими силами не сможем ее исправить, но благодатною Божьею силою можем: Богу все возможно. Пока душа наша еще на пути в Царствие Божие, пока еще есть время, закрепим и укрепим нашу волю, слабую, немощную, благодатной силой Божьей и найдем в ней нужную силу и поддержку на борьбу со злом. Жизнь великий труд. Надо научиться жить во Христе мудро, и тогда все вокруг нас осмыслится и приобретет цену для вечности. Если будем внимательны, то обстоятельства, нас окружающие, послужат нам «старцами», научат нас послушанию Богу, помогут в терпении и любви пройти свой жизненный путь и обрести спасение. Где бы мы ни были, всюду нас окружает

возможность спасения; в какие бы условия ни поставила нас жизнь — всегда можем духовно зреть и совершенствоваться. Наша жизнь при всякой обстановке может быть путем, ведущим нас ко благу нашему, к блаженству, которое доступно бывает уже здесь на земле.

Всякий грех есть несчастье и для нас самих, и для окружающих нас. Грех есть начало разделяющее и разъединяющее, отталкивающее нас от людей. Грех не исторгнутый лежит тяжестью на сердце и отводит людей друг от друга. Всякая победа над грехом есть отвоевание себя и других для взаимопонимающей жизни всех людей. При победе над грехом открывается взаимное притяжение и родство людей по природе: побеждая грех в себе, человек помогает другому, даже помимо воли последнего, раскрыть лучшие свойства его души, как бы противовольно — влечет последнего к добру. Побеждая грех в *себе*, оживляя в своем внутреннем человеке лучшие стороны, человек этим самым открывает духовный клад и в другом человеке и помогает *другому* найти в себе то, чего он еще и не видит в себе.

Добро находит отклик в среде тех людей, которые, *уже* имея его, еще не видят его. Человек, пока грех владеет им, как бы боится другого человека, но при победе греха в себе он заражает и другого и окружающих добром. Это важно отметить и почувствовать, потому что в обычном состоянии у нас преобладает пессимистическое чувство, и нам кажется, что грех владеет миром. Такой пессимизм удерживает от борьбы с грехом и понижает активность в борьбе с ним.

При поверхностном знакомстве с человеком мы ничего не видим и даже не можем видеть неиспользованный клад добра, присущий другому. Побеждающему грех в себе открываются в другом эти силы добра и эти стороны души другого как богатство добродетелей. Когда греховный человек увидит близкого, делающего добро, он обретет и в себе силы для христианского делания. Великая, ни с чем не сравнимая радость заключается в отыскании добра в себе и в других, в увеличении его в

мире проявляется сила благодати Божией, проявляется в том, что она помогает нашим расслабленным силам делать то, что без нее было бы невозможно. В жизни часто бывает, что человек «делает грех, которого не хочет» (св. ап. Павел). Этот невольный пленник греха в чужом добре находит силу, двигающую его к добру в обычной будничной жизни.

Для счастья настоящего, а не призрачного, нужно побеждать грех. Всегда надо внимательно присматриваться к тому, что двигает человеком вовне и что владеет им внутри его, присматриваться к его поступкам и желаниям. Область эта нелегкая, *но во взаимоотношениях* людей — вся жизнь. Надо освещать их светом Христовой Истины, чтобы эти отношения не были вредны нам самим и с нами сталкивающимся. Если мир в душе, то эта радость не отнимется никогда. Немирность же всегда приносит несчастье. Если в человеке внутри мир, то мирное сердце бросает свет на все. Мирность сердца есть главное достижение. Действия, освещаемые таким сердцем, обращают все отношения на пользу. Греховное состояние, идущее от другого, как раздражение, если мы сдерживаем свое раздражение, обращается нам на пользу, как устрояющее наше и другого духовное благо, — этим же мы останавливаем и чужое раздражение. Здесь выходит благо и для проявившего кротость, и для того, кто раздражился. Отсюда и счастье в жизни. Побеждение греховного дает благо, а забота о своем спасении дает общественное благо. Состояние человека уступающего есть утверждение добра в атмосфере, нас окружающей. Добро как сила положительная развивает и вызывает к жизни дремлющее в других добро, закрытое доселе равнодушием и налетом зла. Добро создает атмосферу, которая сама является помощью в борьбе со злом и в христианском делании. Иногда кажется, что труд над искоренением греха в себе — эгоизм, что такой человек занят собой и равнодушен к общему делу. Но это не так. Человек, не успевший одолеть свою греховность, не может оказать ни благотворного влияния на окружающих, ни быть в

помощь другим, ни содействовать их победе над грехами.

Он не может действовать для общественного блага с той пользой и силой, с какими мог бы, если бы победил в себе грех. Святость есть великое общественное благо и сила. Желая подлинно послужить ближним, мы прежде всего должны очистить себя самих от греховных привычек и наклонностей, стать чистыми, вести богоугодную жизнь. Только в меру нашего совершенствования мы можем быть полезными нашим ближним в их горе и несчастье. Это — единственный путь к служению ближним. Достигший святости достиг наибольшей возможности служить ближним. Достаточно вспомнить имена преп. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского, чтобы убедиться в этом. К ним стекался народ отовсюду, и они умели помочь во всякой нужде. Они служили обществу, и служили наисовершеннейшим образом, ибо вносили в мир подлинное благо: они сами в опыте познали, что такое добро, и поэтому могли научить ему и других. Люди — перед Богом — являются цельным организмом. Отдельные личные явления святости как бы очищают, освящают и весь организм. Подобно — и грех одного человека омрачает, загрязняет и весь организм. Спасая себя, мы как бы вносим долю спасения в дело спасения всего человечества.

Созидание внутреннего человека совершается не в минуту поражающих подвигов, а в будничной жизни. Цель человека — устроение внутренней жизни, созидание в себе царства небесного. Борясь с грехом, утверждаем в себе и в мире жизнь Божественную. Борьба с грехом открывает и догматические истины, и мы приближаемся к познанию Божественной жизни. Такая жизнь есть и строение царства Божия и само царство Божие, пришедшее в силе. Делаются более понятными слова молитвы Господней: «Да приидет Царствие Твое. Да будет воля Твоя».

Когда мы, побеждая грех, преодолевая разъединение, соединяемся, то мысли и желания у нас становятся общими, мы при-

ходим к единомыслию. В этом единстве чувств и желаний нам становится понятной воля Божия и ее требования к нам. Это — то единство, о котором молился Христос Господь. Это единомыслие и соединение в любви — не отвлеченный идеал, а деятельная задача устроения жизни. Приблизиться же к нему мы можем, если откроем наше духовное сродство. Вопрос о спасении не теоретический, а путь действия. К сожалению, не все церковные люди это понимают. Бороться с грехом надо для взаимного приближения и для осуществления того, что как жизненная задача лежит перед нами.

Наличие счастья в жизни лежит в наличии нашей духовной жизни. Как бы ни были прекрасны формы жизни, но если человек не победит в себе греха, он не достигнет подлинного счастья.

Люди во имя удовлетворения своего самолюбия ввергают и себя и других в катастрофические обстоятельства. Личная греховность человека, непобежденная изнутри, может всякое, даже благое само по себе дело повернуть в другую сторону, принести большой вред отдельному человеку и многое исказить и в исторических и церковных событиях. Таким образом, подвиг личного спасения есть подвиг общественный. Личное спасение не есть что-то замкнутое в себе: оно является солью всего. Надо его искать в миру, в семье и в окружающей среде. Нам надо осознать, что Царство Божие *внутри* (среди) нас. Внешний человек ветшает, внутренний обновляется. В самом человеке происходит борьба, состояние без борьбы есть состояние, которое говорит, что духовная жизнь в человеке замирает, что потемняется духовное начало.

Состояние борьбы есть признак духовного роста, и ни на минуту не должен прекращаться духовный процесс. Каждое мгновение человек избирает благое или злое. И это избрание путей добра или зла и есть содержание нашей внутренней борьбы. Духовную внутреннюю борьбу нельзя смешивать с тем, что у нас именуется «принципиальной борьбой», ибо в духовной борьбе решающим и ведущим является не «отстаивание прин-

ципа», а соответствие или несоответствие избираемого воле Божией. Тем более нельзя подлинную духовную борьбу подменять так называемой «принципиальной борьбой».

Свет воли Божией все озаряет в нас; он должен действовать в нас постоянно. Мы охотнее избираем то, что кажется нам легче, что кажется нам более свойственным нашей природе. Мы часто соблазняемся этим и поддаемся греховному течению в нашей жизни.

Труд над спасением часто отлагается на старость. Начало спасения предполагаем положить в будущем, забывая, что старости *можно и не дождаться.* Будущее — всегда около нас, оно связано с нашим покаянием и исправлением. Тайна подлинной жизни и состоит в том, чтобы забота о спасении не отодвигалась на неопределенное будущее, чтобы каждый наш шаг озарялся светом Правды и Воли Божией и в свете их исправлялся. Памятовать о том, что мы стоим на краю гибели и идем по пути греха, необходимо для того, чтобы свет правды озарял нашу жизнь.

Мы хотим жить счастливо и хорошо. Но что мы делаем для этого? Даже утренние и вечерние молитвы не раскрывают пред нами нашего пагубного состояния. Необходимо, чтобы мы вошли в смысл молитвы, и тогда найдем и сознание нашей греховности и сознание милосердия Божия. Эти молитвы определяют всю нашу жизнь и деятельность, они указывают и то, что мы должны делать, и то, чего мы должны избегать.

В молитве вечерней и утренней мы предстоим пред лицом Божиим и рассматриваем себя. Молитвы эти нас самих раскрывают пред нами. Важно, чтобы то немногое, что предстоит нам на день, мы осветили разумом Божиим.

Грех, в нас живущий, затемняет нас и заставляет нас оправдываться пред нами самими же. Самооправдание подставляет нам лукавый. В нас, пока не пробудится совесть, чуткая не только к отдельным грехам, редко сознание нашей греховности. Мы всюду вносим нашим грехом разделение, и каждое биение сердца к добру есть мера, идущая на весы. Наши оправдания наших греховных действий — враг нашего спасения. Только осознание опасности греха вызывает волю к борьбе против греха. Мы равнодушны к греху, пока не сознаем, что он нас лишает счастья. Мы считаем грех своей природой. «Я, мол, такой и такой и не могу быть иным.» «Такой у меня характер.» Но ведь характер совсем не есть нечто такое, с чем нельзя бороться. В момент решения начать противостояние греху надо помнить, что грех не *сроден* нам, а приразился нам. Прародители наши были созданы без греха. Грех есть нечто *пришедшее* в нашу природу, *приражающееся* к нам и восстающее на те состояния души, которые *природны* для нее, как созданной по образу Божию. Грех берет нас в плен, привходит в наш естественный состав как чуждое начало, но потом все идет сорастворенное с грехом. Осознание, что грех не есть *наше*, чрезвычайно важно, так как помогает бороться с грехом. Момент озарения от Господа, когда мы осознаем нашу греховность, прежде всего связан с волей, так как грех вселяется в волю человека, и «слабость воли» от лукавого. Но если мое, идущее от меня, сорастворено с грехом, то как же я буду бороться с собой? Для того, чтобы у меня явилась воля к борьбе с грехом во мне, необходимо знание, что грех не есть мое. Это знание укрепляет волю к противодействию греху.

Напрягая все силы, человек разрядится в добро и светом добра ударит в другого человека, сродного с ним. У того тоже явится свет, и это есть победа над злом, величайшее дело.

Греховная и духовно правильная жизнь — обе проходят внутри человека, и жизненная среда есть способ, при помощи которого человек должен обратиться внутрь себя. Уже было сказано, что грех есть сила разъединяющая. Поясню это жизненным примером. Люди обидели друг друга, не хотели уступить один другому, оскорбили один другого, обиделись, разошлись. Вот вам и несчастье. Это говорит, что надо бороться с грехом ради нашего же счастья, так как гневливость есть несчастье нашей жизни. Человек создан с желанием счастья и должен и может научиться бороться за свое счастье против несчастья, то есть против греха в той среде, которая особенно близка ему и близка по плоти. Силы греха и святости пребывают в человеке как бы в состоянии «связанного покоя». И в зависимости от того, как мы прикоснулись к человеку, начинает в нем и в мире действовать или сила добра, или сила зла. Нам всегда нужна такая среда, которая очищала бы наш внутренний мир, давала бы нам силы и возможность раскрыться и в своей правде, и в своей неправде, давала бы возможность истинного познания себя. Среда «вообще», как случайное соединение людей, мало содействует этому. Пред другими человек прячет свою неправду, вгоняет ее внутрь и старается предстать «чистеньким». Он стыдится того, что о нем «подумают», стыдится «общественного мнения» и поэтому «не выявляется». Только в привычной, «домашней» среде таящееся в человеке злое начало выливается наружу. В этом отношении обстановка семьи — необходимый момент для познания себя. Не случайно, что мы часто *боимся* быть в такой «домашней» среде. Убегая от нее, мы «всем интересуемся», «всем развлекаемся», лишь бы уйти от условий, содействующих познанию себя.

Ближайшая среда раскрывает нас самих для нас же самих. Но тут надо *уловить* возможность зарождения греха и не дать ему перейти в действительность. Это момент *отделения* себя от греха.

Вопрос о спасении есть основной вопрос истории человечества в целом и личной судьбы каждого. К нему (или иначе — к вопросу о счастье) приложимы слова «был, есть и будет». Все остальное зиждется на этом вопросе и на осуществлении его в жизни. В этом смысле — счастье в наших руках. Оно созидается победой над грехом. Ближайшей средой и полем для борьбы с грехом является прежде всего семья и все те, кто вокруг нас и нашей семьи. Мы смотрим на среду, на обстановку, в которой живем, как на нечто случайное, и даже на свою семью не смотрим, как на путь, данный нам Богом для спасения. Жизнь в семье кажется нам какой-то случайностью, и самое главное в семье ускользает от нашего внимания. Семья, по слову апостола, — малая церковь. Она может особенно помочь человеку в достижении главной цели жизни. В семье ищут счастья. А что разуметь под счастьем? Ответы на этот вопрос — туманны. Это свидетельствует о том, что самое существенное не извлекается из этого Богом данного состояния.

Почему семья кажется наиболее удобной средой для спасения? В семье человек непосредственно открывает свои чувства, а при посторонних он скрывает свой внутренний мир. В обществе, например, человек, услыхав что-либо недоброе о себе, сдерживается, скрывает свое раздраженное состояние, старается показаться иным. Греховное движение его духа остается скрытым; он живет лицевой, показной стороной своей, а не внутренней. В семье же он не прячет своего действительного состояния: он изольется, не постыдится выявить свое греховное состояние в слове или действии. И скрытый греховный мир обнаружится и перед семьей, и перед близкими, и перед ним самим. Таким образом, человек — при верном отношении к себе и вопросу о своем спасении — в условиях семьи легче может уяснить себе, что в нем греховного, уяснить то, что отделяет нас друг от друга.

Только надо, чтобы это опознание своего внутреннего мира, опознание его греховности вело к борьбе с грехом.

Семья, семейная среда, Богом нам данная, наиболее удобна для устроения нашего спасения. В атмосфере семьи мы можем всего лучше и удобнее бороться со своими грехами и недостатками, ибо в семье мы не стесняемся быть и выказываться такими, какими мы действительно являемся. В семейной жизни человеку приходится каждодневно обнаруживать свое настоящее состояние, быть искренним с самим собою. Правильная жизнь в семье учит человека держать себя, изживая свое отрицательное, побеждать свои плохие стороны, укреплять свое доброе, и он каждый момент может усовершенствоваться. Это тем возможнее, что всякая победа над грехом внутри себя дает радость, утверждает силу семьи, ослабляет зло и тягостные несчастья. Семья содействует не только личному спасению, но и утверждает благо среди нас и кругом нас. Каждый миг жизни надо употребить на стяжание того, что само в себе несет радость и счастье. Надо стараться, чтобы время не было прожито даром, но стремиться к тому, чтобы не только растрачивать уже имеющееся добро, но и приобретать новое. Ждать долгие годы удобного момента и откладывать свое духовное устроение на неизвестное время нельзя: такого момента и времени можно и не дождаться. Надо, чтобы в нашей жизни каждый шаг был для приобретения неоскудеваемого сокровища. Откладывание ничем не может быть оправдано. Это настроение выгодно только врагу нашего спасения, оно создается и укрепляется его наветами, затемняющими действительное и придающими ценность неценному.

Спасение в наших руках: его можно строить в нашей мелочной каждодневной жизни. Для искоренения зла надо извлечь изнутри то, что есть нехорошего в себе. Если представится для этого случай в своей семье, в повседневной работе, нельзя оставлять этого момента: он дан нам от всенаправляющего благого Господа для преодоления того, что ведет человека к несчастью. По частичному достижению — исполняется задача всей жизни. Человек создан для счастья, и только победами каждодневными может он достигать радости и такого состоя-

ния, которое несет всем и всему свет. В этом случае вся жизнь его изнутри сияет светом, падающим на всякую каждодневную мелочь, дающим *особый*, иной тон всему. Тогда осмыслится жизнь и отнимется тягота, расслабляющая и убивающая, не дающая человеку активно устроить обстоятельства жизни на утверждение добра на земле.

Значение и сила слова

Общение наше главным образом происходит через слово, и не безразличен образ этого общения. Наше слово есть отображение воплотившегося Слова. Господь сказал: «Да будет свет». И невидимое через слово приняло свое бытие. Слово являет величайшую силу в мире. «Словом Господним небеса утвердишася и духом уст Его вся сила их» (Пс. 32,6). И в нас через слово является скрытое, сокровенное делается явным. С какой осторожностью надо употреблять слово! Как важно, чтобы наше слово имело атмосферу добра. Общением через слово мы ищем для себя блага, хотим иметь его в себе. Слово, имеющее в своем исхождении благо, осветляет нам нашу жизнь. Если в беседе благое слово имело силу, то после беседы у нас надолго остается хорошее чувство чего-то ценного, общего нам, божеского. Слово должно сближать нас, вносить единение, а не разложение и разделение. Слово, попадающее в резонирующую среду, производит величайшее действие, которое имеет громадное значение во всем строе нашей жизни. Но мы пребываем в состоянии греховности. Наше слово ослабляется нашей греховностью и не приходит в жизнь полным звуком. Только отсеянное от греха слово является в полной силе, так как оно соединено тогда со Словом, сотворившим мир. Наше слово, исходя из тайников нашей души, неослабленное в своем исхождении греховностью, в силе потенциального добра, находящегося в нас, попадая вовне, несет в себе добро и свет, поскольку оно соединено с Источником света Бого-Словом. Оно воплощается.

Расточая слова без всякого внимания к ним, мы и не думаем, что слова эти, восходящие до неба и уходящие в вечность, могут нести разделение и разложение в семье, в обществе, в мире.

Собравшись, в беседе мы обыкновенно начинаем с суждения о чем-либо и быстро переходим в осуждение, не считая даже это за грех. Осуждение — язва, разлагающая нашу жизнь. Осуждение разделяет нас, отталкивает друг от друга, а с разделением происходит разложение того хорошего, что в нас есть. Слово должно творить нашу жизнь, собирать добро, сближать нас, вносить единение, а не разделение, разложение и смерть. И как важно, чтобы слово, отображение Логоса на земле, несло бы нам свет и радость бытия среди атмосферы вражды и разделения, в которых мы живем. Мы часто словом приписываем людям то, чего в них нет, подозреваем их в том, чего даже и не существует на самом деле. Такое пользование словом сеет между нами только разделение. Благое же слово, попадая в среду, где находит себе отзвук, производит величайший переворот в этой среде, двигает горами. Мы видим это постоянно в истории всего человечества.

Наше общение в слове не безразлично. Слово имеет вечность, и наши слова не пропадают так себе, а уходят в вечность. Надо так пользоваться словом, чтобы не ответить за него в день судный, ибо сказано: «Яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный» (Мф. XII,36). Надо, чтобы слово не осудило нас в день судный. Не Я буду судить, а слово, сказал Господь (Иоан. XII,48). Свет пришел на землю, а мы не замечаем его. Добро не суммировано в нас. Несконцентрированное добро не светит нам, а мы не замечаем той силы, которой оно обладает. Нам нужно в общении друг с другом искать общности, отсеивая все, отделяющее нас друг от друга. Найдя друг в друге общее нам божеское, мы радуемся, а что касается до греховности в людях, то придет Господь судить и сам отвеет греховное и воздаст каждому по делам его. Не внешний суд будет, а суд мы сами себе произносим, живя и греша на этой земле. Господь сказал: «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Иоан. XII,47). Надо и нам стараться не судить. Мы должны искать блага на этой земле. Царство Божие — свет и радость — здесь около нас и в нас самих. Только надо вести борьбу со своими страстями, с той тьмою, которую нагоняет лукавый в наше сердце. Борьбой с грехом мы помогаем Господу

утвердить Его царство в нашем сердце, а через нас и на земле. Трудно бороться с грехом. Самолюбие, осуждение, раздражение, гордость — это все колючки, которые колют и нас самих, и окружающих нас. Надо эти колючки вынимать, что делать тоже больно. Крест это. Зато, перестроив свое сердце, дав там место Господу, мы ощущаем радость. Свет от Бога освещает тогда сердце наше. Недаром поется: «Крестом радость всему миру». Подъятый крест ведет к воцарению царства Божия на земле, благобытию, к славе Божией. Усилие в преодолении нашей греховности и есть распинание нас со страстями и похотьми. Это и есть крест, которого мы все так боимся. Конечно, в кресте есть тяжесть, и Сам Христос падал под тяжестью креста, но через крест видится и радость воскресения. Идея воскресения есть идея торжествующей силы добра. Через преодоление греха наступает наше воскресение: «Иисусе воскресший, воскреси души наша!».

Беседуя, мы часто впадаем в осуждение, а о добре мы стыдимся говорить: «Еще осмеют!». Ну, что же: за Христа можно и претерпеть. Зло боится доброго слова и высмеивает его. Доброе наше слово есть сила творящая, так как ему свойственна та творящая сила, которой обладает Бог-Слово. Словом, как Божественной силой, преодолевается возникающее зло. Слово есть и в молчании: это — внутреннее слово. Слово, даже не сказанное, имеет силу. Часто доброе слово проходит пласт осмеяния и несочувствия, но этого бояться нечего. Оно проходит через этот пласт и всходит, как зерно. Чтобы сделать всход, зерно божественной силой, сообщенной Творцом, преодолевает пласт земли, лезет и дает росток. Так и доброе слово имеет творческое начало: «Им же вся быша». Не бойтесь сказать доброе слово. Слово, попав на добрую почву, может воплотиться в действие и принести богатейший плод. Если к слову приражается лукавый, оно теряет свою силу. Мы обессилили могущественность слова, пустив в него смерть. И слово вместо правды несет нам разделение, небытие, смерть. Не отразив лукавого, я внес словом разделение, и оно пойдет туда на суд в судный день. В момент рождения внутреннего слова надо обращаться к Богу за помощью. Обращением к Богу мы низводим с

неба свет, и он входит внутрь нас, и тогда рождающееся слово несет свет в мир и в момент рождения является творческим и объединяющим. Тьма боится света. Исподтишка, усмешкою ослабляется наша воля. Мы боимся проявить себя, сказать доброе слово, а лукавый радуется и обнаруживает свое действие и наше бессилие. Полнота энергии добра задернута боязнью усмешки. Наша задача сказать: мы отрицаем силу зла и верим в добро.

Человек все чего-то дожидается. Нам теперь нечего ждать, а надо действовать. Нечего говорить: «Я не воин». Ты воин с теми доспехами, которые имеешь. Надо стараться сказать хорошее слово, доброе. Это миссия, которую Господь дает каждому человеку. Добро дерзновенно. Хорошее слово, несущее добро, в сродных душах вызывает свет, в темных — обличает темноту. Грех несет нам призрачную жизнь, добро — реальную жизнь, уходящую в вечность. Говоря доброе слово, мы как-то раздвигаем небо и вступаем в вечность. И слово доброе является камнем той обители, которую уготовляет нам Сам Господь, как Он уготовал обитель разбойнику во едином часе. Доброе слово несет нам с собою благо и радость в этой жизни, в будущей же вечной жизни даст нам блаженство лицезрения Бога. Как зерно в притче о сеятеле, так и доброе слово, упав на добрую землю, даст плод — иной в тридцать, иной в шестьдесят и иной во сто крат.

О подвиге общения

Христианская жизнь есть хождение в свете. За серостью нашей жизни мы не видим и не сознаем себя в полноте нашей миссии на земле, в полноте данных нам от Бога дарований, не сознаем даже самих себя. Дарования нашей души остаются у нас неиспользованными. Мы кажемся себе никчемными и других считаем такими же, меряя их по себе, и говорим: «Мы маленькие люди, обыкновенные. Где уж нам что-либо сделать», «Только бы кусок хлеба заработать». Это умаление часто ослабляет нашу волю к действию — между тем, как мы ни малы и слабы, каждый из нас имеет свою миссию. Каждый человек в мире имеет свое назначение, является посланником Божиим на земле. Для Господа нужна каждая душа, и каждый ответственен за свою жизнь и не избавлен от ответственности за других. Не в малости нашей дело, а в нежелании взять на себя ответственность. Мы часто говорим: «Это не мое дело, пусть уж другие стараются, моя хата с краю». Такими словами мы перекладываем свою ответственность на других. Перекладывая же ответственность на другого, мы как бы тем самым перекладываем и вину тоже на другого, от чего возникает осуждение, которое ведет к разделению. Возьмем для примера то, что произошло с нашей Родиной. Мы не хотим все признать себя виновными, а все говорим, что в нашем несчастье виноваты то те, то другие. А между тем, если каждый признает свою вину в разрушении России и покается в ней, то Господь дарует спасение нашей Родине.

Внешняя жизнь во многом зависит от нас самих. В силу своего посланничества на земле каждый имеет влияние на окружающую и тем самым на мировую жизнь. Если недобрая воля

как бы нейтрализует силу добра, тем паче воля, освобожденная от греха, имеет громадное значение.

Мы живем каждый день и каждый день общаемся с теми или иными людьми. Общаясь друг с другом, мы можем раскрыть себя или в худшую, или в лучшую сторону. К сожалению, мы обычно не вскрываем света и добра, в нас обретающихся. Наши дарования нейтрализуются серостью нашей жизни. Мы часто сами не знаем ценностей нашей души, и от этого ложится на душу некоторое помрачение. Ведь для выполнения нами своего назначения, для раскрытия нас самих надо, чтобы открылись наши внутренние очи: только тогда мы увидим в душе те ценности, которые закрыты от нашего внутреннего ока. Надо самим открывать в себе эти ценности и помогать другим раскрывать их. Особенно надо подчеркнуть значение последнего: помогая другим открыть себя, мы сами открываемся себе в своей глубине. Этим именно и полезно общение с другими людьми: оно является для нас школой нашего спасения, школой нашего духовного напряжения, избегать же общения с людьми для христианина не всегда полезно.

В одиночестве человек становится почти всегда беден. Чем больше он будет отдаляться от людей, тем более он будет сам беднеть. Живя в одиночку, мы как бы отрезаем себя от общей жизни, от жизни целого организма, и в этой самости засыхаем, так как не питаемся тогда соками общей жизни. Через общение же с людьми происходит извлечение нераскрытых сил человека; через соприкосновение сродных начал силы эти приходят в движение. Общение с людьми обогащает таким образом нашу душу, она расцветает через полноту нашего сближения с другими людьми. Каждый человек ведь индивидуален, но каждый человек может восполнить в себе недостающее через общение с целым организмом человечества. Люди — цветы Божии; надо, как пчела, уметь собрать мед с этих цветов, обогащать себя индивидуальностью других и свою индивидуальность раскрывать для других.

Иногда общение нам бывает трудно, но мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг. Человек, общаясь с другими и творчески преодолевая разде-

ление, раскрывает свои ценности, обогащается сам и тем самым обогащает других. Каждая ведь встреча может дать нам очень много. Если быть внимательным к окружающим нас людям, то непременно унесешь богатство, отыщешь ценности — свет и добро. В каждом человеке есть прекрасное, и только наша греховность не позволяет нам видеть это. Обычно мы только внешне прикасаемся друг к другу и не даем себе труда добраться до подлинной сущности человека. Мы не раскрываем человека с душевной стороны во всей его полноте. Мы встречаемся с Иваном, Петром, Марьей, Дарьей и в большинстве случаев расцениваем их неправильно, рассматривая их чисто внешне. Мы говорим: «Тот симпатичный, а этот нет». Часто, видя какие-нибудь недостатки человека, мы сторонимся от него, принимая то, что несущественно для него, за его истинную действительность и не пытаясь даже добраться до сущности, осуждаем его, чем отделяемся друг от друга, не пытаясь преодолеть то, что разделяет нас. Мы привыкли общаться с людьми нам приятными, когда в нас есть естественное расположение друг к другу. Встречая же малейшее препятствие при общении, мы не употребляем воли для преодоления его. Поговорить с человеком, к которому имеешь предубеждение, нам очень трудно, но именно это затруднение нам и надо преодолевать. Господь хочет собрать нас воедино, лукавый же старается отделить нас друг от друга. Через преодоление разделения мы опознаем друг в друге то единое, что у нас от Бога, что составляет нашу силу, что дает нам благо жизни — благобытие. Грех разделил весь род человеческий. При победе в себе греха люди взаимно приближаются, так как возвращаются к изначальному своему состоянию общности человеческой природы — единого организма. Грех же обкрадывает человека. Не преодолевая того, что нас разделяет, мы видим не подлинную жизнь каждого человека, а личину его, которую мы неправильно принимаем за действительность. Наша разделенность, наша самость искажает нашу жизнь.

Нередко мы должны для общения с людьми побороть в себе некое неприятное чувство, пересилить себя, совершить некоторый подвиг, побороть свою неприязнь, что является уже доброделанием или добродетелью. В самом деле, это есть наша

задача каждого дня для каждого из нас. Общительность есть дарование Божие, а из необщительного сделать себя общительным ради пополнения своей скудости — есть подвиг.

Иногда мы видим, что в рядовых людях вдруг открываются необыкновенные ценности при каких-нибудь чрезвычайных событиях, как, например, война или какое-нибудь иное бедствие. Зачем же ждать этих чрезвычайных событий, чтобы узреть добро в человеке? Относясь творчески к жизни, мы всегда можем его выявить, надо только постараться выйти из инертности и преодолеть разделение. Преодолевая это разделение между людьми, люди начинают ощущать единство жизни, которое дает им благо, несет радость, блаженство. Через преодоление разделенности мы как бы входим внутрь друг друга, примером чего может служить дружба. Про таких людей говорят: «Они живут душа в душу». Только через преодоление того, что разделяет нас, является перед нами полнота жизни.

Нам обычно кажется, что наши встречи с людьми случайны. Конечно, это не так! Господь ставит нас друг около друга в семье, в обществе, чтобы мы один от другого обогащались, чтобы, прикасаясь друг к другу, люди трением возжигали блестки света. Господь говорит: «Вот тебе задача. Я поставил тебя с тем или иным человеком. У тебя в сердце есть талант, которым Я наградил тебя, раскрой его». Господь, посылая каждую душу в жизнь, оделяет ее каким-либо талантом и дает ей арену для действия, для расцвета ее духовной жизни. И как каждый человек духовно неповторим, то, если его духовное богатство не будет выявлено, это будет смерть духовная, исчезновение света Божия в данной точке бытия. Поэтому каждый должен заботиться о своем духовном мире, чтобы дать свету Божию в нем засиять, а не исчезнуть. Отчего не хотим мы, как бы медлим, использовать свои силы, которые находятся в нас? Через борьбу с грехом в нас самих мы освобождаем начало добра в себе и этим можем сами творить новую жизнь, сокращать зло на земле, сокращая прежде всего зло в самих себе. Малейшее усилие с нашей стороны разрежает нашу инертность, пробуждает дремлющее в нас добро и выявляет его.

Каждому даны свои таланты. Каждого Господь спросит: «Почему ты не сделал того, что должен был сделать?». Задача каждого в своей жизни раскрыть и умножить талант, данный ему Богом. Обыкновенно говорят: «У меня нет никаких талантов», имея в виду талант ученых, художников, общественных деятелей... Но гораздо важнее таланты сердца, которыми Господь наделил каждого человека, как, например, приветливость, чуткость, сострадательность. Раскрытие этих талантов, как природных свойств нашей души, в наших руках; эти наши таланты, конечно, раскрываются лишь через живое общение с людьми. Мы и должны поэтому научиться извлекать ценности своей души через близость к тем людям, с которыми нас поставил в жизни Господь. Мы вообще ведь соединены различными нитями друг с другом — и нам надо через эти нити создавать общность и единство в нашей жизни. Наша задача в жизни может быть сформулирована как искание общности в жизни с людьми, с которыми мы связаны. Больно сознавать, что много людей жалуется на одиночество. Обособленность от других, действительно, угнетает человека, а единение, наоборот, дает бодрость, так как человек чувствует, что он в мире не затерян. Единение между людьми есть нить, переброшенная от земли к небу, к Богу, к Единящему центру. Единство, исходящее от сердца одного к сердцу другого, имеет в себе направление к единому центру — к Богу, ибо единение между людьми и есть жизнь, разделение же есть смерть. Единение между людьми несет нам благо, которое дает нам радость жизни. Это есть закон жизни, отступая от которого люди должны страдать неминуемо. Мы все созданы по образу Божию — и это значит, что образ Божий и есть то, что нас единит. Сближаясь, можно постепенно достигнуть единомыслия, единодушия, единоволия... того единства, о котором Христос сказал: «Яко же Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Иоан. XVII,21). А мы даже не считаем долгом искать в серости людской жизни того, что у нас от Бога, что на самом деле могло бы нас сблизить. Разделенность мы принимаем за подлинное бытие и не употребляем усилий, чтобы преодолеть эту разделенность. А состояние разделенности лишает нас возможности

находить радость в повседневной жизни, мешает нам раскрыться и выявить свои ценности.

Мы все ждем радостей извне, а того, что есть в нас самих, мы не замечаем. Мы потому и окутаны тьмой — и внутри, и вовне. В наших сердцах лежит тьма греховная, и мы придаем не то значение вещам, какое надо. Мы запутываемся в мелочах, устаем в суете, дела не делаем, а друг с другом ссоримся. Так день идет за днем, и данный момент жизни уходит без того содержания, которым мы могли бы наполнить нашу жизнь, если бы прежде всего искали друг в друге общее нам, божеское. Мы не различаем значимости минут, дней, часов, вещей... У нас ослепление какое-то. В нашей обыденной жизни, где требуется поминутно преодолевать препятствия, чтобы быть в общении, мы, по несознанию важности этого, не преодолеваем их. Мы ходим во тьме и ежеминутно спотыкаемся, отчего очень страдаем. Если бы мы попробовали преодолеть тьму в нас самих, то этим самым сделалось бы светлее и вокруг нас, но мы не стараемся рассеять тьмы. Если же достигнуть момента осветления, то все изменяется, и люди, окружающие нас, становятся как будто иными.

Постоянно слышно: «Нет людей хороших». Как нет людей? Среди нас люди и с образованием, и с умом, и с душевным кладом, и только за внешней, серой оболочкой мы этого не видим, чем зарываем и свои таланты, и чужие. Мы рабы ленивые и лукавые. Мы говорим, что не можем умножить свои таланты, хотя и сказано: «Толцыте и отверзется вам».

В каждом сердце надо искать клад. Клады ищут часто, но не душевные, а надо искать душевный клад. Могут спросить, зачем. Ответим: чтобы обогатиться. Мы видим в людях только внешнее и берем от них внешнее и не замечаем клада, лежащего в каждом, не ищем этого клада. Надо искать талант сердца: этот клад есть источник блага. Но как это сделать? Для этого нужно напряжение и труд. Без труда, говорят, и рыбку не вынешь из пруда. Если и великие таланты, получив дар от Бога, должны трудиться, чтобы был соответствующий плод, то тем более это верно для обыкновенных людей.

Подходя к человеку, будем вглядываться в его сердце, которое есть центр человека. Христос сказал, что все исходит из человеческого сердца: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое» (Лук. VI,45). Доброта сердца есть дар Божий, ее можно удесятерить; на доброте сердца легче построить добродетель; Иоанн Златоуст говорит: «Не в том чудеса, что делаем великие дела, а чудо то, когда злой превращается в доброго», ибо тогда побеждаются уставы естества, совлекается ветхий человек и созидается новая тварь через борьбу с грехом. Борясь с грехом, человек совершенствуется, то есть становится тем, что его роднит с Богом. Человек, побеждая грех в себе, открывает этим лучшие стороны своей души, чем в то же время вскрывает и в другом человеке клад, о существовании которого тот и сам даже не подозревал. При грехе человек как бы боится другого человека, не ступает радостно по земле. Он думает про себя, как бы ему не встретиться с тем или иным человеком... Побеждая же грех, человек подходит легко к другому человеку и заражает его добром. Наша задача обращать внимание не на внешнее, а искать в себе и в других то, что у нас от Бога. Если посмотреть каждому человеку внутрь, то можно увидеть его истинную сущность. Это не легко сделать, но надо нудить себя на это.

Подойдем к тому же с другой стороны. Душа наша многогранна и раскрывается не вся целиком сразу. Разнообразные силы душевные зреют благодаря действию нашей воли, а еще более через влияние нашего опыта, всей жизни. Как часто, устремляясь к добру, мы даем простор дурным движениям, связанным с этим добром; так прорастают в душе новые плевелы. Усилием воли мы могли бы вырывать эти плевелы, и тогда талант души мог бы раскрыться в атмосфере уже очищенной. Господь прижимает нас друг к другу, как, например, в изгнании, а мы не сближаемся, не ищем божеского друг в друге, а только все ссоримся и отделяемся друг от друга. Мы не раскрываем своего капитала, тогда как этот капитал, раскрытый через общение, своим единством может приблизиться к единству ума, воли и чувства. Это — клад душевный, обретение которого

прекратило бы наше разделение. Найдя этот клад, мы будем черпать из него силы для жизни. Если этого не сделаем, Господь посечет нас, как смоковницу бесплодную.

Когда мы пребываем в добром общении с людьми, мы освещаемся искорками света, уносим с собой что-то невидимое, чем и живем. Господь посылает нас в мир, чтобы выявить свои богатства. Если по крупинкам соберем открытое нам добро и свет, то и это уже будет много. Если будем собирать крупинки света, то в этой атмосфере пропитаемся и сами светом, и тогда произойдет вспахивание нашего окаменевшего сердца. Отыскивание этого света и есть процесс искания, так как это уже есть момент духовного просветления: красота искомого тогда наполняет красотою нашу душу. Вот пришла благая мысль отыскать клад в своей душе, и в поисках его мы неминуемо будем выдергивать плевелы из своего сердца. Момент исторжения греховных терний из нашего сердца и очищение его и дает нам ощущение подлинного блага, дает радость жизни. Это благо есть ступень к обители лицезрения Бога, момент нашего духовного роста — блаженство. Сказано: «Чистии сердцем Бога узрят» (Мф. V,8). Такими отдельными моментами человек как бы вдвигается в вечность, утверждается в вечности, уготовляя себе уголок в обители, которая есть свет, идущий от Света светов.

Подвиг очищения сердца требует от нас хождения во свете, а мы ходим во тьме и не ищем света. Тьма в нас самих переходит и на других, и мы свои действия определяем нереальным отношением к другим. Темные состояния загораживают подлинную перспективу жизни, ее подлинное восприятие. Надо помнить, что подлинное у человека — божеское, что дает благо и радость, тьма же окрашивает все в темные тона. Господь сказал: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Иоан. XII,46). В мире то, что мы принимаем за реальность, не есть подлинная реальность, какой является лишь Божественный свет, но этот свет может засиять в нас лишь в итоге борьбы с грехом, через преодоление тьмы усилием нашей воли и благодатью Божией.

Божественный свет, который мы в себе открываем, делает нас зрячими, а когда у нас открыто зрение, то мы не будем всю

силу нашей души влагать в незначащие вещи. Когда с помощью Божией свет этот выявится в нас, он будет все нам освещать. С божественным светом, как с фонариком, идет человек и освещает свой путь, и тогда всюду и в других людях видит он тот же свет. Свет этот есть ведь в каждом человеке, но он так закрыт тьмой, что мы до времени его не ощущаем и не видим его в других. Ощутив этот свет, мы как бы просыпаемся, и все меняется вокруг нас, напор темных сил и чувств теряет свою силу. При Божием свете мы этой внутренней обращенностью к Богу собираем из хаоса света и тьмы разбросанные точки света в один фокус и этим не только светим сами, но вызываем к действию свет и в других людях.

Когда в общении с людьми возникают затруднения, когда лукавый производит бурю в нашем сердце и там водворяется темнота, надо обращаться за помощью к Богу, призывая имя Его мысленно. Это есть момент духовный. Вот человек одержим некоей страстью, он движется как бы механически и может, находясь в темноте, наговорить много глупостей, которые внесут неминуемое разделение. Надо скорей обращаться к тому, что внесет свет во тьму, т.е. к Господу. Обращенностью к Богу, этим творческим актом человек призывает свет, и этот свет от Бога идет в его сердце, т.е. Сам Господь нисходит в сердце и Своим присутствием все там освещает и начинает там царить. Этим обращением к Богу, творческим словом к Воплотившемуся Слову собирается свет и начинается царение Божие, которое уничтожает разделение. Тогда в сердце обитает Бог. Тогда тьма преодолевается, и это преодоление вводит нас в иную область бытия — новую радостную жизнь. Эта новая жизнь является следствием озарения нас Божественным светом, который открывает нам присутствие в нашем сердце Господа, в сердце водворяется мир и радость, и тогда мы начинаем ощущать то единение, которого так жаждет наша душа.

Надо уметь освещать наши взаимоотношения светом Христовой истины, чтобы они приносили нам благо. Отыскивая общее нам божеское, мы становимся соработниками Божьими на

земле. Работая Господу, мы как бы преображаемся, входим в область бытия света, и в нашей преображенности отображается свет и слава Божия, и Сам Господь утверждается в нас: «Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди их» (Мф. XVIII,20).

Аминь.

Великим Постом

Во время Великого Поста Церковь настойчиво, усиленно старается пробудить в нас покаянное чувство. Проникновенные службы, каноны, а также чаще обыкновенного чтения Ветхого Завета являются средствами к достижению сознания своей греховности. Примеры Ветхого Завета нас предостерегают, указывают нам своим тысячелетним опытом единственный, благодатный путь: путь Богообщения.

Разными несчастьями, долгим рабством, тяжелыми болезнями приводил Бог народ еврейский к Своей Правде. Весь Ветхий Завет является историей Правды Божией, наказующей, несущей возмездие за грех, милующей. Но и при таком множестве обличений народ иудейский часто ожесточал сердце свое и не хотел понимать вразумлений Божиих.

Не так же ли мы теперь, несмотря на грозные события, превосходящие своей жестокостью все предшествующие исторические бедствия, не хотим увидеть в них Десницу Всевышнего? Не о нас ли сказано: «Народ сей ослепил глаза свои, и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы исцелил их» (Ис. VI,10). Господь поражает нас скорбями, изливает потоки бедствий на каменную почву сердца, чтобы мы ее распахали и сделали способной для восприятия благодати Божией, так как оно сейчас, так как сердце наше сейчас неприемлемо к милости Его, даже если бы Господь и оказал ее нам. Нами владеет еще страх животный — боязнь смерти, но живет ли в нас страх Суда Божия? Господь

ждет, чтобы мы увидели в окружающих нас бедствиях секиру, милость Божию, а не случайное течение обстоятельств.

Сравнивая таким образом Ветхий Завет с настоящим временем, мы видим, что тогда, как и теперь, Господь печется о людях своих, не давая им погибнуть в нерадении и беззаконии, всячески возбуждает к покаянию, всякими путями призывает вновь соединиться с Богом — Источником жизни. Воистину превосходит любовь Божия разум человеческий! Даже до того простирается любовь Его, что «ради избранных своих, ради небольшой части, Он милует весь народ». «Святое семя — стояние народа», — говорит пророк Исайя, ради него устоит царство; оно, как прочное основание, должно лечь в основу народа. Так руководил Бог рабов Своих, являясь то грозным Обличителем и Судьей, то Милующим и Всепрощающим — для блага человека, для утверждения правды на земле (правда есть обратная сторона любви, есть ее защищающая сила).

Выявляя столько заботы о рабах Своих, не еще ли больше печется Господь о сынах Своих? Ветхий Завет есть рабство, Новый Завет — сыновство. Мы уже не рабы в доме Господнем, а сыны в доме Отца. Раб смотрит только, как угодить господину своему, и отношение к нему измеряется делами: сын же имеет дерзновение к отцу, боится оскорбить его не только делом, словом, но даже намерением, чтобы не отлучить себя от любви отчей; его отношения измеряются чувствами, мыслями. Но кому больше дано, с того и спросится больше. «Мы дети Божии, но еще не открылось, что будем», — говорит апостол; нам много дано, и в нашей воле приумножать дар Господен. В нашей воле стать на путь ратников — воинов Христовых, сражаясь в сердце нашем, этом бранном поле, за правду Божию. В нашей воле положить начало благое — Господь и «намерение целует», остальное же совершим при помощи благодати Божией.

Средством к борьбе являются частые, молитвенные обращения к Богу — моменты творческие, выводящие нас из механичности, которые в таком обилии предлагает нам Св. Церковь в трогательных великопостных службах. Цель же

борьбы — стяжание мира душевного. Когда мир водворится в сердце нашем, тогда мы вступим на благодатный путь к Богообщению. Состояние общения с Богом настолько прекрасно, что оно является самой наградой — Царством Небесным внутри нас. К этому и призвал нас Господь, чтобы мы здесь на земле отдельными моментами стяжали себе вечность. Аминь.

О благобытии

Каждый из нас хочет себе блага, счастья. Господь дал нам землю для радостного пребывания на ней, чтобы мы блаженствовали, чтобы мы как бы участвовали в славе Божьей. Однако постоянно приходится слышать, что жизнь наша не приносит нам никакой радости. Изо дня в день мы встаем, работаем, устаем; все одно и то же, все нам надоело, скучно и так серо кругом. Действительно, если приглядеться, то все мы целый день хлопочем, волнуемся, огорчаемся, раздражаемся, ссоримся из-за пустяков и чувствуем себя несчастными, никчемными и одинокими. И в самом деле мы несчастны, так как являемся рабами вещей и, живя механически, подчиняемся течению обстоятельств. Всю свою энергию мы влагаем в незначащие вещи, которые сегодня есть, а завтра могут и не быть. Текучесть и преходящность нашей жизни с ее обидами, осуждением и завистью мы принимаем за подлинную нашу жизнь. Раздражаясь и огорчаясь, мы теряем мир в своем сердце и погружаемся во тьму. Нам все немило, друзья кажутся врагами, даже свет солнечный нам не светит и птицы не поют для нас. В таком состоянии от нас самих скрыт источник нашего блага, нашей радости. Мы не видим хорошего ни в себе, ни в других. Все нам кажется плохим. В чем же дело? Что так портит нам жизнь? Мы живем с затемненным сердцем. Мы принимаем временное одержание нас темной силой — это греховное состояние нашей души — за действительность, за нашу подлинность. Мы ходим во тьме, а кто ходит во тьме, тот спотыкается. Приращенное к нам зло-грех — раздражение, осуждение, гнев — делает нас немирными. Общаясь с другими людьми изнутри немирно, мы вызываем состояния разделения и отчуж-

дения друг от друга. Почувствовав разделение, мы ощущаем неблаго, несчастье и действительно страдаем.

Где же в буднях благо и радость? Как осветлить нашу жизнь? Как найти тропинку к свету? Господь есть источник света и радости, а лукавый несет нам тьму. Мы же являемся рабами лукавого. Враг наш нагоняет тьму в наше сердце, а во тьме мы воспринимаем жизнь неверно. Тьма нашего сердца извращает нашу жизнь. Мы делаем неверные шаги, говорим ненужное слово, делаем неверное движение, уже перестаем видеть подлинный лик человека и расцениваем другого человека неверно, принимая временное его состояние, приражённое ему в данный момент, за подлинную его сущность. Принимая наваждение за действительность, мы находимся в состоянии, ведущем нас к взаимному несчастью и разделению. Прародители наши были созданы без греха. Со времени грехопадения грех как бы привходит в наш естественный состав, приражается к нам и берет нас в плен. У нас все идет сорастворенное с грехом, и через грех мы теряем радость бытия.

Надо осознать, что пребывание в грехе нарушает мое благо, мою радость бытия, и это сознание поведет к желанию освободиться от греха. Надо осознать, что одержание нас страстями не есть наша сущность, что грех не есть мое, а что-то приражённое ко мне, что приносит мне несчастье. Тогда у меня явится желание освободиться от чуждого мне элемента. Греша, мы выявляем себя не в подлинном виде. Грех-зло есть не подлинное наше состояние, мираж, не сущее. Подлинная реальность есть только добро и Бог. Мираж, принятый за подлинное, — это тьма — несет нам несчастье и мешает нам обладать минутою радости и света, данных нам на каждый день.

Пребывая все время в состоянии тьмы, мы сами лишаем себя счастья, радости и света. Зло-грех обкрадывает человека, не позволяя ему выявляться в полноте его духовных сил. Если бы не грех, человек раскрылся бы в полноте его духовной сущности. Состояние тьмы и злобы, в которых мы пребываем, есть начало того ада, в который мы и попадем, если не опомнимся. Мы сами уготовляем себе ад. Жизнь у нас действительно нудная и серая, но мы сами виноваты в этом. Осознав грех как опас-

ность, несущую нам гибель, мы начнем противостоять греху и постепенно склонять нашу волю к добру. Надо употребить усилие, чтобы преодолеть то, что мешает моему благобытию. А мы не стараемся освобождаться от того, что не наше, да еще несет нам несчастье. У нас обыкновенно происходит некоторая подмена. Мы это выставляем как бы за добро, например, скупость выдаем за бережливость, говоря: «Я как все, так все делают», «Это грех небольшой», и приραженные нам состояния принимаем как свои. Это ослабляет нашу волю для борьбы с грехом. Если мы соберем воедино мысли, что жизнь нам дана во благо, а нашему благобытию что-то мешает, то это будет уже много.

Обыденная наша жизнь есть средство для созидания подлинной жизни. Мы же средства обратили в цель. Наши реальные шаги, вытекая из нереального, несут с собою зло, печаль и страдания. Мы ходим как бы во сне и, погруженные во тьму греховности и страстей, смотрим только во тьму, которую и видим. Лукавый мешает нам видеть свет. Мы являемся слепым орудием темных сил, отчего и страдаем. Механичность нашей жизни отравляет все наше существование, ибо мы являемся не творцами жизни, а рабами ее. Хождение во тьме отнимает у нас радость бытия. Как же быть? Надо раскрывать глаза. Если благобытие ценно для меня, то я употреблю все усилия, чтобы его получить. И это вещь вполне возможная. Это — сокровище для нас. Это — клад в нас самих и около нас.

Наша душа создана для вечности, а мы совершенно не заботимся о ней. Мы стараемся приобретать всевозможные сокровища, кроме сокровищ вечности. Мы плохие купцы. Мы дешево ценим нашу душу. А ведь нет ничего ценнее души. Мы покупаем только то, что не имеет никакой цены в вечности, а то, что идет в вечность, мы не приобретаем. Это происходит оттого, что у нас все перепутано, все ценности нарушены: грех затуманил нам истинное положение вещей. Когда мы ощутим реально всю ложность и неправильность нашей жизни, тогда будет происходить подлинная купля. Человек при свете Божием начнет разбираться в путанице нашей жизни и стремиться к добру и вечному.

Важно, чтобы каждый день не ушел пустым в вечность, и нельзя довольствоваться механическим течением нашей жизни. Надо находить в каждодневной жизни ценности. Каждый день нам дан для извлечения хотя бы минимума того блага, той радости, которая, в сущности, и есть вечность и которая пойдет вместе с нами в будущую жизнь. Чтобы извлекать ценности из каждого дня, надо творчески относиться к каждому моменту нашей жизни. Творчеством мы можем преодолевать нашу инертность, высвободиться из тьмы страстей, нас одержащих. Если я хочу себе подлинного блага, радости, то должен творить жизнь. Грех отнимает у меня радость жизни, отделяет меня от Бога, скрывает даже меня от самого себя и мешает видеть красоту Божьего мира. Следовательно, преодоление греха ведет к радостному восприятию мира, познанию Бога и в то же время несет за собою созидание новой, подлинной жизни, к которой, в сущности, и призван человек. Преодолением греха мы выявляем добро, выявляя добро, мы как бы окунаемся в вечность, творя новую жизнь.

Как же приступить к этой творческой жизни? Источником нашей жизни является сердце. Сердце наше есть арена борьбы лукавого с Богом, и борьба эта происходит ежечасно, ежеминутно. Надо все время вниманием стоять на страже у сердца, проразумевать козни лукавого и отражать их. Тогда у нас будет творческое отношение к каждому моменту жизни. Мы как бы все время стоим на грани добра и зла. В нашей воле творчески склонить себя на добро или в бессилии подчиниться злу. Лукавый хочет обладать нами, а мы должны противиться ему. Лукавый подталкивает нас на грех видимостью добра и побуждает нас на то, что не является для нас благом. Он под видом счастья подсовывает нам грех.

В каждом человеке больше добра, чем зла, только добро перепутано со злом. Вы скажете мне: «Как же так? Отчего же мы видим в другом столько зла? Целое море зла». Да, зла — море, а добра — океан. Зло из нас лезет, бросается в глаза, а добро скрыто в нас, разбросано, не суммировано. Зло дерзко, а добро скромно. Зло есть тьма, грех, наше бессилие, разло-

жение, несчастье, смерть. Добро есть свет, единение, сила, мощь, радость, жизнь.

Нудное отбывание каждого дня и часа можно осветить, сделать радостным, если взять от жизни благо, свет, тепло. Я должен правильно направить свое внимание на окружающую меня жизнь. Если я свое внутреннее око буду направлять на свет, то я его и увижу. Внимание есть величайший акт духовной жизни. Борись, усиливайся, нуди себя на нахождение света и увидишь его. Сказано: «Ищите и обрящете» (Мф. VII,7). Наше существо на две трети наполнено светом, но этот внутренний свет нами не выявляется. Свет есть жизнь, а тьма есть небытие. Побеждая тьму, мы в сердце свое впускаем свет или Господа. Это уже момент не пассивный, а творческий. В силу своей пассивности мы вовлекаемся в серость нашей жизни. Не выявляя в себе света и не излучая его, мы сами себя оставляем в этой серости, отчего и страдаем. Надо проявлять творчество. Творя новую жизнь, мы можем прикоснуться к Источнику света, который все озаряет.

Господь мир создал словом, сказав: «Да будет свет». В своей творческой жизни мы являемся отображением Творца, творящего мир. Когда мы стоим вниманием на страже и направляем его в область света, в нас появляется благая мысль, как отображение творческой мысли Бога. Благая мысль сама есть свет, и она несет нам свет — творящее начало, так как она исходит от Источника света. Благая мысль светит и проникает в хаос жизненных соотношений добра и зла и творит новую жизнь. Она будит нас и ведет к преодолению тьмы. Сказано: «Веруйте в свет, да будете сынами света» (Иоан. XII,36). Божественный свет все время льется в мир. Только тьмою нашей души этот свет отстраняется от нас. Наша тьма не позволяет схватиться нам за этот свет. Только когда мы рассеиваем тьму, мы озаряемся светом. Есть даже выражение: «Меня озарила мысль». Как бы луч света падает с неба и все озаряет внутри нас и вокруг нас. Это сила Божия является. Господь через нас как бы говорит: «Да будет свет». И свет является, и перед нашими глазами открывается новая жизнь, о существовании которой мы даже и

не подозревали. Мы можем претворить нашу серую жизнь в новое бытие, если будем останавливать свое внимание на благой мысли. Благая мысль, как импульс нашей жизни, будет двигать нашу волю к преодолению зла, творить новую жизнь и осветлять нам жизненный путь. Чтобы не допустить до этого, лукавый всячески старается затемнить наше внимание. Надо все время вниманием стоять на страже и отсеивать приражения лукавого.

Внимание есть величайший акт воли. Наша беда в том, что воля у нас ослаблена грехом. Надо воспитать волю так, чтобы она нам помогала выходить из суеты мыслей и чувств в область иного бытия — в область света. Греху мы отдаемся рабски. Господу отдаем себя добровольно, погружаясь в Источник света. Конечно, чтобы воля наша выдвигала бы нас из повседневной суеты в область света, нужно преодолеть греховное, а для этого надо сделать усилие, проявить подвиг. Зато, преодолев греховное, человек актом воли являет себя свободным, а «соделывающий грех является рабом греха» (Иоан. VIII,34). Жизнью можно пользоваться, но пусть она не обладает нами. Апостол Павел говорит: «Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (I Кор. VI,12). У нас нет меры к окружающей жизни. Оказывается, не все то нужно, о чем мы так хлопочем, а если нужно, то не в такой мере. Мы же в суету влагаем всю душу. Не я делаюсь господином жизни, а пустяки владеют мною. Страсть или вещь не дожна обладать мною, иначе я делаюсь рабом минуты. Я не овладел минутой и этим внес зло в мир. В этот момент у меня в сердце зло. Нужно победить его, умирив свое сердце, и стать на сторону добра. Иначе свобода наша утрачивается и теряется свобода выбора. Выявляя творчество в преодолении греха, мы открываем в себе присно-текущий источник добра и начинаем ощущать радость каждого момента жизни. Тогда отношение к каждому моменту нашей жизни будет уже не механическое, а творческое. Преодолев грех, я преодолел некую тьму и почувствовал радость, так как в моем сердце водворился Господь или свет. Когда же в нашем сердце свет, все кругом нас является нам в свете, все нас радует, и подлинное бытие приближается к нам. Наша греховная жизнь

есть искаженное, неподлинное бытие, несущее нам несчастье. Подлинное бытие только в свете, оно несет нам благо.

В области ума человек напрягается, думает и часто работает долгие годы, направляя свою мысль все к одному. И вот, при сгущенной напряженности воли в мысли, происходит соприкосновение с Божественным светом и является новое открытие. А в области добра, жизни сердца, мы не напрягаемся. Если бы мы сосредоточивали свою мысль на добре, то воистину достигли бы великого. Несчастье наше в том, что мы не верим в добро. Мы живем в каких-то призраках и не отдаем себе в этом отчета. Вступая в область светлых мыслей, мы разгоняем тьму нашего сердца и уже этим начинаем творить новую жизнь, вытесняя зло.

Добро вечно, и оно, исходя от Бога, к Нему и стремится. Это движение добра к Богу и есть подлинная жизнь: устроение царства Божия на земле. Надо употребить усилие к добру, а добро уже само потянется к нам. Я иду к Отцу, а Отец идет ко мне навстречу (притча о блудном сыне). Собирание в себе сил добра, находящихся в хаотическом беспорядке, есть отвоевание Царства Божия. Лукавый господствует в нашем сердце. Изгоняя его из нашего сердца, мы освобождаем там место для Господа. Господь входит к нам в сердце и царит в нем, чем созидается Царство Божие. Царство Божие есть реальное благо здесь на земле — это радость о Духе Святом. Тогда для нас открывается небесная жизнь. Идеальное станет реальным. Это и есть подлинная, настоящая жизнь. Мы молимся: «Да приидет Царствие Твое» — это есть вещь реальная. Результатом побеждения нашего греха является мир в нашем сердце, и мы ощущаем радость бытия, радость жизни. Пребывание в грехе есть состояние затемненности, а пребывание в борьбе с грехом есть состояние в свете, в святости, которое источником своим имеет Духа Святого от Источника света — Бога, а потому апостол Павел и определяет, что «Царство Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость о Духе Святе» (Римл. XIV,17). В таком состоянии человек соединяется с Богом и ощущает радость о Духе Святом всем своим существом. Это потому, что человек возвращается к Богу — Отцу своему, в свой дом.

Основная задача нашей жизни — изгонять тьму из нашего сердца. «Отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Римл. XIII,12), — говорит апостол Павел. Заменяя тьму нашего сердца светом, мы исполняемся Духом Святым. Дух Святой творит новую жизнь, вызывая ее из небытия в бытие. Царство Божие водворяется в нашем сердце. Только надо потрудиться открыть свое сердце Богу, Который и входит в него. «Се стою при дверех и толку» (Апокал. III,20). Конечно, Царство Божие не дается легко, оно берется усилием, нудится. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. XI,12). Но Царство Божие есть мое благо и благо общее и вполне осуществимо здесь на земле, а не только за облаками. Осознание этой мысли поведет меня к желанию освободиться от греха, чуждого мне элемента, лишающего меня радости жизни. Для этого я должен подвигнуть себя на борьбу с грехом. Этот подвиг ведет за собою новую жизнь, полную радости, новые переживания, еще неизведанные нами.

Пусть нас не пугают слова: усилие, подвиг, аскетизм... При современном увлечении спортом употребляются огромные усилия: люди встают рано, ограничивают себя в пище и целыми часами тренируются, что есть тоже подвиг, аскетизм, но предпринятый для достижения земных целей — «тленного венца» (I Кор. IX,25). Тем более для христианина нужен подвиг для преодоления злой, греховной природы, которая мешает нашему счастью и лишает нас вечной жизни. Правда, начать борьбу с грехом трудно. Лукавый хитер. Мы грешим не всегда по приятности греха, но подходим к греху понемногу, подменивая добро злом. Лукавый в виде змия был очень хитер, сказав Еве: «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в саду»?. — «Нет, — ответила Ева, — Он не велел вкушать от одного дерева, которое среди сада, но не велел и прикасаться к нему». И Еве показалось, что плоды дерева познания добра и зла особенно красивы, особенно вкусны и обещают знание — «будете как боги, знающие добро и зло». Появилась мысль, мысль спустилась в сердце, явилось желание и затем решимость совершить грех. И человек прервал установленный закон, иерархию ценностей: Бог, ангелы и человек как царь природы. Нарушил

заповедь, данную ему Богом в послушание. Захотел отделиться от Бога и сам стать Богом. Первозданная гармония соотношения между Богом и человеком была нарушена, и вместо царя человек через грех стал рабом. И в самом человеке нарушилась гармония соотношения его сил, ума, сердца, воли. Завоевания ума не восстановили человеку гармонию его соотношения с Богом. Человек, развивая в себе ум, будто овладел миром и господствует над ним, но это его господство не несет блага человечеству. Только сердце, очищаемое от греха, возвращает человеку гармонию, нарушенную Адамом. Человек возвращается в господствующее состояние и становится снова царем: его и стихии слушаются, и звери к нему ласкаются, что мы видим у святых. История грехопадения исторична своей психологичностью. Психология прародителей соответствует нашему повседневному грехопадению. Как Еве показалось, что запретное яблоко и красивее, и вкуснее, и знание дает, так и теперь, когда мы отдаемся какой-нибудь страсти, нам кажется, что мы получаем счастье, но это мираж.

Счастья нельзя добыть нарушением Закона бытия, грехом. Как же начать борьбу с грехом? Нужно найти силу, разрушающую и обессиливающую грех. Надо связаться с источником силы добра — Богом — обращением к Нему с мольбой о помощи нам, так как тяготеющая сила греха обессиливает наши старания и без помощи Бога мы бессильны изменить нашу греховную природу.

Господь близок и сейчас же идет навстречу и помогает. Малым обращением к Богу словами «Господи, помоги» в минуту одержания нас темной силой мы из небытия в бытие вызываем новую жизнь. Обращение к Богу есть акт воли, обращенный к Источнику света. Мысль обратиться к Богу в момент сердечной темноты (раздражения ли, злобы ли, зависти или иной страсти), претворенная в слова «Господи, помоги», пронизывает пространство от земли до неба, и оттуда с неба, в ответ на призыв, снисходит помощь непосредственно в сердце, лучом света освещает тьму, воцарившуюся в нем, и разгоняет ее. Мысль о Боге есть действие на нас Святого Духа. Призывая Бога, мы волею переходим в иную область бытия. Это перехождение в иную

область уже есть подвиг, как усилие высвободиться от механически действующих на нас условий жизни, но самый подвиг наш сочетается со светом Божества. Обратившись к Богу-Слову словом, мы получаем в ответ Божественный свет, который явится путеводной звездою в нашей жизни. Падающий с неба свет дает направление нашей новой жизни, и человек дает ростки новой жизни на этой равнодушной, замерзшей земле. Этот свет льется на нас и вызывает к действию энергию добра, которая в нас скрыта и дремлет. Дремлющее добро, находящееся в нас как бы в небытии, в потенциале, вызывается вовне, проявляется. Этот момент призывания имени Божия есть проводник света в нашу душу. Как будто малое дело сказать: «Господи, помоги», а перед нами как бы раскрывается небо с обитанием Бога и, источая свет, переходит в нас, и мы через этот свет как бы сами погружаемся в вечность. Сама вечность входит в нашу жизнь, как момент, приближающий нас к Источнику света. Свет этот, озаряя наше внутреннее, является собирателем в нас крупинок добра из наличия хаоса доброго и злого, характеризующего наше обычное течение жизни, освещает все в нас и вокруг нас и этим помогает нам выходить из серости нашей жизни. Господь воцаряется в нашем сердце, и этим созидается Царство Божие — радость и мир.

Преодоление греха дает радость бытия не только одному тому человеку, который борется со злом и его побеждает, но через него дает благо и другим. Личное преодоление греха является достоянием целого общества, есть основа общественного возрождения и сокращает зло на земле, чем увеличивает общественное благо. Следовательно, побеждение греха в себе есть благодеяние, так как несет благо всему миру. Побеждая грех, человек концентрирует в себе добро, обогащается сам и, выявляя добро, обогащает других, раскрываясь в красоте своего человеческого достоинства.

Каждый человек имеет свою миссию, свое посланничество на земле, какую-то красоту, чем он должен послужить миру, вложить свою индивидуальную крупинку в организм всего мира. Каждая душа индивидуальна. Индивидуальное бытие, отсеянное

от греха и раскрытое в полноте подлинной жизни, является вкладом в сокровищницу всего мира.

В процессе борьбы с грехом мы сами как бы перерождаемся: из раздражительных становимся кроткими, из скупых щедрыми, из злых — добрыми, из жестокосердных — милосердными, из суетливых — степенными. У нас создаются новые чувствования и переживания. У нас раскрываются глаза. Тьма нашего сердца заменяется светом. Претворение тьмы нашего сердца в свет есть чудо, как явление силы Божией. Это есть обновление, совлечение внешнего ветхого человека и образование нового — новой твари — преображение. В момент преображенности мы вступаем в инобытие, соприкасаемся вечности. Вечное, небесное входит в нашу жизнь, а мы сами тем самым входим в вечное. Мы уже не переживаем земно-греховные чувства, а переживаем добрые чувства, небесные. Это новое небо, которого мы чаем. Человеку дана великая сила с помощью Божией превращать греховную жизнь в новую, созидать Царство Божие на земле. На этой греховной земле, начиная со своего сердца. актом творения и претворения своей природы мы входим в иное бытие. Мы водворяем в себе иные чувства и мысли. Это есть Царство Бога, оно делается нашим достоянием, и Дух Святой начинает действовать в нас, плод же Духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание», — говорит апостол Павел в послании Галатам (Гал. V,22). Тогда лукавый отходит от нас, и место его в нашем сердце занимает Тот, Кто есть Свет. Каждый человек тогда является как бы чудотворцем, так как побеждением греха он творит чудо, открывая в себе Бога. При Божьем свете мы начинаем видеть всю миражность нашей повседневной жизни. Без призывания Бога и следования за Ним мы не можем выйти ни из рабства вещей, ни из рабства обстоятельств и являемся рабами их. И вот малая обращенность к Богу, в вечность, источает нам свет и показывает мир в подлинной значимости его вещей. Надо возможно чаще освещать свои будни лучом Божественного света, открывать как бы окошечко в небо через преодоление греха, чтобы через это око-

шечко свет небесный лился к нам в сердце. Препобеждение нашей греховной природы и переход в иное бытие происходит силою, источающею добро, или силою Божьей, или благодатью. Человек становится новой тварью при помощи благодати Божией и своей свободной воли, борящейся с грехом. Добро наполнит тогда нашу текущую жизнь и придаст ей ценность и пойдет с нами в вечность. Чем больше будет таких осветленных моментов в нашей жизни, тем больше жизнь наша будет озарена Божественным светом. Мы будем отрешаться от страстей. Мир будет приобретать подлинную свою красоту, а человек подлинное свое бытие, находить свое благо и ощущать радость жизни. Христианство не есть религия скорби, а религия радости и блаженства. Апостол Павел говорит: «Всегда радуйтесь» (Фес. V,16). Преодоление в себе греховного в каждый момент жизни несет с собою обрадованное состояние, которое и есть начало той радости и того блаженства, о котором сказано: «Не видал того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (I Кор. II,9). Аминь.

Путь к Богу

Люди беспрестанно жалуются на то, что жизнь однообразно сера, опротивела им и потому представляется очень несчастной. Каждый день мы встаем и работаем до утомления и никогда не видим луча радости. А ко всему этому не перестаем огорчаться, раздражаться и сердиться, большей частью из-за пустяков.

Откуда является это тягостное чувство несчастья и покинутости? Происхождение наших несчастий в том, что мы поддаемся *влиянию* внешних обстоятельств, живя механически, и делаемся рабами вещей, не имеющих никакого значения, которые сегодня есть, а завтра могут и не быть. Другими словами, принимаем незадержимо проходящую жизнь с ее гневами, оскорблениями, завистью и ненавистью — за жизнь действительную.

Постоянное треволнение, в котором мы живем, является причиною потери мира и спокойствия в наших сердцах, которые вследствие этого погружаются во тьму. Ходящий же во тьме — спотыкается; а ввергаемся мы во тьму потому, что считаем грешное состояние душ наших, т.е. обладание их темными силами, за действительность. Когда же мы вносим это беспокойство в наши душевные отношения к другим, тогда возникает взаимная разрозненность и отчуждение. Такое чувство разрозненности является причиной страданий. Несомненно, однако, что каждый из нас стремится к благополучию и счастью, ибо Бог даровал нам землю для радостного обитания на ней, даровал ее нам, чтобы мы были счастливы на ней и приняли, так сказать, участие в славе Божией. Но где же искать благо и радость в будничной жизни? Мы любим стремиться к геройским подвигам в надежде, что они дадут нам возможность достичь

блаженства. Но это лишь мимолетное мгновение преходящей радости. Мы же стремимся к постоянной радости и благополучию в повседневной нашей жизни.

Большим препятствием на этом нашем пути к радости является то обстоятельство, что мы живем большей частью механически, ибо не судим о человеке с душевной стороны, во всей его полноте, а касаемся его лишь с внешней стороны, не давая себе труда добраться до истинного существа человека. Это является тем бóльшим опущением, что на самом деле жизнь каждого из нас — огромное богатство. У каждого человека *своя личность*, у каждого — своя задача, каждый из нас как бы посланник Божий. Рядом с этим требуется особенно подчеркнуть, что в каждом человеке больше добра, чем зла.

Естественно спросят: как же так? вокруг себя видишь столько плохого, целое море зла? Да, но если зла полное море, зато добра решительно целый океан. Зло из нас не перестает проявляться на поверхности, оно бросается в глаза, а добро скрыто, рассыпано, не сосредоточено. Зло — дерзко, а добро — скромно. Зло — тьма, грех, это наша слабость и несчастье, наша смерть. Добро светло, объединяющая сила, мощь, радость. Коротко говоря, добро — это жизнь. Мы встречаемся один с другим не случайно. Господь нас объединяет в семье, в обществе, в народе, тогда как дух зла силится нас разъединить, рассорить. Наша задача превозмочь эту разлагающую силу, ибо только таким путем мы можем распознать то единое в нас, что от Бога и что нам дает благополучие в жизни. Зло и грех обкрадывают человека, ибо не допускают, чтобы он выявлялся во всей полноте *своей духовной сущности*. Когда же человек не преодолевает то, что нас разделяет, тогда мы не видим истинной жизни, а только кажущееся ее изображение. Такая разрозненность и обособление *подлежат тяжкому осуждению*, ибо мы призваны к общению. Только при общении в жизни вполне расцветает наша душа. Потому общение между нами не безразлично; проявляется оно прежде всего и главным образом в слове. На слово, однако, нужно смотреть как на отражение Слова.

Господь сказал: «Да будет свет». И свет явился. Невидимое приняло свое бытие от Слова. Слово может проявлять огромную силу. В 32-м псалме читаем: «Словом Господа сотворены небеса и духом уст Его — все воинство их». И у нас словом проявляется скрытое и становится явным. А потому употреблять слово нужно с большой осторожностью. Важно, чтобы наше слово в атмосфере дышало добром. Ведь посредством слова мы хотим достигнуть благополучия. А потому нужно, чтобы слово, выходящее из наших уст, содержало в себе добро, которое осветит нашу жизнь. Когда в разговоре доброе слово имело силу, остается долго после такого разговора чувство чего-то ценного, существенного, Божьего. Слово должно нас сближать друг с другом, вносить единение, а не разделение и разложение. Но мы живем в греховности, которая ослабляет силу нашего слова, а потому слово не входит в полной силе в нашу жизнь. Только слово чуждое от греха проявляется в полной силе, ибо в этом случае оно соединено со Словом, сотворившим свет. Слово, попадающее в среду, которая *противодействует*, действует сильнейшим образом и имеет огромное значение в организации нашей жизни. Слово, исходящее из скрытых тайников души, не ослабленное нашей собственной греховностью, будучи силою потенциального добра в нас, приносит с собою свет и добро, поскольку оно в единении с Источником света и Словом. Слово воплощается.

Если мы произносим слово без внимания, то мы не думаем о том, что эти слова, восходящие до неба и *исчезающие* в вечности, могут быть носителями разделений, разложений в семье, обществе, народах, во всем свете. Когда мы собираемся в обществе, то начинаем обыкновенно с суждения, а переходим очень скоро к осуждению. Суд и осуждение — отрава, разлагающая жизнь. Осуждение нас разделяет, отталкивает одного от другого, а ведь слово — отражение Логоса на земле — должно нести с собой свет и радость бытия в атмосферу вражды и разложения, в которой мы живем. Слово имеет в себе вечность. Весьма важно, чтобы наши сношения с людьми давали нам радость жизни, поэтому нужно употреблять слова так,

чтобы не быть ими осужденными. «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. XII,36).

И потому нужно быть в сношениях с людьми общительным, а не чуждаться людей. Если удастся нам найти то, что есть общего между нами, исходящее от Бога, тогда в сердце наше вселится истинная радость. Таким способом мы приобретаем ценности, которыми затем живем. Ища и находя общение в Боге, мы становимся сотрудниками Божьими здесь на земле. Таким сотрудничеством мы перерождаемся и вступаем в область существа света. В подобном перерождении отображается и свет, и слава Божия, и Сам Господь находит в нас фундамент, на основании которого Он может к нам приблизиться. «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. XVIII,20). Итак, когда люди живут в обществе двух или трех, в семье или в другом совместном жительстве и этим преодолевают свою отчужденность, они начинают чувствовать общность интересов жизни, которая приносит им счастье и благополучие. Преодоление этой отдаленности производит впечатление нашего отождествления с другими, будто мы живем душа в душу. Мы все сотворены по образу Божию, и именно этот образ Божий нас объединяет. Этим способом мы достигаем постепенно единомыслия в проявлении воли. Это то единство, о котором сказал Христос: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Иоан. XVII,21). Следствием этого в единении — жизнь, в разделении — смерть. Единение это как бы нить, брошенная от земли к небу, к Богу, к объединяющему центру. Единение приносит нам благополучие, которое является основанием истинной нашей радости жизни. Это закон жизни. Уклонившийся от него должен неизбежно потерпеть от этого. К сожалению, мы в нашей обывательщине не считаем обыкновенно своей обязанностью искать в серенькой этой жизни то, что имеем от Бога и что единственно может нас сблизить. Наоборот, мы принимаем образ разделения за истинную жизнь и даже не стараемся как-нибудь преодолеть это разделение, несмотря на то что такое разделение лишает нас возмож-

ности находить радость и в будничной жизни, препятствует нам открыть нашу душу и выявить наши истинные *качества.* Эти качества в нас и живут для того, чтобы мы их выявляли. Господь всех нас одарил добрыми свойствами и дал нам возможные *способности* к их осуществлению, но мы их не выявляем правильно, не используя сил, которые дремлют в нас, но которыми могли бы передвигать горы. Если мы только захотим, то можем возжечь в себе пылающий огонь добра. Если признать, что повседневная жизнь есть, собственно, только средство к созданию истинной жизни, то мы видим, что средство мы обратили в цель. Вследствие этого мы в жизни ходим как бы во сне, погруженные во тьму, греховность и страсти, вглядываясь лишь в ту тьму, которую сейчас перед собою видим. Злой дух мешает нам смотреть на свет, и мы становимся орудием его темных сил и от этого, разумеется, сильно страдаем. Нужно смотреть вокруг себя на жизнь открытыми глазами. И тут мы замечаем, что механизированная жизнь, которой мы предались всецело, отравляет нашу душу. Правда, мы знаем, что наша душа сотворена для вечности, но мы о ней вовсе не заботимся, а наоборот, всячески стараемся добыть вещественные богатства, пренебрегая богатствами вечными. Мы очень плохие торговцы, ибо слишком дешево оцениваем свою душу, тогда как не имеем ничего более ценного, чем *именно* она. Мы покупаем лишь то, что не имеет абсолютно никакой ценности для вечности, и не обращаем внимания на то, что переходит в вечность. Делаем так потому, что грех затемнил нам истинное положение всех вещей. Только тогда, когда мы познаем реально всю лживость и неправду нашей жизни, только тогда осуществится настоящий торг, ибо человек познает свет Божий, освещающий его тьму, начнет ориентироваться в суете жизни и начнет направляться к Богу и вечности. Не будем забывать, что каждый из нас получил *определенные* таланты, и мы обязаны этот Богом данный нам талант выявить, затем и распространить.

Раскрытие этого таланта вложено нам прямо в руки. Встречаясь с другими людьми, мы должны преодолеть в себе то, что нас от них отделяет; этим мы проявляем свои способности, раскрываем вверенные нам таланты и этой ценностью обога-

щаем себя и их. Каждая встреча, при которой мы будем держать себя со вниманием по отношению к окружающим, будет для нас источником великого обогащения, ибо в такой встрече найдется всегда свет и добро. Ведь в каждом человеке можно найти красоту, но этому мешает наша греховность. А потому и в повседневной жизни следует искать ее истинные ценности тем, что будем отвергать ее *механическое течение*. И этим достигаем того, что ни один день не пройдет праздным в вечность, но каждый день будет для нас источником хотя бы минимальной радости и благополучия, как составных частей вечности, которые перейдут с нами в будущую жизнь. Если мы хотим заслужить эти ценности, то должны пробудить в себе творческую силу, которой можем преодолеть свою инерцию и освободиться от тьмы своих страстей, которые овладели нами. Страсть и грех отнимают от нас истинную радость жизни и мешают нам видеть красоту Божьего света. А потому именно преодоление греха приводит к радостному познанию мира и одновременно созданию новой, истинной жизни, что, собственно, и является заданием каждого человека. Этим способом мы достигаем того, что в нас умирает внешний, ветхий человек и создается человек новый. Преодолением греха мы обнаруживаем добро, с которым, хотя бы на мгновение, погружаемся в вечность.

Как же нам осуществить эту творческую жизнь? Тем, что будем постоянно на страже, чтобы осознавать все пороки в жизни души и устранять их. Чувствуется, что мы будто истинно на границе добра и зла. В нашем сердце ведется почти каждый момент борьба зла с Богом. Зло непрерывно вводит тьму в наше сердце: раздражение, гнев, зависть, осуждение, лень. Если с помощью Божьей одолеем эту тьму, тогда войдет в сердце наше свет или даже Сам Господь.

Повторяю: очень важно, чтобы мы дали себе отчет, что Господь сотворил мир Словом, ибо сказал: «Да будет свет!». Если мы постараемся жить созидательной жизнью, тогда мы станем как бы отражением Самого Творца. Добрые мысли появляются у нас как отражение творческой мысли Бога. Добрая мысль сама по себе свет, ибо дает нам свет в подобии творческого принципа, который она приносит от Самого Источника Све-

та — Бога. Добрая мысль светит и проникает в хаос жизненных соприкосновений добра и зла, творит новую жизнь и ведет к преодолению темноты. Сказано было: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света. Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них» (Иоан. XII,36). Божий свет озаряет нас постоянно и всюду, но тьма нашей души отталкивает его. В сущности мы испытываем чувство, когда какая-нибудь мысль нас озарит, как будто бы это был луч с неба, озаривший и осветивший все, что до этого было нам не ясно. Такой луч пробуждает нас от сна и объявляет Божию силу. «Да будет свет», — сказал Бог, и свет появился. Но он появляется и теперь, и им вступает перед нашими глазами новая жизнь. Этим светом мы можем преобразовать и нашу серую жизнь в новое, ясное, радостное житие, когда, разумеется, мы будем обращать особое внимание в направлении этого света, который проникает в нас в виде доброй мысли, побуждающей нас к одолению зла.

Творческой силой, проявляющейся в нас, мы обнаруживаем в себе источник добра и научаемся чувствовать радость жизни, а последствием этого наше отношение к жизни будет не механического характера, а творческого. И эта творческая деятельность принесет одновременно и прояснение нашей жизни.

В области умственной человек часто принуждает себя размышлять и работать нередко целые годы. При *напряженном* усилии можно прийти к соприкосновению с Божиим светом. Вступив затем в область светлых мыслей, мы разгоняем тьму своего сердца и тем самым начинаем созидать новую жизнь, освобождающую нас от зла. Наше несчастье в том, что наша воля была ослаблена грехом. А потому нужно так воспитать волю, чтобы она нам помогала выйти из спутанных чувств в область другого бытия, в область света. Грехам мы отдаемся рабски, тогда как Господу по своей воле. Но это, правда, возможно, только если преодолеем в себе грех. Для этой цели нужно приложить огромное усилие, проявить настоящее геройство. А потому человек, преодолевший актом своей воли греховность, является свободным, тогда как человек, преданный греху, является рабом греха. Кто одолел грех, тот сеет радость, дал войти в сердце свету, т.е. Господу. Когда в нашем

сердце свет, мы чувствуем, будто нас все радует вокруг и что само *бытие* к нам приблизилось. Так приходим мы к сознанию, что наша грешная жизнь в сущности не истинное бытие, а искаженное, приносящее несчастье. Истинное бытие содержит только добро и приносит только благополучие. Таким образом, борьба с грехом, являющаяся настоящим прогрессом, есть первоисточник новой жизни, полной радостей, нам до сего времени не известных.

Не будем забывать, что у каждого человека, как я сказал, свое особое назначение, некоторое свое *преимущество*, своя красота, которыми он должен служить свету. Так выявляется индивидуальное человеческое бытие, освобожденное от греха и развившееся в полноту истинной жизни. Оно делается ценным вкладом в сокровищницу всего мира.

Естественно, мы не должны при этих стараниях *бояться, избегать* усилий. Ведь при упражнениях спортом мы употребляем иногда большие усилия. Не трудно нам вставать рано для упражнений спортом; ради них умеем себе отказывать в излишней пище и питье и проделывать разные специальные упражнения целый день. И в таких предприятиях мы можем говорить о героизме или даже аскетизме, использованном, разумеется, для земных целей. Все желающие стать борцами должны быть воздержанными. Они совершают, чтобы получить венец преходящий, мы же — непреходящий. «Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного» (I Кор. IX,25). Тем более естественен героизм для христианина, который хочет преодолеть свою грешную природу, мешающую ему достичь счастья и лишающую его жизни вечной.

Преодоление греха дает нам радость бытия, дает не только тому человеку, который борется со злом и побеждает его, но его посредничеством передается и другим. Таким путем личное преодоление греха одним человеком становится достоянием всего человечества, делается основой перерождения общественного, чем уничтожается зло на земле и увеличивается общее благо. Последствием этого является преодоление всего греха добродетелью, простирающейся на весь мир. Преодолевая грех,

человек сосредоточивает в себе добро и, одновременно с этим, красоту человеческого достоинства, обогащает и других. Добро вечно, оно исходит от Бога и стремится вернуться к Богу. Это стремление добра к Богу и есть истинная жизнь и представляет осуществление Царства Божия на земле. Царство Божие достается нам не легко, а лишь с усилием. Это благо, которое может быть осуществлено здесь на земле, а не где-то над облаками. Пребывание в грехах уменьшает это благо, мою радость жизни.

Наши праотцы были созданы безгрешными, но от момента первого греха он входит в самую нашу природу, родится с нами, держит нас в плену. Нужно убедиться, что грех не есть что-то наше. Это сознание очень важно для нас, потому что пробуждает в нас стремление освободиться от греха, приносящего нам несчастье. Дальнейший успех в борьбе с грехом заключается в том, что мы начинаем в известной мере перерождаться: кто, например, был прежде раздражительным и вспыльчивым, научится укрощать эти порывы, кто был скуп — станет щедрым, человек постоянно беспокойный и гневливый найдет спокойствие. Добро, которое в нас, проявляется в борьбе с нашими страстями. Это-то и есть тот крест, которого мы так боимся, но с крестом является и радость, и воскресение. Мысль о воскресении есть побеждающая мысль добра. Оставаться в грехе — это быть во тьме, тогда как тот, кто остается в состоянии святости, живет в свете, источник которого Дух Святой. В этом состоянии человек воссоединяется с Богом, возвращается к Отцу и испытывает всем своим существом радость о Духе Святом.

Изгоняя тьму из своего сердца небесным светом, мы исполняемся Духа Святого, который претворяет нашу жизнь в самом основании, вызывая жизнь из небытия в истинное бытие, и этот свет определяет затем и наше направление к новой жизни. Борьба со своими страстями трудна, а потому нужно обращаться за помощью к Богу, без Которого мы не в состоянии изменить свою грешную природу. Господь всегда близ нас и поможет нам сейчас же. Достаточно краткой, но пламенной молитвы: «Боже, помози», и уже этим самым мы приводим новую жизнь к *бытию*. Мысль, обращенная к Богу о помощи, пронизывает

небеса, и с неба приходит ответ на наше взывание в виде света, изгоняющего тьму, поселившуюся в нашем сердце. Каждая мысль о Боге есть последствие действия Духа Святого в нас. Взывая к Богу, мы переходим в другую область бытия. Это единение со Светом Божиим уже само по себе действие, ибо своею просьбою мы достигаем того, что Свет Божий изливается на нас, вызывает в нас энергию к действиям, так что добро, до сих пор дремавшее в нас, пробуждается и объявляется. Этот свет является нашей путеводной звездой. Взывание к Богу озаряет небесным сиянием наше нутро, освещает и окружающее нас, а что самое важное — помогает нам *выкарабкаться* из нашей серой жизни, которая, главное, проявляется из-за нашего слабоволия. Наряду с этим получается впечатление, что этим светом и открывается перед нами вечность, которой, таким образом, мы сами становимся участниками.

Такое изменение нашего сердца из тьмы в свет или из зла в добро — чудо изменения ветхого человека в нового, это *приближение* к нам неба, которого мы так горячо жаждем. В моменты такого изменения мы вступаем, несомненно, в другое бытие, касаемся вечности и убеждаемся, что человеку поистине дана великая сила обращать грешную жизнь, с помощью Божией, в Царство Божие. При этом каждый такой человек является как бы чудотворцем, ибо победой над грехом он обнаруживает в себе Бога. В нашей повседневной жизни мы слишком отторжены и удалены от источника света Божия; это является для нас тем большим несчастьем, что при свете Божием мы в состоянии сделаться способными увидеть и познать призрачность нашей обыденной жизни.

Без взывания к Богу мы никак не можем избавиться от рабства вещам и становимся абсолютными рабами окружающей среды. Но достаточно одного небольшого обращения к Богу, и вскоре освещается сердце наше Его светом и указывается истинное значение вещей на этом свете. И потому необходимо как можно чаще освещать наши будни лучом Божьего света, преодолением греха, как бы открывая окно в свое нутро, чтобы через него мог вливаться небесный свет в наше сердце. Это — основание творческой жизни, жизни духовной и христианской,

одновременно — это основание благополучия и счастья. Чем более будет таких светлых моментов в нашей жизни, тем более будет наша жизнь озаряться Божественным светом, тем усиленнее должны мы будем отвергать страсти, и жизнь наша будет приобретать все более не чаянной красоты и ценности. Человек же будет испытывать настоящую радость жизни и ничем не нарушаемое благо; а это все не что иное, как победа над грехом и приближение к Богу. Тогда на земле утвердится истинная жизнь, о которой мы ежедневно молимся словами: «Да приидет Царствие Твое». Необходимо, чтобы мы поняли, что *Царство Божие есть реальное благо и счастье на земле.* Истинная радость для освобождения сердца — радость Духа Святого, сошедшего в нас.

Именовать себя христианином значит выйти из состояния сна и инерции, проявить творческие способности. Нужно распространять мнение, что христианство не пассивно, а, напротив, ведет весьма активно борьбу с грехом. Христианство не что-то отторгнутое и бесконечно отдаленное, а, напротив, вполне осуществимое здесь на земле.

Христианская религия не религия горя и страданий, а, наоборот, религия радости и благополучия. Апостол Павел говорит: «Всегда радуйтесь» (I Фес. V,16). А в действительности радоваться мы можем лишь тогда, когда преодолеем в себе состояние греховности, ибо только преодоление греха может принести душе радость, которая есть начало блаженства; о нем апостол Павел сказал: «Чего око не видело и ухо не слышало и на сердце не взошло, то Бог уготовал любящим Его» (I Кор. II,9).

Жизнь неба на земле

Ее возможность и средства достижения

Первозданный человек был создан для блаженства и пребывал в раю в общении с Богом. И райская жизнь была полна. Адам и Ева находились в раю в состоянии блаженной жизни, которая была отображением славы Божией в земных условиях жизни. Это было конечной целью жизни людей и мира, равно как и исполнением воли Божией. Человек по своей духовной сущности и телесности был причастен небу и земле. Жизнь в раю была жизнью неба на земле по тем святым чувствам, которые наполняли человека. Человек был создан царем и над природой, и над своими внутренними состояниями. Человек являлся гранью между небом и землею. Господь дал человеку все блага, и человек являлся выполнителем той задачи, которая дана была ему Богом на земле, — творить волю Его. В его жизни, в соотношениях ума, сердца и воли была полная гармония. Жизнь в раю в непосредственном общении с Богом обусловливалась выполнением заповеди, которая ставила человека на свое место: отношение твари к Творцу. Сознание, что он человек, то есть сотворенный, не должно было оставлять его. Всю красоту мира Бог дал человеку в наслаждение, и царение над всей землей было дано человеку при условии исполнения только единой заповеди, которая свидетельствовала бы о послушании его и являлась бы выражением сознания зависимости от Творца. Заповедь о невкушении плода древа познания добра и зла должна была упражнять волю человека через послушание ее добру. И не имея греха, человек должен был совершенствоваться, восходя от возможности не грешить к невозможности согрешить. По полноте духа человек должен был господствовать над миром и обладать им: «Наполняйте (землю),

обладайте ею и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле» (Бытие I,28). Место, которое занимал человек в раю, было подобно положению ангелов. «Умалил еси его (человека) малым чим от ангел, славою и честию венчал еси его» (Пс. 8,6). И Христос пришел на землю не ангелом, а явился человеком. «Слово плоть бысть и вселися в ны» (Иоан. I,14). В человеке соединены воедино дух, душа и тело, но главной стороной жизни является дух, который роднит его с Богом и отличает от других тварей. В раю у человека дух, душа и тело находились в правильном взаимоотношении и соподчиненности, отчего происходила гармония жизни, несущая человеку благо. Такая жизнь была возможна только при непосредственном общении с Богом.

Через грехопадение человек утратил свое блаженство. Лукавый внушил человеку искусительную мысль стать богом: «Будете яко бози» (Бытие III,5). Человек прельстился и пал, и все соотношение между Богом и человеком и в самом человеке пришло в смятение. Гармония исчезла. Ум, чувство и воля потеряли должное взаимоотношение: то ум берет перевес над чувством, то воля слабеет перед тем и другим. Через непослушание, через желание стать богом, через грех общение с Богом прервалось, и человек познал, что он ничто — «прах и пепел». Грех явился средостением между Богом и человеком. Произошел разрыв с Богом, смерть духовная, а затем и смерть телесная. Нарушен был весь порядок жизни. Гармония исчезла не только в человеке, но и во всей природе. «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Римл. VIII,22), — говорит апостол Павел.

При грехопадении произошло нарушение плана Божия о благе человека. Если бы в момент прельщения человек употребил добродетель рассуждения, задумался бы о том, что ведет к благу, и о том, какое неблаго, несчастье последует за нарушением заповеди — «смертию умрете», то он, может быть, и не пал бы.

В раю божественная жизнь отражалась в человеке, и он отражал собою славу Божества. С падением все извратилось, и

соотношение сил человеческих (ум, чувство, воля) пришло не только в смятение, но и в противоборство. После грехопадения человек находится в некотором одержании темных сил и, отклоняясь от закона жизни, часто приходит в животное состояние. Как только произошло нарушение закона жизни — подчинение Богу, человек, созданный царем, стал рабом не только внешней природы, но и своих страстей. Мы страдаем от тех состояний, рабами которых являемся. Нарушая закон бытия, несущего нам благо, мы получаем возмездие за отступление от этого закона, отчего и жизнь наша наполнена страданиями.

Как же выйти из дебрей человеческой греховности на путь к свету и вернуться к божественной жизни? Возврат к нормальной жизни и постепенное восстановление гармонии сил человека, царение духа и достижение блага наступают при освобождении от греха. Грех проник всю нашу природу. Когда у человека в душе злоба, зависть, раздражение, он страдает сам и все люди, окружающие его. Страсти человеческие, несущие нам ссоры, слезы, вражду, — это ад на земле. Состояния иного порядка — святые, небесные, как, например, мир душевный, — являются для нас благом и несут нам радость — отголосок райского блаженства. Мы живем в грехе миражной жизнью. Нас одолевают самолюбие, сребролюбие, славолюбие, гордость, и все это мы принимаем за подлинную жизнь. Мы не боремся с грехом, мы слишком оземлились, утратили свое первозданное назначение. У нас все одебелело — и ум, и тело, а воля ослабла. Пребывая в греховном состоянии, человек выдвигает на первое место жизнь тела, что по заданию человеку совершенно несвойственно. Следствием нарушения задания исчезает гармония в жизни и чувствах, а с ними и в сердце мир. Извращение порядка жизни ведет к страстям и плотским грехам. У нас нет духовного ви́дения. Греховные состояния наши порождают у нас духовную слепоту. Мы ходим во тьме и спотыкаемся. «Кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним» (Иоан. XI,10).

Если на нас блеснет свет с неба, как на Савла, тогда мы просыпаемся, как бы прозреваем и выходим из механичности жизни. Если же хоть на момент выйдем из механичности жизни и волей обратимся к Богу, призывая Его в помощь, Он озарит

наше сердце светом Своим, и под действием Самосущего света мы увидим вещи в подлинной их значимости. Очищение сердца от страстей делает нас зрячими и вводит нас в духовную жизнь. В вечерней молитве мы просим Бога: «Просвети ми разумные очи сердечные». Такое зрение есть большое духовное приобретение.

Процесс борьбы с грехом есть начало иной жизни, приводящей к нарастанию новых духовных состояний, возникающих действием Духа Святого при усилии человеческой воли. Самое проявление воли к преодолению греха, творя новые моменты жизни, является обнаружением скрытых в человеке сил добра. Это жизнь духовная, святая, осиянная светом Божественным, жизнь с неба от Бога. Потребность счастья, которая ощущается всеми нами, есть отголосок того блаженства, которое испытывал человек в раю, находясь в общении с Богом. Непосредственная задача христианина — это осуществление божественной жизни на земле. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. V,43). Христианство — это долг человека. Христианин достигает утерянное благо, для которого он создан, и ведет борьбу с тем, что разрушает его благо.

Как же происходит в человеке возобновление божественной жизни на земле? Христос пришел во плоти, чтобы освятить землю и чтобы человек воочию познал божественную жизнь и ощутил ее через человеческий подвиг Христа — Его жизнь на земле, крестные страдания и смерть. Поэтому сораспинаться Ему, совлекаться ветхого человека и облекаться в нового — это путь восстановления божественной жизни, который дается через подвиг борьбы с грехом: «Царство Божие нудится и нуждницы восхищают е» (Мф. XI,12).

Предаваясь страстям и грехам, человек живет под действием князя мира сего и готов поклониться ему, чтобы вместо блага получить «счастье». Дьявол сказал Христу: «Все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне» (Мф. IV,9). Борьба с лукавым является крестом для человека, но через крест начинается царение Бога в его сердце, божественная жизнь. Божественная жизнь не от мира сего. Эта жизнь есть Царство Божие на земле.

И в то же время эта жизнь есть самая настоящая и самая реальная — в высшем своем проявлении общение с Богом. Богообщение!.. Как будто высокое задание, и как оно возможно в пределах нашей греховной, суетной жизни? Однако богообщение достижимо здесь на земле. В святых людях мы наблюдаем наглядное восстановление утраченного порядка жизни: гармонию и возвращение к изначальному состоянию, которое и приводит к непосредственному общению с Богом. Богообщение есть благо, подлинное, реальное, которого каждый человек может достигнуть. Путь к этому — через сораспинание Христу. Нельзя обрести блага, не идя по пути Христа. Только идя за Христом, человек обретает свое благо. Христос пришел на землю, чтобы спасти каждого грешного человека, «овча заблудшее взять на рамена своя» и привести к Богу, приобщив его снова к божественной жизни. Божественная жизнь не есть теоретический идеал, а практическое требование. Бог не может отказаться от явленной любви к человеку, желая ему блага. Мы огорчаемся, что земля не хороша и что люди кругом нас плохие. Мы не опознаем друг друга как братьев, видим все чужие лица кругом. Через водворение жизни божественной, небесной, поскольку она переходит в нас через Христа, поскольку мы Ему сораспинаемся, т.е. боремся в своем сердце с состояниями темноты и разделения, мы приближаемся друг к другу, находя друг в друге общее нам Божеское. Христос обращается к каждому человеку, к его человеческим возможностям, чтобы он, совершенствуясь, научился жить для блага, которое открывается ему в результате совершенствования. Христос поднимает грешного человека, указывая ему, что он образ Божий. Мы созданы по образу и подобию Божьему, а с грехом утратили красоту первозданного образа. В нас затмился образ Божий; тьма облегает его и закрывает нас друг от друга, и мы не видим друг друга в подлинном существе. Грех затмил икону Божью в нас. Мы не знаем себя и не видим в других Божьего образа. Христос пришел восстановить затемненную икону Божию в человеке. Борясь с грехом, мы на иконе нашей счищаем пыль и копоть греха, и икона обновляется, выявляя образ Божий в нас, который и есть подлинный человеческий образ, являющийся отображением

Бога на земле. Угашая страсти, мы не угашаем своей природы. Мы остаемся пылкими, но мы уничтожаем греховность, которая мешает проявляться в нас Божьему. Как иконы, потемневшие от времени, обновляются, так просветляются и души человеческие веянием Духа Святого, восстановляя свою подлинную икону. Божественное знамение настоящего времени — обновление потемневших ликов икон, когда, казалось бы, грех получил права гражданства, — есть символ и призыв Божий к совлечению ветхого человека и созиданию нового. Это, может быть, зов Божий к греховному человечеству в последний час.

На землю пришел Христос человек, и мы, идя за ним, облекаемся в нового человека, совлекаясь ветхого. Греховные наши состояния ненормальны и нарушают гармонию жизни. Нужно правильное соотношение между духом, душой и телом: преобладание души над телом и затем духа над душой, что и возвращает человека к первозданной гармонии. Тогда человек через явление в себе божественной жизни восстановляется в царственном достоинстве и делается снова царем природы. Мы видим, что людям, исполняющим волю Божию, как преп. Сергий Радонежский, преп. Серафим Саровский, повинуются дикие звери и стихии. И в этом нет ничего удивительного, ибо человек возвращается к своему назначению в этом мире.

Не имея господства духа, мы не обладаем целостными состояниями, подающимися при отрешении от греха. Мы не живем духом, т.к. дух превыше нашей душевной жизни. Живя в душевности, мы лишь иногда ощущаем веяние Духа Святого: «Дух, идеже хощет, дышит, и глас Его слышиши, но не веси откуда приходит и камо идет» (Иоан. III,8). Обыкновенно действия Духа Святого не проявляются в нас, так как мы скованы грехом. Поскольку человек освобождается от греха, постольку Дух Святой начинает действовать в нем. Мы наблюдаем, как освобожденный дух у святых побеждает пространственность, как святые творят чудеса. Для тех, у кого сердце готово, в чуде нет ничего странного, а чудо есть действие Бога в силе своего могущества. Для сердца неготового чудеса не воспринимаются, и люди для понимания их подыскивают различные объяснения, не видя божественности действия. Чудеса опровергались и во

время жизни Христа на земле, как, например, чудо со слепым от рождения. Чудеса, производимые святыми людьми, не нарушают законов природы, а восстанавливают их. Все возвращается к первозданному божественному порядку.

Что же такое жизнь духовная или небесная и как подойти к ней? Нельзя понять духовную жизнь, не приближаясь к ней. Жизнь духовная, небесная противоположна жизни плотской, греховной. Душевный человек с плотским состоянием не может понять духовную жизнь. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (I Кор. II,14). Они говорят на разных языках: один в церкви получает радость, другой скучает. Сердца греховные не слышат божественных звуков неба. Как непонятны переживания в музыке без музыкального развития, так и духовные переживания недоступны людям, засоренным грехом и не борющимся с ним. Духовную жизнь мы начинаем понимать только в результате процесса борьбы с грехом. Подобное познается подобным, и Бог познается святостью. Нас приближает к Богу то, чем мы сродны с Богом. Мы сродны с Богом свойствами, которые отражаются в нас от Бога действием в нас Духа Святого. Ступень к богообщению есть святость. Состояния святости не надо рассматривать, как совершенную безгрешность, а как отдельные моменты христианского доброделания, моменты утверждения в человеке плодов Духа Святого, например, мира в сердце. Состояния святости утверждаются в нас борьбою с греховностью, побеждением тех или иных греховных состояний души и тела. Борьба эта болезненна, соединена с крестом, подвигом, но ведет к святости. Конечная цель есть богообщение, но путь к нему есть святость. Бог открывается нам в результате нашего хотения и подвига. «Бог бо есть действуяй в вас и еже хотети и еще деяти о благоволении» (Фил. II,13). Он являет нам свою благость, светит добрым и злым, так как Бог есть любовь.

Как узнать духовную жизнь?

Духовная жизнь познается по плодам ее. Источником духовной жизни является Дух Святой. Плоды Духа Святого созидаются в порядке сочетания с благодатью Божией воли человеческой, направленной к борьбе с грехом. Плоды Духа Свя-

того, по апостолу Павлу, суть: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. V,22). Дела же плоти такие, что о них лучше и не говорить: по словам апостола, это «прелюбодеяние, ссоры, блуд, нечистота» и т.д. (Гал. V,19). В мире плоды Духа Святого видны прошедшими через человека, что мы наблюдаем у святых людей, которые живут жизнью святой, духовной, небесной. Жизнь святая, духовная, небесная — это синонимы. Сам Христос — воплотившийся Бог-Слово — пришел в доступную нам обстановку, чтобы мы не устрашились блистания Божества и через человека могли усваивать Божественное, чтобы эта небесная жизнь в царстве света делалась достоянием нашего сердца и нашей жизни. Пребывание Христа на земле было раскрытием для людей божественной жизни в земных условиях. На земле Христос приоткрыл блистающую Божественную славу Свою, как сие совершилось при Преображении Господнем на Фаворе: «На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша». Отображение Бога в нас в меру нашего очищения является для нас благом. Когда в человеке действует Дух Святой, в нем водворяются мир, кротость, радость о Духе Святом. Происходит просветление грешного человека, или его преображение. Человек, подвигом преодолевая темные силы, дает в сердце своем место Богу до меры царения Божия, когда жизнь неба — Царство Божие — водворяется в его сердце. С воцарением Господа начинается царство Божие в нас, и сердце становится вместилищем действий Духа Святого. И это может быть достоянием каждого из нас. Люди, пребывающие в таком состоянии, как результат стяжания Духа Святого, кажутся достигшими счастья. Стяжание Духа Святого — это самая необходимая задача нашей жизни, несущая нам благо, как сему научаемся у преп. Серафима Саровского.

Водворение в человеческой душе святости есть побеждение греховной природы, которая является естественным нашим состоянием после грехопадения. Когда мы боремся с греховными состояниями, мы отвоевываем в сердце место для действий Духа Святого. Действие Духа Святого несет нам состояние

мира, что есть подлинная реальная жизнь. Этот мир достигается каждодневным борением, побеждением греховности, свойственной душевному человеку. Душевное есть естественное, природное. Все доброе в естественном человеке есть Божий дар. Христианин должен воспользоваться им для созидания в себе духовной жизни. Духовное есть то, что творческими усилиями нашей воли созидается нами при помощи Божией на естественных состояниях человека. Христианин живет с известным заданием: плохое в себе побеждать, а хорошее приумножать. Такая жизнь не приходит сама собой и сразу, а является результатом подвига, приближения к Богу-Отцу, как у блудного сына, который, испытав много лишений, наконец решил вернуться к своему отцу. Он встал и пошел к отцу, а отец вышел ему навстречу. Происходит взаимное действие Бога и человека. Чтобы достичь духовных состояний, как, например, мира, кротости, нужно употребить много усилий и труда. На усилие и старание Господь отвечает своей благодатию, и возникает совокупность состояний, которые роднят нас с Богом. Этот процесс называется спасением души. При побеждении греховного выявляется подлинный образ человека. Преодоление нашей самости не уничтожит нашей индивидуальности. Человек через грех обратился в прах и пепел, стал ветхим. Совлечение ветхого человека, восстановление его истинного образа есть возврат к Богу. Бог есть мирное устроение в чувствах, мыслях, воле. Преодолевая средостение нашей плотяности, телесногреховности, мы, действием благодати Божией, переходим в состояния святости, поскольку в нас отображается Бог. Эти моменты победы над грехом и суть действия Духа Святого, т.е. жизнь духовная, святая.

Существует мнение, что христианские добродетели — это действия только вне, например, разные дела милосердия. Многие христианские состояния суть доброделание внутреннее. Из отдельных моментов доброделания созидаются добродетели, которые являются ступенями, ведущими нас в небесную обитель, приближая нас к Богу. Утверждение отдельных моментов такой жизни дает нам благо, которое обращается в блаженство; ступени к нему указаны Христом в Его Нагорной проповеди в

заповедях блаженства и ощутимы еще здесь на земле исполняющими их: «Блажени чистии сердцем, кротции, миротворцы...». Лицезрение Божие — полнота блаженства — будет в будущей жизни, а теперь, поскольку Бог будет отображаться в нас, будет светиться в нас, мы, являя плоды Духа Святого, будем отображать Славу Божию. «Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела и да прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф. V,16). Когда мы побеждаем грех, мы творим добро, отражая этим славу Божию. Каждое побеждение темных греховных состояний как бы отражает некоторый божественный луч. Первоисточник добра — Бог. Бог — творец добра на земле через нас. Добрые дела, совершаемые человеком, есть действие на него Духа Святого. Всякое доброе дело есть Божье дело. Поскольку Бог есть источник добра, то в человеке, делающем добро, есть действие Божие. Творя добро, мы являемся соработниками Божьими. Через добро мы даем бо́льшую возможность проявиться Богу в мире, а делателем является Сам Господь. Делание добра есть жизнь вечная. Добро есть борьба с грехом и делание противоположного греху. Действием воли в борьбе с грехом мы стяжаем Духа Святого и тем утверждаем добро на земле, которое, имея своим источником Бога, делает нас причастниками жизни вечной. И мы пожнем плоды Духа Святого, если не ослабеем. «Делая добро да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Гал. VI,9). Стяжанием Духа Святого нам открываются врата вечности, обитель на небе в будущей жизни, а здесь на земле состояния святости: мира и радости о Духе Святом, которые, водворяясь в нашем сердце, дают нам благо, а умножаясь, дают блаженство, которое есть общение с Богом. Царство Божье начинается здесь на земле, в нашем сердце, наполнением его святыми состояниями и чувствами, которые преображают нашу жизнь. Созидание святых состояний есть низведение неба на землю. Тогда мы входим в реальность небесных чувств. Человеку поставлена задача отражать славу Божию, Свет Христов. Поскольку мы являем своей жизнью Свет Христов, мы приближаемся к Богу, вступаем в небесную обитель и ощущаем блаженство, наслаждаясь общением с Богом. Человек послан в мир

в своей индивидуальности, которая в многообразии Божиих дарований или талантов, расцветая под действием благодати Божией, должна отразить Славу Божию. Преображаясь и общаясь с Богом, мы отражаем лучи Божии и тем участвуем в Славе Божией. От святых людей излучается Свет Христов. Зафиксированный луч неба, павший на землю, прошедший через человека и засиявший в нем силою благодати Божией, зовущий и привлекающий к себе людей, излучается снова и опять идет в небо. Бог — это солнце, которое должно отразиться во всем человечестве. Конечная цель мира — это слава Божия, а для каждого в одиночку это обожение (Афанасий Великий) или спасение души, т.е. возвращение человека к своему первообразу, который он утратил через грехопадение. Аминь.